

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

О сотрудниках советских органов государственной безопасности, их труде и подвигах в борьбе с различного рода враждебными проявлениями написано немало хороших книг. Одна из них, выпущенная Приволжским книжным издательством в 1967 году, посвящалась чекистам-саратовцам, мужественно выполнившим свой долг по обеспечению безопасности нашей великой Родины. Читатели узнали о их героической борьбе с врагами Советской власти, немецко-фашистскими захватчиками и агентурой разведывательных служб империалистических государств. Книга сыграла положительную роль в популяризации исторического опыта чекистских органов.

Новая книга «Особое задание», подготовленная коллективом авторов в составе Н. И. Шабанова, Н. П. Ключарева, В. А. Андреева, М. В. Кравченко, на документальной основе дополняет ранее опубликованные материалы.

Книга выходит в юбилейный год 60-летия Советской власти и вновь возвращает нас к тому знаменительному дню, когда В. И. Ленин подписал постановление Совета Народных Комиссаров о создании Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

В 1977 году исполняется 100 лет со дня рождения Феликса Эдмундовича Дзержинского, первого председателя ВЧК.

За прошедшие 60 лет органами государственной безопасности проведена огромная работа по ограждению советского общества от различного рода враждебных элементов. Как отмечалось в докладе тов. Л. И. Брежнева на XXV съезде КПСС, «всю свою работу, которая протекает под руководством и неослабным контролем партии, органы госбезопасности ведут исходя из интересов народа и государства, при поддержке широких масс трудящихся, на основе строгого соблюдения конституционных норм, социалистической законности. В этом прежде всего заключается их сила, главный залог успешного осуществления возложенных на них функций».

Раскрывая отдельные стороны становления и деятельности чекистских органов, книга несомненно окажет положительное воздействие на воспитание, особенно у молодежи, политической бдительности, высокого чувства патриотизма и любви к Родине.

Подполковник А. КУЗНЕЦОВ

Надежно ограждают советское общество от подрывных действий разведок империалистических государств, разного рода зарубежных антисоветских центров и иных враждебных элементов **органы государственной безопасности**. Их деятельность строится в соответствии с требованиями, вытекающими из международной обстановки и развития советского общества. Наши чекисты берегут и развивают традиции, заложенные рыцарем революции Феликсом Дзержинским.

Л. И. БРЕЖНЕВ

ОСОБОЕ ЗАИАНЧЕ

Саратов
Приволжское книжное издательство
1977

0-75 **Особое задание.** Сборник очерков о чекистах. Сост. Н. И. Баландинский. Саратов, Приволж. кн. изд-во, 1977.

200 с. с ил.

В сборник, посвященный 60-летию Всероссийской чрезвычайной комиссии, вошли очерки, рассказывающие о различных периодах деятельности саратовских чекистов.

11202
16—77

34C33

Николай Шабанов

РЕВОЛЮЦИЕЙ ПРИЗВАННЫЕ

1

Весна 1918 года выдалась жаркой. К концу мая солнце уже пекло по-летнему. Город вольно раскинулся в громадной подкове желтых холмов, с двух сторон подступающих к изгибу Волги. Деревянные домишкы заводских окраин ближе к центру сменяются добротными, рубленными из векового леса пятистенками, с плотными, мышь не проскочит, заборами. На самых видных местах — нарядные особняки купцов, на весь белый свет кричащие о достатке своих хозяев глазуронной облицовкой стен, решетчатой вязью балконов. Зловеще сверкают на солнце купола церквей, недобрым веет от кованых железом ворот мещанина и набычившихся каменными лбами палат местной знати.

На Константиновской¹ стены домов пестрят следами пуль, под ногами блестит серебром мелкая стеклянная крошка, искалеченными обрубками тянутся к солнцу ветви деревьев. На здании Совета крыша сорвана снарядом, в стенах третьего этажа зияют отверстия. Ломовые извозчики подвозят кирпич, суетятся прорабы. Добровольных помощников хоть отбавляй: пришли железнодорожники, мукомолы, столяры, целый отряд прислал профсоюз архитектурно-строительных рабочих. Еще недавно здесь были баррикады, шел бой с мятежниками, напавшими на Совет.

...Торжественно и печально выглядит Театральная площадь² в убранстве красных полотнищ, обвитых траурным крепом. К зданию городского театра стекаются колонны. Сегодня здесь похороны жертв мятежа. С оружием в руках маршируют заводские дружины, идут отряды Ртищева, Аткарска, Камышина, Пензы, Сокольнический батальон из Москвы. Ведет свои части Сергей Загуменный, прибывший по вызову исполкома из-под Уральска.

Звучит похоронный марш, склоняются над братской могилой боевые знамена. Пролетариат Саратова провожает в последний путь лучших своих сынов, отдавших жизнь за революцию.

Склонил голову председатель Совета Антонов. Он сделал все, чтобы избежать жертв, разрешить конфликт мирным путем. Но, видимо, причины были не в простом недовольстве солдат плохим снабжением. Эсеры рвались к власти, им Совет встал поперек горла. Они пустили в ход все средства, вплоть до клеветы, чтобы опорочить губернский Совет, заменить его милым эсеровскому сердцу Учредительным собранием. Распустили слух, будто бы председатель Совета Антонов скрылся из Саратова, прихватив с собой три миллиона рублей, а секретарь

---

¹ ныне улица Советская.

² ныне площадь Революции.

губкома партии Васильев сослан в Сибирь за казнокрадство.

Поблескивают стекла пенсне на глазах Васильева. Крепится Михаил Иванович, но горе сутулит плечи, тяжким грузом давит на сердце.

Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу.
Вы отдали все, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу.

Торжественно и сурово звучит похоронный марш над притихшей площадью.

В братскую могилу переносится прах редактора «Саратовской Красной газеты» Давида Циркина и комиссара по печати Петра Алексеева, захороненных в сквере Радищевского музея. Давид Циркин пал от руки провокатора во время демонстрации 15 марта 1918 года, а десять дней спустя погиб Петр Алексеев. Двадцать два года жизни питерского рабочего вместили в себя и царские тюрьмы, и ссылку, и огромную ответственность, которую возложила на него партия, поручив руководить самым острым участком классовой борьбы — печатным словом. Во время конфискации типографии Рабиновича на углу Царицынской и Вольской улиц¹ хозяин и его сын напали на комиссара сзади и выстрелом в упор убили его. Рабинович-отец успел скрыться, а сын не ушел от сурового возмездия. 27 марта губисполком под председательством В. П. Антонова постановил: «Предоставить отделу по борьбе с контрреволюцией право действовать всеми мерами вплоть до расстрела». Убийца Петра Алексеева Е. Рабинович был приговорен к высшей мере наказания. На белый террор буржуазии саратовский пролетариат ответил красным террором.

Не прошло и двух месяцев — новые жертвы контрре-

---

¹ ныне улицы Первомайская и Братиславская.

волюции. Гробы с останками Петра Алексеева и Давида Циркина опускаются в братскую могилу.

Прощайте же, братья, вы честно прошли
Свой доблестный путь благородный.

Похожий на индусского брамина в чалме из бинтов на сизой, выбритой голове в общем строю Иосиф Генкин. Лежать бы ему на госпитальной койке, да время не позволяет. Две недели назад председатель губчека был ранен анархистом. Предательский выстрел в затылок. Спасибо медикам. Профессор Спасокукоцкий мастерски провел сложнейшую трепанацию черепа, извлек пулю.

А что было бы, если бы не успели разоружить анархистов? Триста вооруженных бандитов — сила серьезная. 14 мая их разоружили, а спустя два дня Викторов поднял свой батальон и третью батарею против Совета. Не разгадай губчека дьявольский план — трудно сказать, сколько братских могил стало бы на этой площади.

Викторов и анархисты... Была связь между ними, несомненно была. Недаром так упорно искали мятежники Генкина по всем лазаретам и больницам. Врывались и в семнадцатый госпиталь — в гостиницу «Московскую». Сам слышал хриплые, пьяные голоса: «Где комиссар?.. Выходи, Генкин, разговор будет». Разговор известно какой. Спасибо госпитальным сестричкам: так заставили бельевыми шкафами, что потом и профессор едва отыскался...

...Куда же все-таки сбежал Викторов? По слухам, он захватил катер. Видимо, подался вверх, на Самару: там легче затеряться.

— Пошли, Осип. Все кончилось, ребят теперь не вернешь,— тронул Генкина за рукав его заместитель Дейч.

Исходал Макс за эти дни, почернел весь. С горсткой бойцов пришлось двое суток отбиваться от пьяных мятежников. Но выстояли до подхода подкреплений, не сда-

ли Совет, дальше угла Константиновской и Ильинской¹ не пустили.

Мятеж подавлен, но надо найти его главарей, обезвредить вражеское подполье. Губчека работала днем и ночью. В Саратов специальным поездом прибыла Высшая военная инспекция РККА во главе с членом Высшего военного совета республики Н. И. Подвойским. Была создана чрезвычайная комиссия по расследованию причин мятежа. В состав комиссии вошел и председатель Саратовской губчеки Генкин.

По делу о мятеже было арестовано пятьсот девяносто два человека, из них четыреста восемьдесят семь были вскоре освобождены без всяких последствий, как лица, введенные в заблуждение, сорок три — высланы за пределы губернии, дела шестидесяти двух активных участников мятежа рассматривал революционный трибунал. Но это была в основном мелкая сошка. Главари восстания бежали, скрылись, след их затерялся. Работники губчеки еще и еще раз просматривали дела, допрашивали арестованных, рассыпали запросы по всему Поволжью, но следы Викторова и его ближайших помощников не находились.

Силы контрреволюции тем временем сгущались. 20 мая в Москве собрался восьмой Совет партии социалистов-революционеров. Он постановил призвать войска Антанты «для сокрушения большевистского движения». Детальный план военной кампании обсуждался во французской военной миссии с участием членов эсеровского ЦК. Было решено также использовать войска чехословацкого корпуса, эвакуируемого на Дальний Восток. Предполагалось, что части корпуса постепенно займут опорные стратегические пункты Рязано-Уральской, Симбирской и Уссурийской железных дорог и выступят про-

---

¹ ныне улицы Советская и Чапаева.

тив Советской власти, координируя свои действия с контрреволюционными организациями на местах.

Чехословацкий корпус в России начал формироваться еще при царе по инициативе чешской и англо-французской буржуазии, в основном из военнопленных австро-венгерской армии. При Керенском он насчитывал около пятидесяти тысяч человек. Офицерский состав корпуса был в два раза больше, чем в русских частях. Нашли себе здесь приют и многие черносотенные генералы и офицеры. Основные силы корпуса дислоцировались в районе Ртищева, Пензы, Рузаевки.

Советское правительство разрешило корпусу эвакуироваться из России. Троцкий настаивал на дислокации корпуса в Саратове. Саратовский Совет не подчинился этому приказу. Председатель Совета В. П. Антонов послал в Ртищево командующему чехословацкой группой войск телеграмму: «Если хоть один ваш солдат продвинется к Саратову, заговорят наши пушки».

Пушки в то время в Саратове были только на артиллерийских складах, и не было никого, кто умел бы стрелять из них. Тем не менее телеграмма возымела действие. Эшелоны свернули из Ртищева на Пензу.

Подготовка к восстанию корпуса велась заранее. С конца апреля эсеры перебрасывают на Волгу своих эмиссаров и боевые группы. Был создан Поволжский областной комитет эсеровской организации, который охватывал губернии: Саратовскую, Самарскую, Симбирскую, Тамбовскую, Пензенскую и Область Войска Уральского. Организационным центром был избран Саратов.

Первая попытка сорвалась: не удалось захватить Саратов. 19 мая был подавлен саратовский мятеж, а 25 мая выступил против Советской власти чехословацкий корпус. Удайся эсеровская авантюра в Саратове — и весь юго-восток страны оказался бы отрезанным от центра республики. 29 мая белочехи, захватив Ртищево, попытались двинуться на Саратов, но интернациональный ла-

тышский полк, в составе которого было немало венгров, сербов, словаков, коротким встречным ударом отбросил мятежников и освободил город.

Не случайно Саратов привлекал взоры контрреволюционеров всех мастей. Вместе с губернией он представлял огромный клин, вбитый революцией в земли казачьих войск. На большом пространстве этот клин отделял донских казаков от уральских и нависал над астраханскими. Саратов был не только ключом к Нижней Волге, но и важным железнодорожным центром, связывавшим Москву с Казахстаном и Средней Азией, с Южным Уралом.

«Мы должны, — писал донской атаман Каледин уральскому атаману Дутову, — объединить силы всего казачества. Мы должны иметь Волгу во что бы то ни стало. Только тогда мы сорганизуемся и поведем общее наступление на Москву. Мешает Саратов. Представляется безусловно необходимым приложить все старания к наибыстрейшему его занятию. Вам это легче сделать. У меня еще возня с Царицыном¹. Думаю, что скоро с ним покончу. Во имя блага горячо любимой Родины не теряйте дорогоого времени»².

Атаману Войска Уральского было не до Саратова. Его бандитские сотни, захватившие было Озинки и Дергачи, откатывались к Уральску под натиском созданной саратовскими рабочими Восточной армии, переименованной теперь в 4-ю. Со стороны Николаевска³ наседал на дутовцев со своими полками Василий Иванович Чапаев. И вдруг, словно снег на голову, — восстание чехословаков. Приободрились атаманы всех трех казачьих войск, подняли голову кулаки и недобитые белогвардейцы.

31 мая «Саратовская Красная газета» опубликовала

---

¹ ныне город Волгоград.

² Саратовский Совет рабочих депутатов (1917—1918). М., 1931, стр. 7.

³ ныне город Пугачев.

воззвание интернационального батальона Красной Армии.

«Мы, чехословаки и поляки,— говорилось в нем,— узнав о событиях в Ртищеве и других городах, признали действия чехословацких отрядов несправедливыми и энергично протестуем против них... Мы всецело будем стоять на страже завоеваний русской революции».

В тот же день в городском театре собрался губернский Саратовский Совет вместе с делегатами крестьянского съезда. На сцене — исполнительный комитет Совета, члены Высшей военной инспекции РККА, представители интернациональной секции.

На трибуне председатель Совета Владимир Павлович Антонов.

— Немцы захватили Украину, — взволнованно говорит он. — С ними идут белогвардейцы. Они направляются на Царицын, на Саратов, стремясь перерезать главную артерию — Рязано-Уральскую железную дорогу. План этих бандитов — оторвать Москву и центр от последнего хлебородного района. Внутри мы имеем дело с нашими врагами: меньшевиками и правыми эсерами, кадетами и черносотенцами.

...Оставался еще некоторый промежуток, но и он занят восставшими чехословацкими отрядами. Повстанцы захватили было Ртищево, но были отбиты. Захвачена Пенза и частью горит, захвачены Сердобск и Сызрань.

В наших немецких колониях немало империалистов, вооруженных пулеметами и даже орудиями. Настало время подумать об участии революции. Выйдем на бой с нашими непримиримыми врагами, иначе нас ждет участь Украины. От имени исполнительного комитета, как старый боец, революционер, пятнадцать лет боровшийся против царизма, призываю: скорее! к оружию!

Бурными аплодисментами отвечает зал, делегаты аплодируют стоя, долго не дают говорить очередному оратору.

С трудом подбирая русские слова, отчаянно жестикулируя, к делегатам обращается Йозеф Кельнер — словак, член интернациональной секции Совета.

— Будем крепко держать оружие в руках. Все на защиту международной революции. Мы будем создавать интернациональный батальон.

К собравшимся обращается председатель Высшей военной инспекции РККА Николай Ильич Подвойский.

— Международное положение республики тяжелое. Молодая Красная Армия напрягает последние силы. У врагов появилась мысль нанести удар Советской власти еще и здесь, на Волге. Надо извлечь уроки из недавних событий в Саратове. Люди, одетые в шинели и собранные в казармы, — это еще не армия. Надо работать с людьми, вносить сознательность, разъяснить цели и задачи Советской власти. Красная Армия тогда лишь будет крепкой, когда каждая рота пройдет политическую грамоту, полностью овладеет военным искусством.

Единогласно принята резолюция:

«Принимая во внимание смертельную угрозу рабочим и крестьянам Российской Советской республики и, в частности, Саратовской губернии от грабительского международного капитализма и от поднимающейся местной контрреволюции в лице буржуазных, помещичьих и кулаческих элементов, немедленно принять меры к самому энергичному вооружению и военному обучению трудовых классов для создания самозащиты»¹.

Город был разбит на шестнадцать районов, в каждом — районный инструктор из бывшихunter-офицеров и бывалых солдат, подобранных губернским военкоматом. Военному обучению подлежали все без исключения рабочие в возрасте от восемнадцати до сорока лет. Обучение проводилось в течение восьми недель, по девять часов в неделю. Ополченцы разбивались на сотни во главе

---

¹ Саратовский Совет рабочих депутатов. М., 1931, стр. 518.

с выборным начальником из рабочих, знающих военное дело.

Вскоре на площадях Соборной, Театральной, Дегтярной, Ильинской, на Плац-параде¹ вышагивали пестро одетые шеренги, вооруженные разнокалиберным оружием от кавалерийских карабинов до японских винтовок «Арисаки».

Смело мы в бой пойдем
За власть Советов!
И, как один, умрем
В борьбе за это! —

разносились над притихшим городом слова песни, ставшей клятвой целых поколений.

В городе не было гарнизона: красные войска ушли на Уральский фронт. Патрульную службу несли саратовские рабочие. Первым на призыв Совета отозвался профсоюз архитектурно-строительных рабочих и послал на охрану революции тысячу четыреста рабочих.

А город тем временем все наполнялся приезжими. Эшелон за эшелоном прибывали в Саратов беженцы с Украины, спасавшиеся от немецкой оккупации. В полном порядке прибыл состав Харьковского Совета, вывез материальные ценности, оборудование военных мастерских. Вместе с эшелонами советских работников и мирных граждан, опережая их, бежали на восток анархисты, «профессора» уголовного мира и всякий деклассированный сброд.

В городе участились случаи грабежей и насилий, разбойных нападений на квартиры мирных жителей. Работы у губчека и подчинявшейся ей советской милиции притянулись.

Среди бела дня в центре города был ограблен казначей землемерно-технического отдела губисполкома Кван-

---

¹ ныне площади Музейная, Революции, Дворец спорта, имени Фрунзе, здание факультета физвоспитания пединститута.

чахадзе. Получив деньги в банке, он возвращался к себе в сопровождении милиционера. На Константиновской улице, где размещались Совет и губчека, шайка бандитов внезапно напала на Кванчахадзе. Сбили с ног, обезоружили, вырвали портфель и бросились врассыпную. Красногвардейцы из охраны Совета открыли огонь по убегавшим. Двоих ранили. В руки губчека попали участники банды Спирина и Хорев. Удалось выяснить, что банду возглавляет Грызункин, «гастролировавший» по многим городам России. Накануне банда ограбила государственные банки в Козлове¹ и Тамбове.

Уголовная милиция установила штаб-квартиру Грызункина в доме Басова на Грошовой² улице. В результате облавы удалось взять всю банду, деньги в сумме ста десяти тысяч рублей были возвращены губисполкуму.

Саратовская пересыльная тюрьма переполнена уголовниками: пересылать их некуда. Следствие тянулось медленно из-за неопытности вчерашних рабочих, вступивших на тернистый путь юриспруденции. Порядки в местах заключения были на редкость демократичными.

— Не к лицу нам, революционерам, вводить драконовские царские порядки в тюрьме,— рассуждали работники Саратовского комиссариата юстиции.

Уголовники свободно общались между собой, пользовались прогулками, передачи не контролировались. Пилки по металлу, ножи в камерах были не диковиной. Грызункин обзавелся даже револьвером. Решетки на окнах были подпилены. Бандиты ждали удобного случая.

Телеграф сообщил: «Белочехи подступах Самаре тчк Создан комитет учредительного собрания зпт власти правые эсеры тчк Создают «Народную армию» призывают свои знамена контрреволюционный сброд от монархистов до анархистов».

---

¹ ныне город Мичуринск.

² ныне улица Дзержинского.

Активизировались кулаки в северных уездах Саратовской губернии, батальон губчека постоянно в разъездах. Заработало «сарафанное радио»: поползли слухи о скором падении Советской власти в Саратове.

— Час наступил, — решил совет главарей, — все приготовления к побегу закончены.

Сложности для преступников такого ранга эти приготовления не составляли. Среди них были такие, что убегали из тюрем по четырнадцать раз и имели на своей совести по десятку человеческих жизней.

Как только надзиратель открыл дверь, чтобы вывести заключенных на прогулку, он тут же был сражен выстрелом из револьвера. Завладев ключами, Грызункин выпустил всю бандитскую ораву, и она набросилась на охрану. Раздались выстрелы.

Комиссар тюрьмы Сергеев позвонил в губчека. К телефону подошел член коллегии Моисей Венгеров.

— Арестанты разбегаются, — взволнованно кричал Сергеев, — во дворе идет бой.

Председатель губчека Генкин был с отрядом в уезде. За него оставался Макс Дейч. В его распоряжении — полсотни конников и рота охраны Совета. Снимать всех нельзя. А вдруг это провокация: оттянут силы от здания Совета, а потом ударят по нему, как было в мае. Нужны были меры быстрые и решительные. Дейч выбежал во двор, за ним, на ходу пристегивая оружие, громыхал сапогами тяжеловесный Венгеров.

— Всем в ружье, — последовала команда. — Первый взвод на автомобиле по Камышинской¹ и Горной заходит со стороны Сенного базара. Охрана Совета возлагается на товарища Венгерова. Конники, за мной!

Бешено загрохотали по булыжникам мостовой копыта идущей наметом конницы, шарахнулись в сторону прохожие, испуганно крестились богомольные старушки:

---

¹ ныне улица Рахова.

«Опять куда-то помчался этот кожаный антихрист. Говорят, из Америки выписали большаки для охраны бесовской власти».

Ладная фигура Дейча уже примелькалась в городе. За свои тридцать два года он прошел такую школу жизни, что другому и за век не пройти. Сын ломового извозчика, в пятнадцать лет рабочий-шорник, он с ранних лет отдал себя революции. Не раз сидел в царских тюрьмах, был приговорен к расстрелу, отбывал каторгу на Амурской колесной дороге, скитался в Америке. В Россию вернулся только после февраля семнадцатого года, раньше пути домой были заказаны. Человек решительный, горячий, он схватывал обстановку с полуслова, действовал смело и напористо!

Так было и на этот раз. Не удалось Грызунину и его дружкам уйти дальше сквера на Астраханской улице. Из тюрьмы они вырвались, перебив и обезоружив охрану, но тут же были окружены. На предложение Дейча о добровольной сдаче открыли огонь. Завязалась перестрелка. Главари бандитов были перебиты, остальные сдались.

В городе поползли слухи, что губчека расстреливает в тюрьме невинных людей без суда и следствия. Цель этих слухов была одна: вызвать недовольство Советской властью. Губернский Совет предложил чрезвычайной комиссии отчитаться о событиях. Отчитывался на заседании исполнкома Макс Дейч.

— Вчерашний случай попытки к побегу арестантов,— говорил он,— мог сделать массу зла для всей Саратовской губернии. Было установлено, что каждый бандит в среднем совершил до пяти убийств с целью грабежа, причем грабежи сопровождались садистскими мучениями жертв. Много могли бы они натворить, если бы мы не приняли мер. Их надо было давно судить и расстреливать, но наши суды, к сожалению, все еще неповоротливы в делах.

Вот эти «невинные» люди,— продолжал Дейч,— и пы-

тались бежать, напав на наших товарищей — красноармейцев из охраны. Благодаря очень удачному окружению убегавших бандитов удалось в тот же вечер вновь задержать. Если бы головорезам удалось уйти, они устроили бы в городе резню. Рабочие-железнодорожники, узнав о побеге, хотели в горячах перебить всех арестантов. Нам стоило больших усилий удержать их.

Совет постановил: считать действия чрезвычайной комиссии правильными¹.

12 июня 1918 года газета «Саратовские известия» в заметке «Действия местной власти» сообщала:

«5 июня с. г., в 5 ч. вечера была произведена дерзкая попытка побега из губернской тюрьмы шайки арестантов. В завязавшейся перестрелке между охраной, подоспевшими отрядами из революционных штабов и беглецами со стороны дружинников убито двое и ранено трое. Глаза бандитов уничтожены...

Вся эта банда состояла из закоренелых и неисправимых людей.

Большинство было амнистировано в Февральскую революцию и снова попалось по тем же «профессиональным» преступлениям — убийство, вооруженный грабеж и т. д.

Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией, доводя об этом до сведения населения, заявляет, что и в дальнейшем она будет принимать самые беспощадные меры по отношению к подобного sorta бандитам².

Не удалось эсеровско-меньшевистскому подполью сыграть на разжигании страстей вокруг событий в губернской тюрьме. Народ встретил действия властей с одобрением. Да и само подполье вскоре почувствовало крепнущую руку губчека.

¹ Саратовский Совет рабочих депутатов (1917—1918). М., 1931, стр. 527.

² Газета «Саратовские известия» № 114, ГАСО.

В чрезвычайную комиссию поступили сведения, что в Саратове ведется скупка оружия для немецких колоний.

Саратовские чекисты приняли меры, со своей стороны, организовали фиктивную торговлю оружием. Ее сотрудники установили контакт с фабрикантами из Камышинского уезда Рейхертом и Бауэром. Была оформлена сделка на семьдесят восемь тысяч рублей. При попытке получить оружие Рейхерт и Бауэр были арестованы с поличным. Делом заинтересовалась Всероссийская чрезвычайная комиссия, и оно было передано в Москву. Еще одно контрреволюционное выступление было предотвращено.

Однако обстановка в городе и губернии день ото дня осложнялась. Войска Самарского правительства продвигались на юг по обоим берегам Волги: по правому — на Хвалынск — Вольск — Саратов; по левому — на Николаевск. Южнее — на Семиглавый Мар и Озинки напирали казачьи полки атамана Дутова.

Саратов стал стратегическим ключом для всего Среднего и Нижнего Поволжья. Кто владеет Саратовом — тот владеет Поволжьем. Это прекрасно сознавал Реввоенсовет республики. К этому же стремились и враги революции.

В руки чекистов попала докладная записка саратовской организации правых эсеров в свой московский центр. «Об особом значении нижне- и средневолжских губерний в борьбе с большевиками¹:

а) занятие сравнительно короткой линии Самара²— Пенза — Балашов — Поворино отрезает от Советской России не только Саратовскую, часть Пензенской и Самарскую губернии, но и Астраханскую, Каспийское море, все юго-восточное Заволжье, все закаспийские области и весь Кавказ;

---

¹ «Красный архив», 1927, № 12, стр. 169—170.

² ныне город Куйбышев.

б) происходит, таким образом, соединение территории Учредительного собрания с другими областями, освобожденными от власти большевиков, вплоть до берегов Черного моря (Область Войска Донского, Терская и Кубанская области, Новороссийск);

в) открывается возможность непосредственного влияния на донское казачество и возможность совместных с ним действий против большевиков, равно как и с терско-кубанской добровольческой армией генерала Деникина;

г) открывается возможность связи с союзниками через Черное море благодаря выходу из германской коалиции Болгарии и вероятного выхода Турции;

д) области, отрезаемые линией Самара — Поворино, чрезвычайно богаты хлебом и другими продуктами продовольствия, спешно и в огромном количестве вывозимыми в настоящий момент большевиками. Эти области являются теперь для Советской России почти единственным источником продовольствия (хлеб, мясной скот, рыба, соль);

е) запас жидкого топлива (нефть, керосин, бензин), имеющийся в Астрахани, Царицыне и Саратове, спешно вывозится большевиками в центральную Россию;

ж) население этих областей, в особенности, в связи с продовольственной кампанией большевиков, до чрезвычайности против них озлоблено. Вместе с тем оно достаточно зажиточно и, следовательно, имеет реальное основание желать защищать свое достояние. Непрерывные местные восстания о том свидетельствуют. Население это может стать деятельной опорой для работы в тылу у неприятеля. Оно окажет содействие при вступлении в названные области народной армии и союзников, даст богатый и хороший людской материал для будущего добровольческого и принудительного набора в армию;

з) в поволжской области сохранился до настоящего

времени налаженный военный аппарат при областном комитете¹, деятельность которого теперь свернута ввиду недостатка средств и отсутствия регулярной связи с правительством², но всегда может быть вновь развернута в короткое время».

Документ изъят у солдата, пытавшегося перебежать к белым под Хвалынском. Солдат убит. Никаких нитей, ведущих к эсеровскому центру в Саратове, не осталось. А этот центр существует, он действует, вынашивает злодейские планы. Генкин сосредоточенно мерит шагами комнату, присаживается к столу, близоруко щурясь, еще и еще раз вчитывается в документ. Противник нелегкий, образованный, опытный, закоренелый враг Советской власти. Все подсчитал, все взвесил. Но в отношении настроения крестьян он просчитался. В большинстве своем они стоят горой за Советскую власть. Кулакам, действительно, она не по шерсти. Потому и выступают, и бунтуют. Но ведь большинство волостных Советов просят присылки не войск, а оружия.

— Дайте оружие. Мы с кулаками сами справимся,— заявили крестьяне на сходах в Алексеевке и Базарном Карабулаке.!

Не хватает способных, грамотных ребят в самой губчеке. А тут еще здоровье... Голова последние дни просто разламывается. Проклятый анархист продырявил череп. Профессор говорил, нужен покой, нельзя напрягаться. А как же враг? Будет ходить по Саратову и плести паутину очередного заговора. Нет, видимо, местными силами не справиться. Надо дать шифровку в ВЧК, самому Феликсу Эдмундовичу. Дело серьезное, схватка предстоит жаркая.

---

¹ имеется в виду подпольный эсеровский комитет. (Примеч. авт.)

² имеется в виду Самарское правительство Комуча. (Примеч. авт.)

Когда под вечер 18 мая шесть рот Сергея Загуменного и латышские стрелки под прикрытием броневика и пулеметной команды окружили Ильинскую¹ площадь, мятежникам был послан ультиматум — сложить оружие. Последовал отказ, возобновилась стрельба, заговорили пулеметы, с Лопатиной горы ударили орудия. Над Деконовскими казармами поднялся белый флаг. Мятежники сдались. Все, кто находился на территории казарм, были арестованы. Вожака среди них не было. Куда он девался, не могли сказать ни рядовые, ни члены руководимого им «комитета десяти».

А в это время с кормы пароходика местной линии общества «Кавказ и Меркурий» напряженно вглядывался в удаляющийся берег Саратова пожилой, сутулый священник.

— Что, батюшка, хорош наш город, жаль расставаться? — полюбопытствовал проходивший мимо матрос.

— Дочка у меня там осталась, в гости приезжал, — глухим басом ответил святой отец и поспешил в каюту.

В каюте Викторов, а это был он, проверил карманы. Револьвер, документы — все на месте. Прислушался. Мерно шлепают плицы колес, с каждым ударом унося его от опасного места.

Не получилось в Саратове, поспешил, не подготовил как следует. Другие части не поддержали, а одним эскадроном даже при наличии батареи город не возьмешь. На стороне Совета — железнодорожники, латышский батальон, хотя и в неполном составе, всякие мелкие дружины. «Чрезвычайка» теперь по всем губерниям депеши разослала. Нет, в Самару ехать нельзя: там своя губчека имеется, поди, ждут уже на пристани.

В Сызрань пароход пришел перед рассветом. Среди

¹ ныне площадь Фрунзе.

немногочисленных пассажиров сошел и военный с небольшим чемоданом в руке, нанял извозчика и поехал на вокзал. Авантюрист, имевший широкие связи в уголовном мире, Викторов строил расчет на том, что уездные чеки только еще создаются, люди в них неопытные, авось удастся проскочить.

Расчет оправдался. Через три дня Викторов был уже в Белебее Уфимской губернии. С распластанными объятиями встретил его старый приятель, бывший секретарь городской думы при Временном правительстве Ксенофонт Закржевский. Вместе тянули лямку в юнкерском пулевометном.

— Прилетел, сокол? Наверняка крыльшки подпалил! — смеялся Закржевский.

— Прилетел, Ксюша, прилетел, дорогой. Отдохну у тебя, осмотрюсь, — скрытничал Викторов.

— Вот тебе комната — располагайся, — радушно предложил хозяин.

Он догадывался, что Викторов заявился не случайно, но расспросами не докучал: сам расскажет.

Целыми днями гость валялся одетым на диване, курил, на улице не показывался, жил затворником, вынашивал новые планы. Метался Викторов по матушке России немало. Служил во Владивостоке, после февраля семнадцатого был товарищем секретаря городской думы в Хабаровске, заведовал материальным складом в Москве. По призыву Керенского вызвался на фронт, попал в Запорожский полк и застрял на Украине. Рвался воевать с немцами до победного конца, после Октября попал в отряд Сиверса, был начальником кавалерии в 1-й Донской революционной армии. Шел за большевиками до тех пор, пока не начала Советская власть притеснять кулаков продразверсткой. Этого Викторов ей простить не мог. Голос собственности заглушил рассудок. Поднял Викторов эскадрон, куда был послан инструктором, против Саратовского Совета. Поднять было не трудно. Получен

приказ выступать на Уральский фронт, а сапог нет, жалованья не выдали. Появилась бочка спирта — остальное дело техники. Не хуже спирта подогревали листовки и газета, выпущенная правыми эсерами. Бейлин и Литвинов — лидеры правых эсеров в Саратове — сразу вошли в «комитет десяти», руководивший восстанием, помогли выработать требования: рабочих разоружить, Совет распустить, создать комитет учредительного собрания.

«Наверняка попались в руки чека, — «тюха с матюхой», а не идейные вожди,— думал сейчас Викторов.— Не надо было вести переговоры с Советом, а сразу ударить из пушек, сравнять полгорода с землей — и мы у власти. Антонов только время тянул, подкреплений ждал. Поставят теперь к стенке горе-стратегов. Меня-то голыми руками не возьмешь. Я еще себя покажу».

— Ксенофонт, — обратился Викторов к хозяину за ужином, — какие части у красных в вашем городе?

— Да какие там части,— отмахнулся хозяин.— Формируется полк, а пока не больше батальона. В штабе ни одного военного — бывший ротный писарь командует.

— Легализоваться надумал. Завтра пойду в Совет. Только командировочное предписание надо поправить, а так бумаги надежные,— как уже о давно решенном сообщил Викторов.)

26 мая бывший штабс-капитан Николай Федорович Викторов предстал перед военным комиссаром города Белебея и предъявил убедительные документы. В связи с оккупацией территории Украины немецкими войсками он направлялся в город Белебей для прохождения службы в формирующихся частях Красной Армии. Командировочное предписание и рекомендательное письмо были подписаны известным красным командиром Сиверсом. В тот же день военспец Н. Ф. Викторов был назначен начальником штаба полка.

Его решение легализоваться ускорила весть о восстании белочехов. Викторов решил перейти к ним не с

голыми руками. На то, чтобы распропагандировать полк и увести его на сторону восставших, времени не было. Но если действовать с головой, то можно передать документы и материальную часть в руки белых. Без этого кто он такой — неудавшийся герой саратовского восстания? Погоди докажи, в Саратове-то красные. Характеристику у них не запросишь. |

Ждать пришлось недолго. 25 июня внезапным налетом в Белебей ворвались белочехи. Красные части отступили. Напрасно ждал ездовой на повозке, запряженной парой орловских рысаков, напрасно умолял вестовой ехать скорее к эшелону. Викторов хладнокровно собирая и складывая по порядку штабные документы до тех пор, пока в комнату не ворвались вражеские солдаты. Он встал и поднял руки. Штыками его оттеснили в угол.

— Я штабс-капитан Викторов, добровольно передаю вам документы штаба полка, — заявил предатель вошедшему офицеру.

— Тебя и твои документы мы взяли сами, без малейшего на то согласия, — оскалился офицер. — Мы таких добровольцев ставим к стенке. Увести во двор.

— Господин поручик, господин поручик. Я ваш, я свой — с поднятыми руками рухнул на колени Викторов. — Доложите обо мне полковнику Чечеку.

— У командующего нет больше заботы, как разговаривать со всякой сволочью. Ладно, отправьте в тюрьму, контрразведка разберется, — смилиостивился поручик.

Вскоре Викторов предстал перед обитателями камеры № 275 Самарской губернской тюрьмы. Сидели здесь не успевшие эвакуироваться рядовые милиционеры, пленные красноармейцы. Разговоры шли вокруг предательства эсеров и восстания белочехов. Захватившие город с помощью иностранных штыков правые эсеры создали свое правительство — комитет Учредительного собрания, контрразведку, начали формировать «народную» армию

из черносотенцев, кулаков и всякого уголовного сброва. В городе — казни и грабежи.

— Скоро ли придут наши? — вздохнет то один, то другой.

Викторова прорвало: он — боевой офицер, можно сказать, герой белого движения вынужден сидеть черт знает с кем!'

— Нет ваших, пришли наши, надолго, навсегда! — кричал штабс-капитан. — Подумайте о том, как вступить в народную армию. Меня скоро выпустят отсюда. Вот доложат обо мне полковнику Чечеку и сразу освободят.

— Буду формировать полк, — несся на крыльях фантазии Викторов. — Вот тогда от ваших только красные перья полетят. Долго раскачиваетесь, господа самарцы, до сих пор не проснетесь. Я еще в мае три дня держал Саратов в своих руках. Не повезло. Загуменный вернулся с Урала и ударили в тыл отряду. А то бы я еще в мае установил в Саратове власть Учредительного собрания. Ноете тут — учредилка, учредилка, а чем она хуже Советов? Это — крестьянская власть, нам за нее надо держаться.

Красноармейцы помалкивали, в спор не вступали: донесет еще офицерик, и закачаешься с пеньковым галстуком на шее. У контрразведки разговор короткий.

Шли дни. Посланцы полковника Чечека не приходили: видимо, им было не до новоявленного «бонапарта». Белые войска оставляли один город за другим. По вечерам на нарах о чем-то шептались. Викторов стал ловить на себе косые взгляды — надо было уносить ноги, пока цел. Симулируя острый приступ язвы желудка, он добился перевода в тюремную больницу. Здесь его поместили рядом с тяжело больным, чахоточным часовщиком Либерманом, арестованным за сочувствие большевикам. Дни его были сочтены, и Викторов не таялся.

— В Белебее у меня есть явочная квартира. В тайничке золотишко; двенадцать тысяч кредитными билетами.

В Саратове тяпнул. Ловить меня руки коротки,— хвас-тался проходимец.— В чемодане три парика, костюмы, грим. Ищут офицера, а я уже священник. Начнут искать священника, а у меня уже другой лик. Всегда выйду сухим из воды. Молись своему богу, Исаак, за меня, выручу в трудную минуту.

Когда советские войска освободили Самару, из тюремной больницы выписался пострадавший от белочехов красный командир, назвавшийся Николаем Викторовичем Федоровым. По спискам освобожденных не проверяли, а документы остались у белых. Исаака Либермана в тяжелом состоянии отправили в госпиталь.

И снова штабс-капитан на воле. Снял квартиру возле базара в доме Наумова, прикидывает, куда податься, где найти своих хозяев. Мог бы и затеряться в военной суматохе след преступника. Но от расплаты уйти ему не удалось.

Созданная в декабре 1917 года Всероссийская чрезвычайная комиссия, как специальный орган диктатуры пролетариата по борьбе с контрреволюцией, к концу 1918 года организационно окрепла. Губернские чрезвычайные пополнились людьми, беспребельно преданными революции, получали все большую поддержку населения. Рабочие и крестьяне в ходе развернувшейся на необъятных просторах России гражданской войны приобретали классовый опыт, освобождались от насаждавшейся веками рабской психологии. Чрезвычайные комиссии на местах обрастили сотнями добровольных помощников. Так было повсюду: в Москве, Петрограде, Саратове, Самаре.

Викторов чувствовал себя неуязвимым. Кто его знает в Самаре? Никто. Не посыпала же Саратовская губчека фотографии штабс-капитана. Не оставил он ей на память свое изображение. А словесный портрет он и есть словесный.

Вскоре после выхода из тюрьмы Викторов направился в Самарский губвоенкомат за пособием, как постра-

давший от белых. Рассчитывал сыграть роль до конца: большой командир Красной Армии, при белых подвергался репрессиям, поправляет здоровье. Пройдет время, военкомат выдаст новые документы, направит в новую часть, а там видно будет.

В шинели, фуражке с красной звездой, не спеша шел Викторов по Советской улице. И вдруг лицом к лицу столкнулся с человеком в черном ватнике. Тот от неожиданности остановился, хотел спросить что-то.

— Извините,— посторонился Викторов.

Не ускоряя шага, он подошел к витрине магазина и незаметно осмотрелся. Человек в ватнике топтался на месте, словно ища кого-то. Выражение растерянности было написано на его лице.

Викторов почувствовал неладное. Все так же не спеша он свернул за угол и кружным путем направился к рынку. Подозрение перерастало в уверенность: его опознали. Последний квартал перед домом Наумова почти бежал, не оглядываясь: успеть бы переодеться, забрать вещички.

Не успел. Вслед за ним во двор ворвались тот, в черном ватнике, и высокий парень в кожанке.

— Руки вверх, Викторов! Вы арестованы,— парень поднял револьвер.— Сопротивление бесполезно.

Произошло это 10 октября 1918 года. Сотрудник губчека Михаил Алекрицкий задержал предателя и убийцу, главаря майского мятежа в Саратове. А опознал его, случайно встретив на Советской улице, человек, не имевший к чека никакого отношения,— Георгий Курулов.

Накануне майского восстания в Саратове созывалась конференция профсоюза металлистов Поволжья. В ее работе приняли участие девятнадцать делегатов из двенадцати городов. Делегатом от Самары был Курулов. Утром 17 мая мятежники обстреляли из орудий здание Совета. В двенадцать часов дня возобновились перегово-

ры исполкома с мятежниками. Стремясь избежать напрасного кровопролития и выиграть время, В. П. Антонов предложил создать согласительную комиссию. В качестве представителя нейтральной организации в нее входил и Георгий Курулов.

Принимая во внимание, что продолжение столкновения повлечет за собой ненужные жертвы с обеих сторон, а также и со стороны мирного населения, комиссия постановила:

«С 13 часов пополудни 17-го сего мая считать столкновение ликвидированным.

Вооруженным частям предложить немедленно возвратиться в свои казармы.

Несение караульной службы поручить латышскому полку совместно с 1-м кавалерийским.

Комиссия оповещает население, что по всестороннему выяснении причин, вызвавших печальный конфликт, оказалось, что войска, находившиеся в состоянии войны с совдепом, не имели намерения свергнуть таковой, что все происшедшее оказалось прискорбным недоразумением.

Для окончательной ликвидации конфликта указанная комиссия продолжает свои работы»¹.

Под протоколом в одном ряду с подписями В. Антонова, Я. Шварцмана и вожаков мятежников Викторова, Бейлина и других стояла подпись Курулова. Не успели высохнуть чернила на протоколе, Викторов вновь открыл бандитский обстрел из орудий, сея смерть и разрушение. Посланный парламентером к мятежникам член исполкома Полищук предательски ими убит. Какое уж тут перемирие и нейтралитет! Георгий Курулов выпросил винтовку в Совете и встал в строй латышского батальона, который привел на Константиновскую Карл Блукис. Вместе с интернациональным отрядом, состоявшим из

---

¹ «Саратовские известия», 1918, № 95.

сербов, венгров, словаков, чехов, ударили латыши вниз по Ильинской. Целый квартал отбили, но залегли под огнем пулемета, бившего откуда-то с чердака на Угодниковской¹ улице во флаг наступавшим. Свистели пули, рикошетили от булыжников мостовой, падали смертельно раненные товарищи. Разве такое забудешь?

И вот пять месяцев спустя встреча в Самаре, лицом к лицу: Викторов и Курулов. Металлист не забыл эти водянистые, холодные глаза профессионального убийцы, этот приплюснутый книзу нос.

Викторов сразу понял, что отпираться бесполезно, но можно попытаться сбить следствие с толку. На первом же допросе в Самарской губчеке он заявил следователю Еремину:

— Да, во время майского восстания в Саратове я был в полку, но активного участия не принимал. Участвовал в мирных переговорах, хотел избежать кровопролития. Не дожидаясь конца восстания, из Саратова уехал. Моя жизни угрожала опасность: в то время не разбирались, кто виноват, кто прав.

После первичного допроса и показаний свидетелей, в том числе и сидевших с ним в одной тюремной камере, Викторов был доставлен из Самары в Саратовскую губчеку. Здесь его ждали не с пустыми руками. Еще в августе был арестован активный участник восстания, правая рука Викторова — бывший унтер-офицер царской армии Михаил Сухарев.

Председателем Саратовской губчека 9 августа 1918 года был назначен прибывший из центра Иван Павлович Жуков. Опытный революционер, член партии с 1909 года, участник октябрьских боев в Петрограде, председатель первого в Советской России революционного трибунала, он с присущей ему энергией взялся за укрепление Саратовской губернской чрезвычайной комиссии. К осе-

---

¹ ныне улица Ульяновская.

ни 1918 года в партийной организации губчека насчитывалось около трехсот членов партии, работавших как в самой комиссии, так и в батальоне и дружине при ней. Губчека получила собственное здание на Крапивной¹ улице, между Ильинской и Вольской.

В состав комиссии кроме председателя вошли секретарь Харьков, товарищ председателя Блукис, заведующий отделом по борьбе с контрреволюцией Венгеров, заведующий иногородним отделом Вороницкий, заместитель секретаря Любохонский, заведующий спекулятивным отделом Иванов и заведующий отделом по борьбе с преступлениями по должности Никитин. Непосредственно председателю подчинялись также следственная комиссия, комендантский отдел и секретная часть.

Генкину предоставили отпуск по болезни, затем он был назначен председателем Особой чрезвычайной комиссии, в задачу которой входила организация уездных чека и борьба с контрреволюцией в уездах.

Дейч постановлением губисполкома был назначен заведующим губернским управлением народной рабоче-крестьянской охраны.

Проведенная реорганизация значительно усилила работу чрезвычкома. Это уже была не майская губчека, состоявшая из трех человек, действовавших зачастую несогласованно, дублировавших друг друга. Губчека превратилась в хорошо организованный орган по борьбе с контрреволюцией.

Будучи в увольнении, курсант третьей роты первых Саратовских командных курсов Александр Россомахин встретил на Ильинской улице Михаила Сухарева. Оба они были родом из Тульской губернии. Сухарев пожаловался земляку на свою судьбу. После майской заварухи он уже три месяца скитается где попало, кормится случайной работой.

---

¹ ныне улица Тараса Шевченко.

— Как быть? Посоветуй, земляк, — обратился Сухарев к Россомахину.

— Иди в аттестационный отдел, зарегистрируйся как вновь прибывший. Поступай в часть. А там видно будет, — посоветовал Россомахин.

О своей встрече с Сухаревым Александр сообщил в губчека. За Сухаревым было установлено наблюдение. Вскоре он поступил в батальон связи 4-й армии. Командир батальона С. Черников, как только Сухарев обмолвился, что служил в мятежном кавалерийском полку, сразу же принял его и назначил заведовать продовольственным складом. Бывший офицер Черников имел связь с правоэсеровским подпольем, пополнял вверенную ему часть людьми сомнительным прошлым, белогвардейцами, сынками кулаков. Сухарев мог ему пригодиться.

Так, спустя три месяца после восстания, легализовался один из его активных участников Михаил Сухарев, сменил Деконовские казармы на Ильинской площади на казарму батальона связи возле Духосошественской церкви¹.

Развернуться там ему не пришлось, через двадцать дней Сухарев был арестован. Командир батальона Черников поспешил откреститься от своего заведующего продовольственным складом.

— Поступил недавно. Ни в чем предосудительном не замечен. Службу нес исправно, — заверял он работников губчека.

Следователи ведут перекрестный допрос.

— Виновным себя не признаю, — сразу заявил Сухарев. — Я, можно сказать, спас Совет от разгрома, а вы мне дело шьете.

— Вы находились среди восставших? — следует вопрос.

— Да, находился. За несколько дней до восстания

---

¹ ныне возле кинотеатра «Маяк».

я был избран комиссаром 1-го Советского кавполка. В должности утвержден не был и фактически не приступил еще к исполнению обязанностей. Жил вместе с солдатами в казарме, потому и оказался среди восставших.

— Но вы имели возможность уйти. Почему не сделали этого?

— Меня удержало намерение оказать пользу Советской власти, желание увести солдат от восставших артиллеристов,— хорошо продуманно и, на первый взгляд, аргументированно строит свою версию Сухарев.— Этого мне сделать не удалось. Но я спас жизнь комиссарам военного отдела Тамарину, Бедринцеву, Шелухину, лично проводив их через линию огня в здание Совета. Когда комиссару Фартученко угрожал самосуд восставших, я дал ему свою лошадь, и он ускакал с площади.

— Если вы совершили такие геройские поступки, то почему скрывались целых три месяца?

— После подавления восстания я действительно скрывался,— без тени смущения говорит Сухарев. На его скользящем остроносом лице появляется блудливая ухмылка.— В тот момент не очень-то разбирались: виновен человек или нет. Был среди восставших — отвечай. В целях личной безопасности скрылся, но из Саратова не уехал.

В разное время, в разных губчека шли первые допросы Сухарева и Викторова. А ответы совпадали почти дословно. Не иначе, прежде чем скрыться, Викторов проинструктировал своих ближайших помощников, как держаться на допросах. Свидетель за свидетелем проходили через кабинеты следователей. Постепенно вырисовывалось подлинное лицо Сухарева. Сын кулака из Тульской губернии в Красной Армии оказался случайно.

«Не туда ты попал, сынок,— писал отец Сухарева.— Ты там собираешься воевать с казаками за Советскую власть, а здесь эти твои расхоронные большаки последний хлебушек продотрядами изымают».

Далеко, конечно, было до последнего хлебушка. Петр Сухарев был известным мироедом в своем селе: родовой надел более пятнадцати десятин, табун лошадей. Полселя гнуло спины на кулака. Не с руки было его сынку воевать за Советскую власть. Не стоило больших усилий сагитировать младшего Сухарева против нее. Он стал верным помощником Викторова, вошел в «комитет десяти». Именно его послал главарь восставших к железнодорожникам с целью склонить их против Совета или, в крайнем случае, обеспечить нейтралитет.

Миссия Сухарева закончилась полным провалом. Железнодорожники арестовали его и посадили в будку стрелочника. Оказавшийся в депо член губисполкома Виктор Бабушкин решил отправить арестованного в Совет. Позвезли его на открытом автомобиле двое рабочих. С винтовками они обращаться умели, но пороху еще не нюхали. Прошедший фронтовую выучку Сухарев обманул неопытных ребят.

Когда проезжали Камышинскую, Сухарев вскочил и замахнулся смятой в кулаке фуражкой:

— Ложись! Бросаю гранату!

Ребята плюхнулись на пол кузова. Сухарев спрыгнул на ходу и — был таракан. Не успели сообразить молодые дружинники, что никакой гранаты у Сухарева и быть не могло. Ведь перед этим его обыскали и обезоружили.

— Вояки! Мать их за ногу. Собственной тени бояться, — похвалалялся он спустя полчаса среди своих.

На следующий день Сухарев явился с делегацией восставших в губисполком, прихватив с собой арестованных комиссаров Тамарина, Бедринцева и Шелухина в знак добрых намерений. А военкома Фартученко оставил заложником. И не его заслуга в том, что Фартученко удалось обмануть бдительность часовых и ускакать.

Припертый фактами, Сухарев стал раскаиваться, ссылаясь на малограмотность, валить все на Викторова. И

вот они встретились на очной ставке. Вчерашние сообщники готовы были потопить друг друга ради спасения собственной шкуры. Виновность их в организации мятежа против Советской власти, в артиллерийском обстреле здания губисполкома, повлекшем за собой человеческие жертвы и материальный ущерб, была доказана полностью. Коллегия губчека приговорила Викторова и Сухарева к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор был приведен в исполнение.

Так были обезврежены заговорщики, пытавшиеся свергнуть Советскую власть в Саратове в мае 1918 года. Не смогли овладеть ключевым пунктом Поволжья атаманы двух казачьих войск Каледин и Дутов, не удалось этого сделать и их пособникам. Однако эта попытка захватить Саратов была не последней. В воинских частях, расквартированных в городе, в самой 4-й армии, сражавшейся на два фронта — против белочехов на севере губернии и уральских казаков на юго-востоке, правые эсеры плели паутину очередного, более глубокого и обширного заговора.

Благодаря удачно проведенной демобилизации старого гарнизона и разоружению проходивших через Саратов частей распавшейся царской армии в конце семнадцатого — начале восемнадцатого годов здесь образовались большие склады военного имущества, начиная с амуниции и кончая осадными пушками. В течение февраля и первой половины марта в Саратовском гарнизоне было расформировано шесть пехотных полков, две артиллерийские и одна пехотная бригады, пехотная дивизия и другие части и подразделения. Всего было расформировано пятьдесят пять воинских частей, прибывших с фронта, и пятнадцать частей местного гарнизона. Исполкому Совета было передано более тридцати пяти тысяч винтовок, сто пятьдесят пулеметов, сто тридцать три орудия, две тысячи пятьсот шашек, пять миллионов патронов, много другого вооружения, снаряжения и боеприпасов.

Кроме того, в Саратов было вывезено с Украины десять тысяч винтовок и триста тысяч патронов.

Город стал базой формирования и снабжения многочисленных отрядов и частей регулярной Красной Армии. Из Саратова снабжались созданная здесь 4-я, затем 1-я, 6-я, 10-я армии. Запасы постепенно иссякли, из центра пополнений почти не было. Армии, привыкшие снабжаться из Саратова, нажимали на губернский Совет, обвиняя его в местничестве. Постоянного гарнизона в городе не было. Вновь созданные части уходили на фронт, другие приходили на формирование. Батальон при губчека постоянно менялся. Только отберут, обучат людей, следуя приказ реввоенсовета: отправить на фронт. И снова формирование.

Этой текучей, постоянно меняющейся обстановкой прифронтового города и решили воспользоваться правые эсеры.

3

Партия социалистов-революционеров, возникшая в 1902 году в результате объединения народнических групп и кружков, являлась по своему классовому содержанию выразительницей интересов сельской и городской мелкой буржуазии, опиралась главным образом на кулачество. В качестве основного тактического средства борьбы с царским самодержавием эсеры выдвигали индивидуальный террор, что наносило вред рабочему движению. После поражения первой революции в России в 1906 году партия эсеров распалась. Правая часть образовала легальную Трудовую народно-социалистическую партию, близкую по своим взглядам к кадетам. Из партии вышли «максималисты», представлявшие собой полуанархическую группу, положившую в основу своей деятельности террор и экспроприации.

В декабре 1917 года левое крыло эсеров организовало

самостоятельную партию. Стремясь сохранить свое влияние в крестьянских массах, левые эсеры встали на путь сотрудничества с большевиками. Их лидеры Карелин, Колегаев, Прошьян, Спиридонова вошли в состав Совета Народных Комиссаров. Однако, как показали события, вошли они не для совместной работы, а для того, чтобы подрывать диктатуру пролетариата изнутри. Вскоре правые и левые эсеры повели самую бешеную и подлую по своим приемам борьбу против большевистской партии, против молодого Советского государства. 20 июня 1918 года левым эсером Сергеевым предательским выстрелом из-за угла в Петрограде убит комиссар по делам печати, пропаганды и агитации, редактор «Красной газеты» Володарский.

На открывшемся в Москве 4 июля 1918 года Пятом Всероссийском съезде Советов левоэсеровская фракция заняла антисоветскую позицию. 6 июля левым эсером Блюмкиным убит германский посол Мирбах. Цель — спровоцировать войну с Германией и с помощью штыков императора Вильгельма свергнуть Советскую власть в России.

Эсеры заняли Трехсвятительский переулок, телефонную станцию и телеграф, обстреляли Кремль из орудий. Отряд ВЧК под командой эсера Попова перешел на сторону восставших. Председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский, член коллегии М. Я. Лацис, председатель Моссовета П. Г. Смидович были арестованы мятежниками.

Пятый съезд Советов дал директиву правительству немедленно подавить мятеж. Фракция левых эсеров во главе с Марией Спиридоновой была арестована в качестве заложников.

В правительственном сообщении об убийстве германского посла говорилось:

«Россия теперь, по вине негодяев левоэсерства, давших себя увлечь на путь Савинковых и Компаний, на волосок от войны.

В Германии самая сильная партия, военная партия, давно ищет повода для наступления на Петроград, Москву и Царицын. Теперь повод для этой партии есть такой, лучше коего нельзя бы ей и желать...

Советской властью задержаны как заложники все бывшие в Большом театре делегаты Пятого съезда Советов из партии левых эсеров, а равно приняты все меры для немедленного военного подавления и ликвидации мятежа новых слуг белогвардейских замыслов и скоропадчины.

Все, кто понимает безумие и преступность вовлечения России теперь в войну, поддерживают Советскую власть. В быстрой ликвидации мятежа нет ни тени сомнения.

Все на свои посты! Все под оружие!

Долой слуг белой гвардии и Скоропадского!»¹

В. И. Ленин послал во все районные Советы Москвы распоряжение мобилизовать партийных работников и призвать рабочих немедленно подавить мятеж².

После первого обстрела со стороны советских войск в отряде Попова началось разложение. Значительная часть отряда не поддержала авантюру командира и стала на сторону Ф. Э. Дзержинского и захваченных вместе с ним большевиков. К двум часам дня 7 июля мятеж левых эсеров в Москве был подавлен. Разрозненные группы его участников разбежались по окрестностям.

В Саратове известие о левоэсеровском мятеже в Москве получили 7 июля. В тот же день в адрес губисполкома пришла телеграмма из Аткарска:

«Передайте. Сию минуту идет заседание коммунистов, которое постановило, что если нужно, то мы, аткарцы, перевешаем всех авантюристов и, если нужно, сию же минуту готовы выручать Москву, иди и бороться с врагами революции.

Аткарск. Коммунисты».

---

¹ Ленин и ВЧК. М., 1975, стр. 83.

² Там же, стр. 85.

Не знали еще аткарцы, что враг гораздо ближе и не надо ехать в Москву, чтобы сразиться с ним на смерть. 26—30 июня восстали кулаки в Балакове. 1 июля вспыхнул эсеровский мятеж в Вольске. Выбрав момент, когда отряд Красной Армии выбыл из города на подавление кулацкого восстания в Заволжье, заранее подготовленные белогвардейские дружины внезапно напали на Совет. До последнего отбивался из пулемета председатель ревкома Петр Струин. Но силы были неравными. Истекающего кровью большевика бандиты сбросили с балкона на штыки озверевшей толпы кулаков.

Восстание готовилось заранее. Заговорщики преследовали цель — открыть фронт для наступающих из Самары белочехов на Саратов. В Вольск под различными предлогами съехались белые офицеры из Самары, были и посланцы московского эсеровского центра, державшие связь с саратовским подпольем.

В Саратове о драматических событиях узнали не сразу. На руку белогвардейцам сыграло предательство зашедшего вольским телеграфом правого эсера Сескутова. 4 июля мятежники восстановили поврежденный во время боя телеграф. Начальник белогвардейского штаба Толстов при содействии Сескутова вызывает Саратов и от имени погибшего комиссара Сепетова ведет разговор с комиссаром Саратовского телеграфа, выведывая обстановку. 5 июля разговор повторяется уже с губисполкомом. Белогвардейцы сообщают, что власть восстановлена, а сами лихорадочно готовят оборону Вольска, разбивают город на десятидворки во главе со старостами, ведут поголовную мобилизацию, формируют дружины и роты.

На подавление восстания были посланы по железной дороге Аткарский и Петровский отряды, по Волге из Саратова — первый батальон архитектурно-строительных рабочих, а также Вольский и Балаковский отряды. Дружным ударом на Рыбное и Привольскую белогвардейцы

были выбиты из города и бежали в сторону Хвалынска. Главные вдохновители восстания скрылись.

В Вольск была направлена особая следственная комиссия во главе с Генкиным. Первой ее задачей было выявление активных участников восстания и восстановление советских учреждений в городе. Комиссия работала до конца августа, рассмотрев сто восемьдесят дел по обвинению в мятеже. Было среди подсудимых много обычайтелей, сбитых с толку эсеровской агитацией. Всех их отпустили без последствий.

Следственную комиссию губчека интересовали организаторы и идейные вдохновители восстания. Видной фигурой в чиновниччьем мире Вольска был Иван Юдеев, по убеждениям правый эсер. На собрании почтово-телеграфных служащих он первым записался в белую гвардию и призывал других последовать его примеру. Собрание отмалчивалось, записываться не спешили.

— Трусы! Презренные люди, — с пеной у рта обличал своих коллег Юдеев. — По каждому поводу ворчите и негодуйте. А когда нужно активно выступить против нежелательной вам Советской власти, прячетесь за спины других. Позор!

Распалившийся Юдеев внес резолюцию: предложить штабу Учредительного собрания применить в почтовом ведомстве города Вольска набор в белую гвардию принудительно.

Голосовать за резолюцию пришлось одному Юдееву: собрание разбежалось. Полностью изобличенный показаниями свидетелей глашатай контрреволюции понес вполне заслуженное возмездие. Был арестован и один из организаторов нападения на Хвалынский Совет в январе 1918 года сын купца сектант-беглопоповец Петр Малофеев, задержанный в Вольске.

Некоторые участники восстания, тщательно замаскировав следы, поступили на службу в Красную Армию. Особой следственной комиссией губчека был разоблачен

дежурный по Вольскому гарнизону Сергей Горобец. Бывший прапорщик во время восстания командовал ротой, после восстановления Советской власти в городе вступил в Красную Армию. Переменив амуницию, не сменил убеждений. У него было изъято письмо явно конспиративного характера, адресованное некоему другу капитану в Москве. Горобец сообщал, что недавно он женился на двоюродной сестре. Жена часто бывает в командировках. Просил друга приехать поскорее, чтобы познакомиться с женой, а то она недели через две снова уедет. Перед отъездом из Москвы друг должен зайти на Таганку к сестре Горобца и прихватить два ящика, которые уже подготовлены и упакованы. В конце письма следовало подробное описание, как добраться до Вольска.

Под женитьбой на двоюродной сестре эсер Горобец подразумевал службу у большевиков, под частыми командировками — неустойчивость фронта в Поволжье. Он надеялся, что недели через две Вольск снова будет в руках у белых.

Предположить такую ситуацию было нетрудно. Армия учредиловцев, усиленная отборными частями белочехов, подходила к Хвалынску. Противостояла ей на правом берегу наспех сформированная группировка 4-й армии, основные силы которой по-прежнему сковывал атаман Дутов на Уральском фронте. Сменивший Сергея Загуменного на посту командующего бывший полковник царской армии Ржевский доверием красноармейцев и командиров частей не пользовался, к тому же был человеком осторожным и нерешительным.

Губчека заинтересовалась письмом, изъятым у Горобца. Оно говорило о разветвленных связях эсеровского подполья в губернии, о его выходе на Московский центр. В одну из июльских ночей чекисты провели проверку всех гостиниц и заезжих дворов Саратова с одновременной облавой в Липках — излюбленном месте встречи местной буржуазии. Было арестовано немало налетчиков, воров

и прочей уголовной шпаны. Среди всего этого отребья выделялись три респектабельных москвича, задержанных в гостинице «Астория»¹ и не сумевших вразумительно объяснить цель своего приезда в Саратов.

После беседы в губчека приезжих отпустили. За ними установили наблюдение. Постепенно раскрылась правоэсеровская военная организация, ставившая своей целью вооруженное восстание против Советской власти. Пятьдесят восемь заговорщиков, в основном бывших офицеров, были арестованы и преданы суду революционного трибунала.

Губчека доложила в Москву, что с эсеровским подпольем в Саратове покончено. Как показали события, вывод этот был преждевременным. В конце июля вспыхнули кулацкие восстания нескольких волостей Саратовского уезда. Восставшие заняли Татищево, Курдюм, Разбойщину. В уезд были посланы отряды. Вновь пришлось снимать часть войск с Уральского фронта.

Там тоже нельзя было похвалиться решительными успехами. Стоило командованию предпринять малейшую попытку продвинуть советские войска, как они тут же наталкивались на превосходящие силы казаков. Будто бы кто-то предупреждал противника заранее о продвижении красных полков. Несомненно, этот кто-то снабжал противника военной информацией, вел подрывную работу в тылу.

16 июля 1918 года В. И. Ленин подписал постановление Совета Народных Комиссаров о создании Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией на чехословацком фронте. Ей подчинялись все чрезвычайки при Советах прифронтовой полосы. Создание этого специального органа было вызвано крайне сложным положением на Восточном фронте в связи с изменой командующего фронтом левого эсера Муравьева и усилившейся подрывной

---

¹ ныне гостиница «Волга».

работой в частях и прифронтовом тылу. Чрезвычайная фронтовая комиссия объединила действия органов военного контроля в армии и губернских чека. Результаты не замедлили сказаться и в Саратове.

В августе 1918 года в 4-й армии был раскрыт заговор, во главе которого находились дежурный генерал армии Буренин, командир 2-го кавалерийского полка Бредихин, его помощник Шевелев, бывший помещик Ларин и другие.

Бывший полковник царской армии Бредихин, поступивший на службу в Красную Армию, получил задание сформировать в селе Дергачи кавалерийский полк, а затем кавалерийскую бригаду из двух полков. Бредихин имел связь с правыми эсерами, которые решили пополнить новые полки своим офицерским составом, соответственно подобрать рядовых бойцов и, ударив в тыл 4-й армии, открыть фронт для уральских казаков. Такую же работу по пополнению частей Красной Армии своими людьми правые эсеры вели в самом Саратове. У них имелась связь с командирами электротехнического батальона, батальона связи, минно-подрывной роты. Одновременно с прорывом фронта кавбригадой Бредихина предполагалось восстание в Саратове, чтобы наверняка овладеть этим стратегическим пунктом Поволжья.

На осуществление поставленной цели работали Петроградская, Московская, Саратовская, Покровская организации правых эсеров. Белогвардейские кадры из числа бывших офицеров и юнкеров вербовались в Москве и Петрограде и направлялись в Саратов. Одновременно шла вербовка в самом Саратове и городах губернии. Переправкой в полк Бредихина и через линию фронта занималась специально созданная тайная сеть явочных квартир и пунктов.

В Саратове сборным пунктом была квартира Н. И. Панфилова, откуда офицеры переправлялись в Покровск, а затем в Дергачи. Бывший член «Союза фронтовиков»,

ликвидированного губчека еще в марте, Николай Ракин познакомился с Панфиловым. Тот, прощупав настроения, сообщил ему пароль и предложил ехать в Покровск и разыскать там по указанному адресу квартиру Поспелова. 15 августа Ракин с другим бывшим офицером Новичковым на лодке перебрался в Покровск и явился к Петру Васильевичу Поспелову. Им предложили поступить во 2-й кавалерийский полк Красной Армии. Они отказались и попросили переправить их через линию фронта, в Уральск.

— Езжайте в Дергачи. Явитесь к адъютанту полка Трушелеву. Скажете: от Петра Васильевича. Все ваши желания исполняются по щучьему велению, по моему хотению, — напутствовал их Поспелов.

18 августа Ракин и Новичков прибыли в Дергачи к Трушелеву. Не успел он их оформить, как вбежал офицер-связник.

— Генерал Буренин раскрыт. Бежим! — крикнул он.

Над селом сгущались сумерки, медленно рассеивалась пыль, поднятая стадом коров. Из ворот дома, где находился штаб полка, вырвалась пароконная подвода и помчалась в степь. Бредихин, Трушелев, Ларин, Ракин, Новичков и другие офицеры добрались до Красной Речки, занятой казаками, потом до станции железной дороги, сели в поезд и отправились в Уральск.

Генерал Буренин и помощник командира полка Шевелев были расстреляны. На остальных участников заговора объявлен розыск. Военный контроль 4-й армии взял под наблюдение лиц командного состава,вшавших подозрение. Одновременно подвергались тщательному допросу попавшие в плен офицеры противника.

Через полтора месяца перед следователем военного контроля предстал попавший в плен Николай Ракин. Он подробно рассказал, как его переправляли сначала в Уральск, а затем в Самару, назвал известные ему адре-

са и пароли. Чекисты напали на след крупной антисоветской организации.

В квартире Панфилова был произведен обыск. Чекисты задержали хозяина квартиры и проживавшего у него под фамилией Люблинского Сергея Максимовича Максимова. В руки следователей попал список членов организации с указанием адресов. Вскоре была раскрыта вся подпольная эсеровская организация. Не помогла эсерам тщательная конспирация и сложная система проверки вербуемых лиц. На допросах Максимов показал, что в мае 1918 года он приехал в Петроград. В поисках заработка познакомился с шофером Шильинским. Тот познакомил его с неким Ганжонковым, который, в свою очередь, представил Максимова человеку по имени Виктор Борисович. И только после этой цепи проверок Максимова направили в дом 22 по Литейному проспекту, в клуб эсеров. Здесь он должен был спросить Иванову.

В клубе Максимов узнал, что ему надлежит ехать в Москву, а затем в Саратов. Выдали двести рублей на расходы и документы на имя И. М. Слепцова. В Москве было велено разыскать дом 38 на Дворянской улице в районе Павелецкого вокзала и спросить Нину Васильевну.

27 июля Максимов прибыл в Москву, разыскал нужный ему дом и познакомился с Ниной Васильевной Скуридиной. Здесь он получил адрес и пароль и выехал в Саратов. В городе на Волге ему пришлось сначала познакомиться с Иосифом Григорьевичем Ворониным, через него с Анатолием Ивановичем Доброхотовым, который после очередной проверки направил его к Николаю Ивановичу Панфилову, в чьих руках сходились все нити разветвленной эсеровской паутины. На квартире Панфилова встречались эмиссары Московского и Петроградского центров И. С. Куликовский и В. К. Рейзнер. Здесь разрабатывались планы диверсий, готовились подложные документы, хранилась антисоветская литература.

Эсеровское подполье не ограничивалось подрывом

боеспособности частей Красной Армии. Оно занималось шпионажем в пользу белых, имело специальные диверсионные группы на железных дорогах. Член Покровской организации Константин Коваленко показал, что во время захвата Вольска белогвардейцами ему было поручено отвезти в Вольск переданный из Саратова приказ по Красной Армии, в котором было указано расположение советских войск и приводился план наступления.

Для подготовки крушения поездов была создана специальная организация из грузчиков станций Саратов и Аткарск. Во главе ее стояли командированные в Саратов заведующий отделом Московского продовольственного комитета Дмитрий Нечкин и агент отдела Иван Львицын. На должность заведующего складом Нечкин привгласил бывшего полковника Чеснокова, «грузчиками» зачислил бывших офицеров и юнкеров Трынкина, Горбунова, Власова, Полякова, участников майского мятежа в Саратове Баркова, Никонова и других. Члены организации собирали сведения о движении военных грузов, главным образом артиллерийских, приобретали оружие, вели антисоветскую агитацию в частях гарнизона, готовили взрывы мостов и крушения поездов. Членами партии эсеров в этой организации были только ее руководители Нечкин и Львицын, остальные представляли собой отпетый белогвардейский сброд.

В целях дезорганизации советского тыла правые эсеры планировали создать диверсионные отряды на участках Саратов — Ртищево, Кирсанов — Козлов, Саратов — Астрахань, Саратов — Новоузенск. Запросили деньги на организацию отрядов.

Не дождалось эсеровское подполье в Саратове денег ни от послов империалистических держав, ни от самарского комитета Учредительного собрания. Чрезвычайная комиссия Восточного фронта при активной помощи Саратовской губчека пресекла преступную деятельность Поволжского комитета. Раскрытие саратовской и по-

кровской правоэсеровских организаций позволило ВЧК ликвидировать такие же организации в Москве и Петрограде. Следствие велось более десяти месяцев.

24 июня 1919 года обвинитель Верховного трибунала при ВЦИК Николай Васильевич Крыленко подписал «Обвинительное заключение по делу Саратовской и Петроградско-Московской организаций правых эсеров по обвинению членов этой организации в участии в контрреволюционной организации, имевшей целью свержение Советской власти и шпионаж»¹. К суду привлекались тридцать девять участников организации, двенадцатым по списку значился С. В. Черников, бывший командир батальона связи, приютивший в свое время активного участника мятежа в Саратове Михаила Сухарева. Под фамилией Куликовского в Саратове руководил подрывной работой член военной комиссии при ЦК партии эсеров Дащевский, тот самый Дащевский, который рекомендовал террористку Каплан в «Центральный боевой отряд» партии эсеров, принимал участие в подготовке покушений на В. И. Ленина и членов Советского правительства. 30 августа от злодейской руки эсеров погиб председатель Петроградской ЧК М. С. Урицкий. В тот же день эсеркой Каплан был тяжело ранен В. И. Ленин.

Гневом и возмущением ответили массы рабочих и крестьян на этот злодейский акт. ВЦИК призвал трудящихся усилить борьбу с контрреволюцией и объявил, что «на покушения, направленные против его вождей, рабочий класс ответит еще большим сплочением своих сил, ответит беспощадным массовым террором против всех врагов революции».

Вся страна, затаив дыхание, следила за состоянием здоровья В. И. Ленина. А в это время Дащевский готовил новые козни против Советской власти теперь уже в Саратове. С таким матерым, опытным, закоренелым вра-

---

¹ «Красный архив», 1927, т. 1, стр. 156.

гом столкнулась молодая Саратовская губчека в августе — сентябре 1918 года. В смертельной схватке благодаря совместным действиям победили армейские и прифронтовые чекисты.

Первый председатель Саратовской губчека двадцатидвухлетний студент Генкин, выступая на заседании губернского Совета, говорил:

— Надо бороться с контрреволюцией, надо беспощадно подавить возможность новых попыток возврата к старому. |

И каждый, в ком бьется сердце революционера, кому белый свет не мил без свободы, без социализма, — тот вступит в наши ряды, тот братски зашагает с нами в ногу, ибо из таковых каждый понимает, что гибелью, смертью для революции веет с тихих вод казачьего Дона.

Эти слова звучали как клятва на верность революции, на верность народу. Чекисты до последнего дыхания оставались верными этой клятве, закаляясь и мужая в горниле суровых испытаний.

Июль — сентябрь 1918 года были, пожалуй, самым тяжелым временем для Саратовской губчека. Три четверти губернии было занято белогвардейцами, враги приближались к Саратову на восемьдесят — сто километров. Под ударами белогвардейцев пали Хвалынск, Вольск, Кузнецк, Сердобск. Кулацкие восстания охватывали целые уезды. Приходилось, не ослабляя борьбы с внутренней контрреволюцией, мобилизовывать все силы на отражение ее натиска на внешних фронтах.

Товарищ председателя губчека Карл Блукис 30 июля 1918 года сообщал в одну из городских организаций:

«В ответ на Вашу просьбу прислать представителей на сегодняшнее заседание вынужден прислать свой отказ ввиду перегруженности работой в последние дни и ночи в связи с тревожным состоянием в городе».

Работать чекистам приходилось действительно днем и ночью, жить на казарменном положении. Не успели лик-

видировать восстание в районе Татищево — Разбойщина, как новое известие: поднялись кулаки в Камышинском уезде.

На подавление восстания с батальоном ЧК ушел теперь ее председатель Иван Павлович Жуков. Судя по тому, что вокруг сел были вырыты окопы, а кое-где со стороны восставших применялась артиллерия, руководили антисоветским выступлением опытные белогвардейские кадры, засланные в наш тыл. Поводом для восстания послужила объявленная военным ведомством мобилизация лошадей для нужд Красной Армии.

— Последних коней заберут, не отдавайте,— шептали лазутчики,— подниматься надо, донские казаки помогут.

По немецким колониям и русским селам ходило письмо донского казачества, отпечатанное типографским способом. Белогвардейские агитаторы сбивали с толку неграмотных, религиозных крестьян. И. П. Жукову понадобился весь многолетний опыт большевика-подпольщика, чтобы терпеливо, шаг за шагом разъяснять введенному в заблуждение населению уезда политику Советской власти, отношение большевиков к крестьянству. Бои и митинги, крестьянские сходы, перевыборы местных Советов, в которых сидели кулаки и их прихвостни, заняли более двух месяцев. В отсутствие председателя губчека его обязанности исполнял Генкин.

В начале сентября 1918 года войска Восточного фронта перешли в наступление. 4-я армия наступала в направлении Вольск, Хвалынск — Сызрань, выставив заслон против уральских казаков. На левом берегу отважно сражалась бригада Василия Ивановича Чапаева. Освободив Николаевск, переименованный по предложению В. И. Чапаева в Пугачев, бригада на следующий день вблизи села Пузанихи разбила вражеский полк и, развивая оперативный успех, продвинулась вверх по Волге, угрожая тылам правобережной группировки белых.

Началось бегство «народной» армии Самарского комуча. Наступление советских войск развивалось. 12 сентября был вновь освобожден Вольск, 17 сентября — Хвалынск. Здесь отличились 1-я Саратовская стрелковая дивизия и Вольская военная флотилия. 7 октября белые были выбиты из Самары.

В Саратове это известие было встречено ликование.

— Самара взята нашим детищем, детищем красного Саратова — Четвертой армией, — заявил В. П. Антонов на заседании губисполкома. — Я предлагаю приветствовать от имени Исполнительного комитета славных солдат Четвертой армии.

Предложение принимается под бурные аплодисменты.

А в это время на фронтах происходят важные события.

Армии Восточного фронта развиваются успех. 7 ноября освобождают от белых Ижевск, 31 декабря — Уфу и, развернувшись фронтом на юг и юго-восток, наступают на белоказачьи полки Дутова, чтобы ликвидировать оренбургско-уральскую пробку и восстановить сообщение Средней Азии с Центральной Россией. В январе 1919 года были освобождены Оренбург и Уральск. Попытка белогвардейских армий при поддержке иностранных штыков овладеть Поволжьем была отбита.

В эту победу внесли свою лепту саратовские чекисты, будильно стоявшие на охране завоеваний народа от прописков внутренней и внешней контрреволюции.

К этому времени в самой губчека произошли изменения. Жуков был отозван в Москву, возглавил транспортный отдел, стал членом коллегии ВЧК. Генкин по состоянию здоровья освобожден от должности председателя губчека и назначен редактором газеты «Саратовские известия». Карл Блукис буквально сгорел на работе. В январе 1919 года он умер от чахотки и похоронен в братской могиле на площади Революции. Председателем губчека с ноября 1918 года стал Василий Иванов.

Менялись люди, но губернская чека по-прежнему четко выполняла свои обязанности. Тучи контрреволюции вновь сгустились. В Сибири накапливал силы адмирал Колчак, провозгласивший себя Верховным правителем России, на Кубани из отборных офицерских полков формировалась добровольческая белогвардейская армия генерала Деникина. Обе эти грозные силы одна с северо-востока, другая с юго-запада двигались к Поволжью. На юге и юго-востоке зашевелились астраханские и уральские белоказаки, на западе вновь поднимались казачьи станицы Дона. При движении к центральным районам пролетарской России, любая из этих сил — кто фронтом, кто флангом — наталкивалась на Саратов, ставший большевистской крепостью на пути контрреволюции.

Начинавшийся 1919 год нес новые испытания Саратовской губернии.

4

В марте 1919 года наступлением сибирских армий Колчака начался объединенный поход Антанты против Республики Советов. Колчак имел превосходство в живой силе, боеприпасах, в коннице. Первоначальным его замыслом было ударить на Вятку, Вологду и соединиться с английскими интервентами, захватившими Мурманск и Архангельск.

Генерал Деникин, узнав об этом, с неудовольствием писал адмиралу Колчаку:

«Жаль, что главные силы сибирских войск, по-видимому, направлены на север. Соединенная операция на Саратов дала бы огромные преимущества: освобождение Уральской и Оренбургской областей, изоляцию Астрахани и Туркестана. И главное — возможность прямой, непосредственной связи Востока и Юга...»

14 марта колчаковцы захватили Уфу. Центр Восточного фронта советских войск оказался прорванным, начался отход фланговых армий. Белые находились в вось-

мидесяти пяти километрах от Казани и Самары, захватив свыше трехсот тысяч квадратных километров территории с населением более пяти миллионов человек. Их отборные полки рвались к Волге.

Командующий Южной группой войск М. В. Фрунзе проводит перегруппировку сил, снимает наиболее боеспособные части из-под Уральска, в том числе и 25-ю дивизию В. И. Чапаева, для отсекающего удара по западной армии Колчака, чтобы не допустить его к Волге. Прифронтовые партийные комитеты объявили мобилизацию коммунистов на помощь Восточному фронту. Триста семьдесят членов партии — девяносто процентов своего состава — послал на фронт Пугачевский уездный комитет, большой отряд отправляют коммунисты Покровска.

Общее собрание ячейки коммунистов и сочувствующих Саратовской губчека принимает в эти дни резолюцию по текущему вопросу:

«Учитывая всю серьезность положения Советской Республики, окруженной кольцом внутренних и внешних белогвардейских банд, призываем всех товарищей быть на страже завоеваний Октябрьской революции, обратив особое внимание на всеобщее обучение военному искусству, чтобы в каждую минуту быть готовыми к отражению ополчившихся на нее черных воронов и в последнем решительном бою быть победителями. Освобождение пролетариата — вопрос недалекого будущего и в борьбе за коммунистическую революцию обещаем пожертвовать жизнью»¹.

С батальоном чекистов уходит на фронт председатель губчека Василий Иванов. Шлют подкрепления все партийные комитеты губерний, идут свежие силы из Москвы, Петрограда и других пролетарских центров. Только в апреле Восточный фронт получил двадцать четыре тысячи человек, каждый третий из них был коммунистом.

---

¹ ПАСО, ф. 338, д. 1, л. 25.

В конце апреля Южная группа войск под командованием М. В. Фрунзе начала контрнаступление. Враг был отброшен от Средней Волги, но резко ухудшилось положение на юге, в районе Уральска. Оставшиеся здесь ослабленные части 22-й дивизии не сдержали натиск белоказаков и отошли к самому городу.

Реввоенсовет Южной группы шлет телеграмму в Саратов:

«Положение под Уральском требует немедленной помощи точка В распоряжении Южгруппы свободных резервов нет точка Объявите мобилизацию рабочих точка Пришлите все что только возможно точка В Уральск в адрес реввоенсовета высылаются три тысячи винтовок из них одна тысяча может быть использована вами для помощи Уральску точка

Фрунзе, Куйбышев»¹

И снова в Саратове объявляется мобилизация, изыскиваются резервы, уходят на фронт коммунисты. Получили подкрепление и белоказаки. Из деникинской армии им было переправлено семь тысяч винтовок и четыре миллиона патронов. Они окружили и отрезали Уральск от Южной группы, создалась угроза тылу наступающих частей.

Казачьи полки атамана Дутова предпринимали отчаянные попытки прорваться к Волге и соединиться в районе Саратова с наступавшими с юга и юго-запада войсками Деникина. В середине июня они нанесли несколько чувствительных ударов частям 4-й армии в районе станции Шипово, 26 июня заняли Николаевск (Пугачев). Казачьи разъезды появились под Красным Кутом.

В. И. Ленин телеграфировал первого июля М. В. Фрунзе;

---

¹ ПАСО, ф. 27, д. 24, л. 66.

«Развитие успехов противника в районе Николаевска вызывает большое беспокойство. Точно информируйте, достаточное ли внимание обратили Вы на этот район. Какие Вы сосредоточиваете силы и почему не ускоряете сосредоточение? Срочно сообщите о всех мерах, которые принимаете»¹.

Сложное положение создалось и в Саратове. Гарнизон в городе был ненадежным, формирования губчека отправлены на фронт. В самой комиссии не хватало работников. На заседании коллегии губчека ее председатель Макс Дейч докладывал, что правомочных членов комиссии не существует, старые ушли на фронт, а новые еще не утверждены губисполкомом.

В Саратов приезжает член коллегии ВЧК И. П. Жуков. Изучив положение дел, он передает в ночь на 2 июня по прямому проводу:

— Положение за последнее время в Саратове становится весьма серьезным, в особенности с последними событиями в Царицыне, Балашове и Пугачеве. В Саратове за последние дни скопилось гарнизона около тридцати пяти тысяч человек, которые не обмундированы совершенно, на обучение тоже нельзя выводить, ибо они почти все без сапог. Надежных и хорошо вооруженных у нас есть около тысячи человек. Я за последнее время делал несколько попыток поднажать на Ревсовет-четыре, но почти всегда без результатов: каждый раз обещается, а на деле ничего нет. Я конкретно предлагаю и даже настаиваю немедленно перейти в наступление. Ревсовет-четыре всегда на словах охотно соглашался, а на деле не двигается ни на один шаг, а при бездействии с нашей стороны армия быстро разлагается. Привожу конкретный случай: от Уральска и Шипова наш отряд под командой Наумова количеством три тысячи штыков при тридцати шести пулеметах и шестнадцати орудиях не мог сдер-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 3—4.

жать натиска казаков, которые вели наступление и гнали наших около ста верст, заняли в это время Пугачев. Есть еще подобные случаи. На все это наши члены Ревсовета-четыре не обращают должного внимания. Посмотрите на карту, и вам станет ясно, перед чем мы стоим в губернии.

Нужно сейчас, не отлагая ни одной минуты, принять конкретные меры. Первое — нужно послать отряд до двух тысяч человек на Балашов для ликвидации зеленых. Немедленно отдать приказ Ревсовету-четыре о наступлении на участке Ершов — Пугачев и до самой Волги, дабы не дать соединиться Колчаку с Деникиным.

Сообщаю несколько слов о чека. Новая коллегия губчека составлена только из четырех человек, одного еще недостает. Приступил к организации батальона, из Самары получил сто человек. Отряд очень хороший. Если положение будет спокойным, то в недельный срок, с сегодняшнего дня, батальон доведу до тысячи человек. В ближайшие дни мне предстоят очень крупные и серьезные операции. О результатах сообщим нарочным. Очень прошу прислать сотрудников человек двенадцать или пятнадцать. Прошу дать ответ на все мои вопросы¹.

Записка была передана В. И. Ленину и заместителю председателя Реввоенсовета республики Э. М. Склянскому. Реакция В. И. Ленина на информацию Жукова была немедленной. В тот же день в адрес Ревсовета-четыре, Саратовского губисполкома и губкома партии поступила телеграмма:

«Все внимание чистке гарнизона и укреплению тыла. Беспощадно искорените белогвардейщину в городе и деревне. Лично проверить политработу и организацию в

---

¹ Саратовская партийная организация в годы гражданской войны. Саратов, 1958, стр. 117. В сборнике документ ошибка датирован 2 июня 1919 года. На подлиннике четко помечено: «2 июля 1919 года, 5 часов».

гарнизоне. Все на военработу! Заставьте всех подтянуться и дисциплинироваться. Телеграфируйте результаты. Укрепите особенно Ртищево.

Предсовобороны *Ленин*¹.

Внимание В. И. Ленина к положению дел в Саратовской губернии не было случайным. 3 июля Деникин в Царицыне подписал директиву о наступлении на Москву. Его войска к этому времени достигли линии Царицын — Балашов — Борисоглебск — Острогожск. Все три армии были нацелены на столицу республики. Одна из них — кавказская под командованием барона Врангеля должна была овладеть Саратовом и через Пензу двигаться на Москву. Линия фронта 8-й и 10-й армий, сдерживавших превосходящие силы белогвардейцев, проходила по территории Камышинского, Аткарского и Балашовского уездов. В Саратове и губернии было объявлено осадное положение. Города Саратов и Покровск переведены на режим укрепленного района. По решению губкома партии и губисполкома был создан совет крепости, в который вошли С. И. Загуменный, Б. Г. Молдавский, В. Е. Костерин и другие. Все трудоспособное население вышло на рыхте окопов и строительство оборонительных сооружений.

Центральный Комитет партии направляет в Саратов видных партийных работников Н. В. Крыленко, Е. М. Ярославского для организации дела на месте. 8 июля В. И. Ленин снова запрашивает Саратов:

«Телеграфируйте точнее, если надо шифром, каких практических успехов достигли, есть ли перелом в гарнизоне. Необходимо особыми отрядами обехать и обработать каждую волость прифронтовой полосы, организуя бедноту, устранивая кулаков, беря из них заложни-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 4—5.

ков, подавляя зеленых, возвращая дезертиров. Особое внимание Аткарскому уезду и Ртищеву»¹.

Партия мобилизует все силы на разгром Деникина. С 12 июля по 5 августа по прифронтовым уездам губернии курсирует агитационно-инструкторский поезд «Октябрьская революция», во главе которого стоял председатель ВЦИК М. И. Калинин. Работники поезда проводили митинги и собрания, выпускали газету «К победе». Яркое и доходчивое слово М. И. Калинина проникало в сердца крестьян, поднимало их на борьбу против Деникина.

Огромная доля нелегкого труда по укреплению прифронтового тыла выпала на долю саратовских чекистов. Иван Павлович Жуков, оставшийся в Саратове до назначения нового председателя губчека, в короткий срок подобрал кадры, сформировал боеспособный батальон, развернул работу по выявлению сил контрреволюции.

Сообщая в записке на имя В. И. Ленина и Ф. Э. Дзержинского о предстоящих крупных операциях, И. П. Жуков имел в виду ликвидацию саратовской ветви белогвардейской организации «Национальный центр». В ночь на 15 июля работниками губчека была арестована группа из восьми человек, которая вела подрывную работу в прифронтовом тылу. Заговорщики направили своих представителей к Колчаку и Деникину, чтобы договориться о сроках восстания в Саратове. Они организовали паспортное бюро, снабжавшее дезертиров фальшивыми документами, этапные пункты связи с наступавшими деникинцами и с уральскими казаками. При аресте были найдены планы захвата железной дороги Саратов — Астрахань и подготовки восстания.

В середине июля войска Южной группы освободили Уральск и сорвали попытку войск Колчака и Деникина соединиться летом 1919 года в Саратове. В августе со-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 7.

ветские войска перешли в наступление на Южном фронте и отбросили белых к Царицыну.

С освобождением Уральска открылся железнодорожный путь в Казахстан и Среднюю Азию. В августе 1919 года заведующий юридическим отделом Саратовской губчека Герасимов направил доклад во Всероссийскую чрезвычайную комиссию.

«Приехавшие в Саратов товарищи из Ташкента передают, — говорится в докладе, — что там существуют чрезвычайная комиссия и революционный трибунал, а между тем неорганизованная работа не дает положительных результатов. Спекуляция развита вовсю. Такие важные продукты, как хлопок, нефть, бензин, на верблюдах вывозятся в Китай. Английские агенты отправляют эти богатства через Бухару и Ашхабад в Персию. Железная дорога на всем протяжении от Оренбурга до Ташкента никем не контролируется, кругом развит саботаж и грабеж идущих в центр грузов.

Необходимо сейчас же, не откладывая, приступить к организации железнодорожной чека по всей линии от Оренбурга до Ташкента, не допустить переход природных богатств Туркестанского края в руки империализма и наладить нормальный транзит по всей линии железной дороги. Шакалы капитализма в лице многочисленных агентов почуяли скорый конец их «коммерческих сделок» и лихорадочно закупают за бесценок лежавшие годами продукты, лишь бы они не достались Советской России. А раз так, то необходимо напрячь все силы и не дать возможности увезти сырье, в котором так нуждаются фабрики Центра».

С освобождением новых районов страны повсюду для работы в органах по борьбе с контрреволюцией нужны были опытные, надежные кадры, их не хватало. Для работы в губернских чека на Украине направляются Дейч и Иванов. Вместе с 10-й армией ушел на действующий фронт Венгеров. На новую просьбу откомандировать в

Харьковскую губчека товарища Герасимова секретарь Саратовского губкома партии К. Плаксин ответил отказом: у самих кадров нет.

В августе 1919 года Саратовскую губчеку возглавил член партии с 1913 года, член президиума Петроградской чрезвычайной комиссии Семен Семенович Лобов, работавший затем наркому внутренних дел Башкирии, председателем Высшего Совета народного хозяйства РСФСР, наркому местной промышленности республики.

С мая 1920 года в течение года председателем Саратовской губчека работал Григорий Петрович Петров. Сын крестьянина-бедняка из Калужской губернии, окончив церковноприходскую школу, он с четырнадцати лет служил рассыльным мальчиком при аптекарском магазине, затем кондуктором в Москве. В 1913 году попадает в тюрьму за участие в забастовке трамвайных служащих. Начинается империалистическая война, и его призывают в армию. После Октября 1917 года Григорий Петров был комиссаром корпуса, ответственным работником ВЦИК, членом следственной комиссии по расследованию левоэсеровского восстания в Москве 6 июля 1918 года, председателем Калужской губчека.

В Саратове на долю Григория Петрова выпало самое тревожное время борьбы с бандитизмом. Перед нами пожелтевший листок шифрованной телеграммы Петрова уполномоченному губчека города Вольска, датированной июнем 1920 года:

«Беляки задались целью дезорганизовать весь советский тыл взрывами, поджогами, восстаниями. Ими засылаются агенты для порчи железных дорог, взрывов мостов на Волге, поджога лесов и учреждений. Примите срочные меры недопустимости этого, усиьте охрану складов, водокачек, электростанций, учреждений. Сообщите о происшествиях в этой области. Обсудите этот вопрос с укомом РКП, начальником гарнизона, уездвоен-

комата, политбюро и исполкомами. Принятые меры срочно телеграфируйте».

Черным смерчем прошли по губернии банды Вакулина, Попова и Антонова. В Хвалынске бандиты вырезали весь исполком Совета. Смертью и разрушениями, зверскими казнями отмечен путь бандитов. Сапожковцы, антоновцы, с кем только не приходилось скрещивать оружие батальону губчека под командой Петрова.

В мае 1921 года во время поездки в Москву Григорий Петров заболел сыпным тифом. Когда поезд со смертельно больным председателем губчека проходил участок Еткары — Лопуховка, сюда налетела банда Попова. Здесь принял свой последний бой боевой друг легендарного Чапаева И. М. Плясунков. Окруженный бандитами, он отстреливался до последней возможности. Последнюю пулю оставил себе. Но не удалось банде прорваться к Дону. Подоспевшие отряды чекистов настигли и уничтожили ее.

В «Саратовских известиях» за 21 мая 1921 года сообщается о гибели И. М. Плясункова и смерти двадцативосьмилетнего председателя губчека Г. П. Петрова.

Провожать чекиста в последний путь вышел весь Саратов. Венки и знамена, хор певчих и оркестр сопровождали установленный на лафет гроб с телом славного бойца революции. Замыкал траурное шествие батальон губчека. В пять часов дня на площади Революции состоялся траурный митинг, прозвучал троекратный залп прощального салюта.

Горит Вечный огонь на площади Революции в Саратове. Тихими летними вечерами приходят сюда горожане. Здесь дают клятву верности партии пионеры, сюда приходят студенты. На мраморной плите высечены имена тех, кому было в те далекие огненные годы едва за два-

дцать. Названы только некоторые из них, имена многих пока еще не установлены. Революция призвала их под свои знамена, и они были верными ей до последнего дыхания.

Несмотря на происки контрреволюции, красный Саратов за все годы гражданской войны ни разу не был в руках белогвардейцев. Немалая заслуга в этом работников губернской чрезвычайной комиссии.

Николай Ключарев

ПОСЛЕДЫШИ

1

Где-то на окраине села гулко стукнул выстрел, за ним другой, третий... Николай Пичугин быстро вскочил, схватил стоявшую у стены винтовку и выбежал на улицу. Перестрелка, неожиданно начатая среди ночи, разгоралась все сильнее.

— Пятаковцы! — крикнул Николай бежавшему рядом красноармейцу.

— Они, сволочи, кому же еще! — ответил тот.

Когда группа бойцов, среди которых был Пичугин, достигла места боя, бандиты, налетевшие на село, начали уже отходить. Передвигаясь короткими перебежками, укрываясь от вражеских пуль за углами домов, красно-

армейцы вели по бандитам прицельный огонь, оттесняя их все дальше и дальше. Видя, что ночной налет не удался, пятаковцы кинулись к лошадям, оставленным за овинами. Командир красноармейского отряда приказал трубачу играть отбой.

Ночной переполох взбудоражил жителей села. Солнце поднялось уже высоко, давно пора было выезжать в поле, а на улицах никто не появлялся, все сидели по домам, ожидая, что будет дальше. Только молодые, здоровые парни, скинув потные, насквозь пропыленные гимнастерки, сгрудились у колодцев. Плескаясь холодной, добытой с самого дна водой, они подщучивали друг над другом, докрасна растирали спины жесткими холщовыми полотенцами.

— Ох и здорово ты пулял, Митька! — говорил улыбаясь рослый чернявый красноармеец молоденькому пареньку. — Что ни раз, то мимо!

— Так я ж необученный! — оправдывался тот.

— А хитрый этот Пятак! — задумчиво сказал Пичугин, осторожно натягивая на плечи побелевшую от солнца и частой стирки гимнастерку. — Наскочит, увидит, что сила не берет, и — тягу!

— Матрос, тактику знает, — отозвался сосед. — Разведку ведет, небольшими группами действует, главные силы в дело не вводит.

— Много их у него?

— Говорят, сотни три. А может, и больше.

Закончив умываться, красноармейцы потянулись к походной кухне, дымившей у сельской околицы. Понемногу начало оживать и само село. На дворах захлопотали бабы, спеша подоить застоявшихся, еще не отогнанных на пастбище коров. Стайки молодых девчат потянулись с ведрами к колодцам.

К обеду в село прискакал на взмыленной лошаденке боец, посланный командиром отряда с донесением в По-

кровск. Он привез приказ никуда не двигаться, ждать, пока подойдет подкрепление, и уже тогда начать операцию по преследованию банды.

Вечером красноармейцев собрали на политбеседу. Комиссар отряда, бывший железнодорожник из Анисовки, рассказал сначала о международном положении, потом разговор пошел о пятаковской банде.

— Восстание кулачества, — говорил комиссар, — началось в марте нынешнего года в селе Черебееве. Недовольные хлебной политикой Советской власти кулаки и зажиточные решили взяться за оружие. Подбили их на это эсеры. Возглавил мятежников тоже эсер, бывший флотский матрос Михаил Пятаков. И помощник у него из матросов — Василий Чернышев. Только этот не эсер, а анархист.

— Один другого не лучше!

— Правильно, хрен редьки не слаше. Вот нам и предстоит разбить их.

— Разобьем!

— Село Черебеево не так уже велико, но земли у него много, — продолжил комиссар. — Значительную часть жителей составляют «крепкие мужички»: кулаки и зажиточные. Когда Советское правительство, вынужденное тяжелой обстановкой в стране, ввело продразверстку, это не по душе пришлось заволжским толстосумам. В первое время кулаки опасались открыто высказывать недовольство хлебной политикой Советов, потом осмелели. Подбадриваемые краснокутскими и саратовскими эсерами, они решили восстать против Советской власти, создать в Заволжье автономную губернию, «независимую от Москвы», со своим правительством.

— Сколько людей поднимется против Советов? — спросил Пятаков представителей кулачества, пришедших

к нему с таким предложением в марте двадцать первого года.

— Черебеевских человек тридцать-сорок.

— Вы что, с ума сошли? Нас на другой же день, как котят, переловят.

— Так ведь кроме черебеевских есть недовольные Советами и в других селах. В Красном Яре, Белокаменке, Старополтавке, Ровном. С сотню, если не больше, наберется.

— Для начала неплохо. Где возьмем оружие?

— У нас почитай у каждого винтовка. И патронами запаслись. В земле пара пулеметов захоронена. Воевать есть чем.

— Вот это другой разговор!

Проводив гостей, Пятаков крикнул жене, чтобы убрала со стола, велел принести стакан крепкого чая. По флотской привычке, перенятой у господ офицеров, он знал, как разгоняет этот ароматный напиток даже самое сильное похмелье. А ему сейчас нужна была трезвая голова, чтобы хорошенько все взвесить, как следует обмозговать предложение черебеевцев.

Прихлебывая густой, обжигающий горло чай, Пятаков долго ходил по горнице, устланной пестрыми домашними половиками. Предложение было заманчивым, но и опасным. Еще имелась возможность отказаться от него, остаться в стороне от восстания. Но и второго такого случая подняться вверх может больше не быть. Кто он теперь? Заведующий складом! А тогда?!

После долгих размышлений Пятаков решил съездить в губернский город, встретиться с уцелевшими друзьями-эсерами, посоветоваться.

В партию эсеров Пятаков вступил еще во время службы на флоте. Сыну зажиточного крестьянина, мечтавшему после демобилизации намного расширить отцовское хозяйство, эсеровская программа подходила как нельзя больше. Но вернулся он домой уже в те дни, когда везде

верховодили большевики. А с ними ему было не по пути. Все, что делалось Советами в деревне, он воспринимал как кровную обиду, накалялся злобой против коммунистов, комбедовцев и всех тех, кто являлся активным проводником новых, ненавистных ему порядков.

Из поездки Пятаков вернулся через неделю. Сразу же дал знать черебеевским приятелям: он готов возглавить восстание! Не сказал только того, о чем говорил с друзьями в губернском городе, — о главной цели восстания. А состояла она в том, чтобы поднять против Советов как можно больше людей, соединиться с отрядами Антонова, действовавшими на Тамбовщине, и вместе с ними ударить на Москву. Не сказал этого потому, что подумал: «Пусть узнают попозже, когда дело зайдет далеко и отступать будет уже некуда!»

Крадучись, по одному, по два пробирались в Черебеево кулаки из окрестных сел. Каждый на коне, с винтовкой или обрезом. Когда собралось около сотни, выступили в поход.

Ничего не подозревавшие ровенские волсоветчики не смогли оказать восставшему кулачью никакого сопротивления. Не прошло и часа, как все они очутились за решеткой в волостной «кутузке». А еще через день туда же пригнали коммунистов, комсомольцев, советских активистов со всей округи.

Шел март. Волга была еще скована льдом. В один из дней к ее берегу на рысях подскочила небольшая группа всадников. Спешившись, они сошли на лед, посовещались, потом часть из них осталась с лошадьми на берегу, остальные ушли в село. Минут через двадцать они вернулись, неся с собой пешни, ломы, багры. Скоро во льду была прорублена большая — аршин на шесть в длину — прорубь. Один из бандитов — невысокого роста, коренастый, в овчинном полушубке — смерил багром глубину.

— Сажени две будет, — удовлетворенно сказал он.

— Не бойсь, не выплынут! — откликнулся стоящий рядом молодой краснорожий парень.

После обеда по улицам Ровного поскакали верховые. Подъезжали к домам, стучали в окна: через час всем — мужикам и бабам — собраться на площади. К назначенному часу народ сгрудился посреди села. Конные бандиты окружили крестьян полукольцом и погнали на берег Болги.

— Полюбуйтесь, как мы с коммунистами расплачиваться будем за хлеб, который они у нас отобрали! — с кривой ухмылкой заявил тот, что мерил шестом волжское дно в проруби.

Мужики и бабы стояли, тихо переговариваясь, на берегу реки. Из села показалась группа всадников. Впереди них шло несколько пеших.

— Ведут, ведут! — заволновалась толпа. Кое-кто из женщин начал потихоньку причитать.

— Цыц, бабы! — крикнул, осадив коня на полном скаку, широкоплечий бандит в черной романовской дубленой шубе. — На место коммунистов, в прорубь захотели?

Толпа в испуге притихла, затем снова задвигалась, заговорила.

Коммунистов было шестеро. У каждого руки связаны за спиной толстой проволокой. На полугоных телах — кровавые рубцы, следы ударов плетью. Стоя почти у самой проруби, они молча смотрели на толпу крестьян. Коммунары знали, что пощады им не будет, и надеялись только на то, что кто-нибудь из свидетелей злодейской расправы над ними узнает их и расскажет потом об этом их женам и детям.

— Тихо! — раздалась команда. — Слушай наш приговор!

Тронув коня, тот же мужик в черной дубленке выехал на середину.

— Именем защитников справного крестьянства, — начал он, но продолжить ему не дали. Толпа крестьян зашумела сильнее, заволновалась, некоторые из женщин зарыдали.

— Цыть, сволочи, замолчать! — кинулись к ним бандиты.

И тут, сначала нестройно, потом все дружнее запели те, что стояли со скрученными за спиной руками у речной проруби.

«Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов», — пели они, и с каждой фразой голоса их все более крепли, становились звонче, увереннее, словно песня придавала им небывалые силы.

Услыхав пение, бандиты остолбенели. Потом один из них выхватил шашку, подскочил к стоявшим на льду людям. Дико матерясь, с силой толкнул крайнего к проруби. Тот, оступаясь, поскользнулся. Черным вороновым крылом мелькнула в воздухе шашка. Лицо коммуниста залилось кровью. Бандит ударил его шашкой еще раз и спихнул в маслянисто темневшую полынью.

Голоса поющих зазвучали громче.

«Лишь мы, работники всемирной, великой армии труда, владеть землей имеем право...» — пели они. Но чем звонче были их голоса, тем яростнее становились взмахи бандитской шашки, тем меньше оставалось на льду поющих. Один за другим исчезали в проруби полуоголые, истерзанные пытками люди.

Ошеломленные происшедшим крестьяне продолжали молча стоять на речном берегу. Лишь после того как бандиты ускакали в село, они начали расходиться.

Очевидцы казни коммунистов долго не могли заснуть в эту ночь. Перед глазами вставала страшная картина учиненной бандитами зверской расправы.

Не спали и те, кто был заточен в ровенской тюрьме.

Заключенные говорили о товарищах, уведенных палачами на гибель, о том, что ждет их самих.

— Ну, нас понятно за что забрали, — сказал Михаил Лисин. — Он лежал у стены, закинув руки за голову, и задумчиво смотрел в потолок. — Мы, коммунисты, у кулаков как бельмо на глазу. А вот за что взяли женщин?

— Я тоже большевичка, — отозвалась сидевшая не подалеку от него худощавая черноволосая женщина. Стальный вязаный платок сбился у нее с головы на плечи. Зажав шпильки в зубах, она поправила выбившиеся из-под платка волосы, снова накинула платок на голову. Большие серые глаза ее глядели смело и решительно. — И муж мой член партии, — продолжила она. — В Покровске работает, мы там живем. Сюда я приехала к тетке, материной сестре. Тут меня и схватили. Муж не знает об этом, а то бы давно примчался.

— Здешним, ровенским, кулакам ты, выходит, известна?

— Не раз на митингах выступала.

У наружной двери загремели замками, послышались громкие голоса. Все насторожились. У каждого мелькнула одна и та же мысль: «Кого возьмут, чья очередь погибать?»

Переступив порог, один из вошедших обнажил шашку и махнул ею в воздухе. Заключенные в испуге прижались к стенам. Заметив их испуг, бандит пьяно захохотал. Был он коренаст, некрасив, глядел исподлобья. Отороченный по вороту черным мехом нагольный полушубок его распахнулся, и из-под негоглянуло засунутый за пояс наган.

— Что, коммунисты, боитесь? — Он отпустил затем грубую шутку и, довольный ею, захохотал, широко раскрывая щербатый рот. — Это вам не хлеб у мужиков отбирать! — Покачиваясь на негнущихся ногах, он поднял кверху тую сжатый кулак. — Мы теперь вашу коммунцию во как зажмем! А вас всех — начисто! — Он засунул

шашку в ножны, переложил плеть из левой руки в правую и наотмашь хлестнул лежащего на полу человека. Тот не вскрикнул от боли, но инстинктивно сжался, ожидая новых ударов.— Что, не ндравится? А когда хлеб отбирали, ндравилось?

— У тебя и не было его, своего-то хлеба, кулацкий прихвостень! — послышался негромкий голос из дальнего угла тюремного помещения.

— У меня? Отколь знаешь? — удивился бандит.

— Знаю, если говорю, — ответил тот же голос. — Обухов твоя фамилия.

— Гля-ка, правильно! Это кто же мой знакомец? Может, продкомиссар? — Бандит шагнул к темному углу, но споткнулся о лежащих на полу и, потеряв равновесие, упал. Озлясь, он начал без разбора хлестать плетью заключенных, пока не устал. Грязно выругавшись, направился к выходу. На пороге остановился, обвел мутным взглядом тревожно глядящих на него людей и с пьяной злобой выкрикнул: — Правильно, я — Обухов, запомни-те! Я давил и буду давить коммунистов, пока всех не изничтожу. Нынче шестерых кокнул, а завтра поболе. Всех под корень!

Пьяные бандиты ушли. В помещении некоторое время было тихо, потом кто-то спросил:

— Это кто же такой, Обухов? Откуда?

— Из Белокаменки.

— Кулак?

— Не довелось ему кулаком стать. Советская власть не дозволила. А что мародер самый настоящий, это я точно знаю.

— Родятся же на свете такие, — вздохнула женщина.

Измученные мыслями о том, что ждало их впереди, лежащие вповалку люди начали постепенно засыпать. Сначала в одном углу, потом в другом послышалось мер-

ное дыхание людей, прерываемое невнятным бормотанием и стонами.

Часы в двенадцатом夜里 у двери снова загремели замками. Все в камере тут же проснулись.

Дверь со скрипом отворилась, и в камеру втолкнули женщину. От сильного толчка она не устояла на ногах и упала, потом медленно поднялась. Невысокого роста, с округлыми чертами лица, была она похожа на молоденькую девушку. Оглядев лежащих вповалку заключенных, женщина негромко спросила:

— Коммунисты и комсомольцы есть?

— Здесь все такие.

— Боятся нас, гады, потому и расправиться спешат.— Увидев сидящую у стены женщину, перебралась к ней. — А ты, подруга, тоже в партии?

Та утвердительно кивнула.

— Давай друг дружки держаться. Меня Дуняшой зовут. Я в ЧОНе работала, дезертиров помогала ловить, с продкомиссаром по селам ездила, хлеб у куркулей брали. Так что от кулачья мне пощады не ждать.

Женщины немного пошептались, потом стали укладываться. Но не прошло и часа, как дверь камеры снова закрипела.

— Пахомова Евдокия! — крикнул часовой. — На допрос!

Дуняша молча поднялась. Оставшиеся долго не спали после ее ухода. Потихоньку переговаривались, обсуждали: зачем вызвали Дуняшу ночью, что ждет их самих. Наконец сон сморил всех.

Под утро Дуняшу снова втолкнули в камеру. Вид ее был ужасен. Разорванное платье висело клочьями. Измученное лицо носило следы зверских истязаний.

— Били тебя, Дуняша?

Вместо ответа та ткнулась женщине в плечо и зарыдала.

— Ох и сволочь же! — наконец выговорила сквозь

слезы Дуняша. — Ну погоди, негодяй! Останусь жива, доберусь до тебя!

— О ком ты говоришь? Кто тебя допрашивал?

— Он не допрашивал...

— Кто?

— Яшка Обухов.

— Ты его знаешь?

— Кулацкий пособник он. Дезертиров укрывал. Надо бы наказать его как следует, а мы пожалели. Единственный, мол, кормилец в семье.

— Да... Вот и пожалели...

Остаток ночи и начало следующего дня прошли спокойно. А около полудня дверь камеры снова отворилась. На пороге стояли Обухов и еще пятеро. При взгляде на них нетрудно было понять, что все сильно пьяны.

— Встать! А ну, подымайся! Быстро, быстро. Ты, ты, ты, — указывал рукояткой плети Обухов.

Не давая людям опомниться, бандиты закручивали им руки за спину, вязали веревкой. Двое мордастых мужиков стояли на пороге с обрезами, готовые стрелять в каждого, кто попробует сопротивляться.

Вспомнив, должно быть, что кто-то здесь назвал накануне его имя, Обухов долго вглядывался в лица сидящих в камере людей, но не признал никого. Это разозлило его, и он начал стегать их плетью.

Прошло несколько часов. Узники ровенской «кутузки» напрасно ждали своих товарищей, уведенных Обуховым. Никто из них не вернулся.

На другой день Обухов увел на расправу еще десятерых. И если бы банде Пятакова удалось продержаться в Ровном подольше, все, кто был заключен в арестный дом, наверняка разделили бы участь уничтоженных Обуховым коммунистов. Но к вечеру на окраине села завязалась перестрелка. К волостному центру подошел красноармейский отряд.

Заключенные с тревогой и надеждой прислушивались

к тому, что творилось снаружи. Стрельба то усиливалась, то затихала. Вот пулемет затрещал совсем близко, затем послышались крики «ура», и бой стал удаляться.

Первым опомнился Михаил Лисин — тот, что опознал Обухова. Кинувшись к двери, он начал барабанить в нее, кричать, чтобы открыли. Вместе с ним принялись стучать другие. Им долго никто не отвечал, наконец снаружи послышались голоса.

— Есть кто живой? — спросил молодой красноармеец, открывая дверь. — Выходи на свободу, бандиты драпанули!

2

Не выдержав натиска отряда красных бойцов, Пятаков отступил на юг, к Старой Полтавке, а затем решил уйти в уральские степи. Расчет его был прост: пока его отряд отдохнет, подкормит на степном приволье уставших коней, красноармейские части вернутся в свои казармы. Тогда можно будет со свежими силами снова начать наступательные действия.

Бандиты миновали Кривояр, Питерку, расправляясь в попутных селах с коммунистами, потом повернули к Дергачам. Здесь, неподалеку от Алтаты, встретились им четверо красноармейцев. Посланы они были в разведку, но отбились от своих и попали в руки к пятаковцам.

Сам «батька Пятак» допрашивать красноармейцев не стал, поручил «начальнику штаба» Ваське Чернышеву. А тот, быстро выспросив все, что ему было нужно, передал безоружных парней Обухову.

— На Семиглавый Мар и Уральск идти нельзя, — доложил Васька Пятакову. — Там откуда-то прознали, что мы собираемся к ним в гости, приготовились встречать.

— Это точно?

— Те четверо чистосердечно обо всем рассказали. Думали, помилуем их за это.

- Они' где?
- Тут, недалеко, в овраге.
- Зарыть надо, а то слава плохая о нас пойдет. Вели Обухову.
- Ладно, скажу.

Свернув на Луков кордон, пятаковцы миновали хутор Осовский и остановились на отдых в Кругляках. Здесь, желая задобрить крестьян, отдали им несколько реквизированных еще в Дергачах лошадей. Через два дня тронулись дальше. Но не отъехали и полсотни верст, как увидели вдали группу конников. Посовещавшись с Чернышевым, Пятаков выслал вперед разведку.

Разведчики с места послали коней в намет, но, прискакав с полверсты, повернули назад. Впереди были красивые.

Ввязываться в бой с противником, силы которого неизвестны, Пятаков не решился. Пустив коней рысью, бандиты стали уходить в сторону Бес-Курдука. Через три дня перед ними блеснула вода поросшего камышом озера Биркачан.

— Вот здесь мы и укроемся до поры до времени, — сказал Пятаков. — А потом соберем силы и ударим.

Несколько недель о пятаковцах ничего не было слышно. Куда-то скрылись и другие эсеровско-кулацкие банды: Сарафанкина и Носаева. Ушли в уральские степи отряды предателей Серова и Долматова, изменивших Красной Армии. По заволжским селам пополз слух, что все они подались в астраханские степи, откуда хотят перебраться в Персию.

И вдруг белобандиты снова появились в районе Александрова Гая. Только теперь их отряды насчитывали уже около шестисот человек: произошло объединение всех разрозненных банд в одну, под общим командованием Пятакова.

...Во дворе казарм пехотного полка, расположенных неподалеку от железнодорожного вокзала, прозвучала труба горниста. Тревога! Похватав с ружейных пирамид винтовки, красноармейцы бегом стекались на широкую площадь казарменного двора, строились по взводам и ротам, подравнивали ряды. Взводные пересчитывали бойцов, докладывали старшим командирам. В тот же день батальоны, в одном из которых служил Николай Пичугин, переправились через Волгу на борьбу с бандитами.

В штабном вагоне особоуполномоченного ЧК Грачева-Ланского, стоявшем на станции Красный Кут, с нетерпением поджидали подхода красноармейских батальонов. Поступавшие уполномоченному сведения были тревожны: крупные силы бандитов находились всего в трех-четырех переходах от этой важной станции, нападали на проходящие железнодорожные эшелоны, грабили мирных жителей, расстреливали всех, кто сочувствовал Советской власти.

Когда один из батальонов подошел к Красному Куту, Грачев-Ланский сразу же отправился к его командиру.

Стоял сентябрь. Тихий, ласковый, согретый теплыми лучами бабьего лета. Укрывшись за большим ометом соломы, Пичугин и двое его товарищей, посланные в ночной дозор, тихо разговаривали о том, что волновало каждого: какие вести идут из дома, много ли остается служить, скоро ли изловят бандитов.

Хороши летом заволжские степи. Даже в ту пору, когда убран с полей урожай, безбрежные степные просторы таят в себе необъяснимое очарование. Кажется, нет им ни конца ни края...

— Никак кто-то едет! — сказал Пичугин, всматриваясь в ночную темь.

И в тот же момент на одном из дальних пригорков выросла фигура всадника. Освещенный вынырнувшей из-за облаков луной, он хорошо был виден.

— Не наш! — прошептал один из красноармейцев.

— Не иначе бандюга! — подтвердил другой. — Интересно, куда это он пробирается?

— Вот я его сейчас!

— Обожди, не стреляй. В темноте промахнуться недолго, а спугнуть — спугнешь. Может, он важные сведения везет. Надо живьем словить его и — в батальон.

— Так он конный, а мы пеши!

— Ну и что? Слушайте, что скажу!..

Низко пригибаясь к земле, прячась за бугорками и кустиками бурьяна, красноармейцы потихоньку направились навстречу всаднику. Тот ехал спокойно, не подозревая о подстерегавшей его опасности, но когда на него вдруг кинулись двое, внезапно выросшие из темноты, начал так брыкаться, что красноармейцы еле справились с ним.

С трудом поймав кружившего по степи коня, Николай подвел его к караулившим связанного бандита товарищам, шутливо сказал:

— Транспорт подан!

— Вот и вези его на этом транспорте.

— Почему я? Вместе брали.

— Во-первых, ты у нас за старшего; во-вторых, тобой придумано, как его захватить.

Посовещавшись, решили, что Пичугин и еще один из красноармейцев повезут пленного в Красный Кут, а третий останется здесь, в дозоре.

В село добрались часа через три. Поднятый ими с постели командир батальона приказал обыскать пленного. В подкладке фуражки у него нашли небольшой конверт. Прочитав бумагу, командир приказал строго стеречь бандита, а сам чуть не бегом направился на станцию, к осо-боуполномоченному ЧК.

Стремясь быстрее преодолеть разруху, вызванную гражданской войной, Советское правительство прилагало огромные усилия для восстановления и развития экономики молодой республики. Одной из важнейших задач было снабжение заводов и фабрик, электростанций и транспорта нефтью. Так родился проект строительства железнодорожной ветки от Александрова Гая до промыслов Эмбы — кратчайшего пути доставки нефти в центр страны. Изыскательские работы пришлось вести в степях, по которым рыскали остатки белоказачьих отрядов, кулацкие банды. Для того чтобы организовать отпор вражескому охвостью, сюда послали одного из опытных чекистов — Грачева-Ланского. Вагон, в котором он жил, и стоял на станции Красный Кут.

— Та-ак, — раздумчиво сказал особоуполномоченный, ознакомясь с письмом, взятым у белобандита. — Значит, хотят захватить нашу станцию, а потом перерезать дорогу из Саратова на Уральск? — На бледное, утомленное лицо его набежала легкая тень. Пальцами правой руки он провел несколько раз по нашитым на гимнастерке «разговорам». — Молодцы ваши ребята, ценные сведения доставили. Вот теперь бы только узнать, когда именно бандиты замышляют осуществить свою операцию.

— Допросить пост роже этого пленного!

— Допрос — само собой. А неплохо бы кого-нибудь к ним заслать, чтобы подробно все узнал.

— Лазутчика?

— Можно и так назвать. У вас подходящего человека нет?

— Вряд ли кто с таким делом справится.

— Из этих, которые бандита словили, никто не подойдет?

...Переодетого в крестьянскую одежду Пичугина задержал конный дозор из отряда Сарафанкина.

Первым делом надавали ему тумаков, чтобы чувствовал, с кем повстречался, потом стали обыскивать. Кроме сухой горбушки хлеба, ничего не нашли, если не считать кисета с махоркой и газетой.

— Братцы, давайте по-божески! — взмолился Николай, видя, что бандиты хотят поделить газету меж собой. — Половину вам, половину — мне.

— Ладно, рви!

Бывший фельдфебель царской армии Сарафанкин был недалеким человеком. Став во главе небольшого отряда, составленного из недовольных Советами, он возомнил о себе и с неохотой согласился на соединение с Пятаковым. Когда ему доложили о задержанном, он решил сам допросить его.

— Откуда ты, говоришь? — спросил **Сарафанкин** Пичугина.

— Бакурской волости Сердобского уезда, село Бутурлиновка. Знаешь? — прикидываясь простачком, ответил Николай.

— Мы много чего знаем, — важно проговорил Сарафанкин. — Куда пробираешься и зачем?

— К вам шел. Мы два года назад тоже ведь бунтовали, только у нас ничего тогда не вышло. Вот я к вам и наладился.

— Слышал я, как вы бунтовали! Бакурские...

Пичугин молча стоял, ожидая, что будет дальше.

— Постой, постой! Ты бакурский, говоришь? Дай-ка я на тебя погляжу! — Сквозь толпу стоявших рядом с Сарафанкиным бандитов протолкался дюжий детина. Крупная голова его с шапкой черных волос была словно вдавлена в плечи. Он остановился перед Пичугиным, посмотрел на него, потом обошел кругом и еще разглянул ему в лицо. — Темнишь что-то, парень. У нас в Бакурах я таких не видывал.

— А ты что, всех до одного в волости знаешь? — ста-
ряясь оставаться спокойным, спросил Николай.

— Так я родом из Бутурлиновки!

Николай почувствовал, как ладони рук враз стали
потными. «Влип!» — мелькнуло у него в голове.

Перед тем как послать его к белобандитам, особо-
уполномоченный ЧК Грачев-Ланский долго беседовал с
ним.

— Поручение, которое мы хотим тебе дать, очень опа-
сное, — говорил он. — Тебе придется как бы стать другим
человеком не только по обличью, но и по всему поведе-
нию, тщательно скрывать, кто ты есть на самом деле.
Если бандиты дознаются, что ты наш разведчик, расстре-
ляют безо всяского. Подумай над этим. Пока не поздно,
можешь отказаться.

— Смерть и здесь за плечами ходит, — юношеское,
еще не успевшее огрубеть лицо Пичугина выражало
твердую решимость. — Все одно кому-то надо туда ид-
ти?! Вот я и пойду.

— Не боишься?

— По мне плакать некому. Мать недавно схоронили,
а отец еще с германской не вернулся. Маманя всю жизнь
на богатеев батрачила. У меня к ним жалости не име-
ется.

— Тогда слушай! — И уполномоченный стал подроб-
но рассказывать, что предстоит ему сделать, как вести
себя у бандитов, чтобы не вызвать их подозрения.

— Ну, вот что, — важно проговорил Сарафанкин. —
Посидишь под замком покедова. — Он переглянулся с
тем, кто назвал себя земляком Пичугина. — Проверим
все, как следовает, а там решим, куда тебя определить:
к нам, в отряд, или в жмурики.

Бандиты весело захохотали над шуткой своего атама-
на.

— Это он про каких таких жмуриков сказывал? — спросил Пичугин сопровождавшего его конвоира. — Слепые, что ль?

— Скажешь тоже: слепые! Мертвяки, дура!

На краю села, у самой околицы, стояло несколько каменных кладовых. В одну из них и втолкнули арестованного.

«Кто тот человек, который сказал, что он из Бакур? — подумал Николай, оставшись один. — Действительно родом оттуда или на испуг хотел меня взять? Наверное, врал он, а то чего бы им валандаться со мной? Шлепнули, и вся недолга! — Он облизнул пересохшие губы, вспомнил, что с утра ничего не ел. — Эх, товарищ Пичугин, товарищ Пичугин, — укорил он себя, — нечего сказать, оправдал доверие, выполнил боевую задачу!» — Со злости Николай ударил кулаком о стену. Сложеные из камня-дикаря стены кладовой были прочны, словно у какой-нибудь крепости. Маленькое оконце, в ладонь высотой, забрано железными прутьями. Попробуй выберись отсюда!

На дворе начало темнеть, наступала ночь. Пичугин сел на земляной пол, прислонился спиной к двери и не заметно для себя задремал. Очнулся от громких голосов, доносящихся снаружи. Разговаривали часовые: тот, что привел его сюда, и пришедший ему на смену.

— Когда, говоришь, выступать-то? — спрашивал первый.

— Должно, послезавтра. Сарафанкин так обсказывал.

— Почто не завтра?

— Об этом у Пятака спроси. Он срок обозначил.

— На Красный Кут, говоришь?

— Туда будто.

Прильнув ухом к деревянной двери, Пичугин затаив дыхание слушал, о чем говорят бандиты.

«Что же делать, что делать? — билось у него в голове. — Надо бежать, предупредить уполномоченного. Но как, как это сделать?»

Часовой, проверив надежность запоров, некоторое время молча ходил вдоль кладовой, потом присел на валившееся у входа бревно и замурлыкал какую-то песенку. «Будь что будет!» — решил Николай. Он подошел к двери, постучал.

— Чего тебе? — сонно спросил часовой.

— Браток, дал бы закурить?! Смерть, как охота!

— На том свете накуришься!

— Будь другом, дай хоть напоследок дыхну!

Часовой нехотя поднялся с бревна.

— Навязали черти тебя на мою голову! — Ворча, он отпер замок, приоткрыл дверь. — Иди сюда, где ты там? — спросил он в темноту.

Пичугин с силой рванул дверь на себя. Державшийся за нее часовой полетел в кладовую. Николай насыпал на него, быстро скрутил ему руки, заткнул рот своим картоузом.

Пичугин проверил, хорошо ли заперта кладовая, шагнул в темноту ночи, но тут же вернулся. Достал из кармана сохраненную им газету, пошарил рукой по стene, нацепил бумагу на гвоздь. Напечатанный в газете приказ Саратовского губревкома он выучил наизусть.

«Мы призываем честных крестьян-тружеников, по своей несознательности затянутых в бандитские шайки, — говорилось в нем, — бросать оружие. Сдавайтесь Советской власти! Никакого наказания вам не будет, вы вернетесь к своим домам и семьям!»

Изнемогая от усталости, Пичугин еле добрался до Красного Кута.

— Пятаковцы готовятся завтра напасть на нас, — сказал он Грачеву-Ланскому.

— Завтра? А это точно? Тогда, значит, не зря я задержал матросов.

— Каких матросов?

Матросский отряд, численностью в триста штыков, возвращался из Петера к себе, на Каспий. Узнав о прибытии эшелона, Грачев-Ланский отправился к морякам. Не сразу, но все же удалось ему убедить каспийцев задержаться в Красном Куте на несколько дней, помочь в разгроме пятаковской банды. Теперь их помощь оказалась как нельзя кстати.

Скрыто, используя темноту ночи, пятаковцы переправились через Еруслан. Перед рассветом, когда сон морит даже самых крепких, они с двух сторон ударили на село. Но расчеты «батьки» на внезапность нападения не оправдались. Предупрежденные Пичугиным отряды красноармейцев и моряков встретили бандитов дружным, метким огнем.

Ночной бой длился часа два. Взбодрив себя «первачом», бандиты осторожно рвались к станции, намереваясь захватить стоявшие там два паровоза и платформы. Пятаков собирался соорудить из них нечто вроде бронепоезда и под его прикрытием повести наступление дальше — на Покровск, а затем на Саратов, прорваться к Антонову. Однако, как ни старались бандиты, овладеть станцией им не удалось. Матросы, поддерживаемые красноармейцами, не только выдержали натиск, но и стали теснить пятаковцев. Видя, что налет не удался, «батька» отдал приказ своим головорезам отходить. Отогнав бандитов далеко в степь, красноармейцы и матросы вернулись в Красный Кут.

На другой день после налета особоуполномоченный чека Грачев-Ланский пригласил к себе Пичугина.

— Ну как, герой, познакомился с «батькой Пятаком?» — улыбаясь, спросил он.

— С самим «батькой» не пришлось, — лицо молодого красноармейца расплылось в ответной улыбке. — У его подчиненного Сарафанкина только побывал. Я вам докладывал.

— Молодец! Спасибо тебе большое. Не от меня лично, а от Советской власти. Большое дело сделал.

— Мне спасибо не за что. Поручение ваше я неполностью выполнил.

— Именно?

— Про то, кому в Красный Кут письмо было адресовано, не допытается.

— А мы от того бандитского курьера все узнали и всех здешних эсеров выявили. Так что ты не беспокойся.

Долго сидели в тот вечер молодой парень в защитного цвета красноармейской гимнастерке и умудренный опытом чекист. Пичугин внимательно слушал рассказ осо-боуполномоченного о целях революции, первых шагах Советской власти и трудностях, которые она испытывает, о строительстве железной дороги от Александрова Гая до Эмбы, начатом по личному предложению Ленина. Окружающий мир как бы заново раскрывался перед Николаем — мир, полный классовых противоречий и борьбы.

Прощаясь, Грачев-Ланский сказал Пичугину:

— Знаешь что, Николай? Отслужишь в армии, поступай в чека. Такие люди, как ты, нам нужны.

— У вас, поди, все партийные?

— И ты вступишь. Я первый за тебя поручусь.

Прошло три недели. После отдыха в казармах полк получил приказ: выступить в заволжские степи для окончательной ликвидации банды Пятакова. В Покровске к пехотинцам присоединились два кавалерийских эскадрона.

Чуть не месяц гонялись за пятаковцами красноармейские части. Наконец бандитов удалось почти полностью окружить. Не желая лишнего кровопролития, командова-

ние решило послать к Пятакову парламентеров с предложением сдаться без боя. Ехать в бандитское логово вызвался уполномоченный особого отдела стрелкового полка Глотов. С собой он взял двоих красноармейцев.

Пятаков встретил посланцев красных с насмешкой.

— Думаете, «полундру» кричать буду? Не надейтесь!

— Не хотим, чтобы зря кровь лилась. На вот, почитай и подумай! — Глотов протянул Пятакову письмо командования. Прочитав его, тот сказал:

— Вы меня на бога не берите. Отгребайте назад, откуда приплыли.

— Мы уедем, можешь не беспокоиться. А вот о себе подумай. А главное — о людях, которых ты втянул в эту авантюру. Надумаешь сдаваться, сообщи. Сроку даем сутки.

На другой день пятаковцы группами потянулись к расположению красных частей. Сам «батька Пятак» сдался одним из первых.

Но не все бандиты согласились с ним. Небольшой отряд самых отпетых головорезов во главе с Серовым ушел на юг, в астраханские степи. С ними был и Яков Обухов.

3

Заперев дверь, секретарь волостного комитета партии спустился по ступенькам крылечка на землю, подошел к ожидающему его человеку, сел рядом с ним на скамейку.

— Ну как, Николай, привыкаешь к нашим степям? — спросил он.

— Да, собственно, привыкать не к чему. Здешние места мне знакомы.

— Вот как? Ты что-то не рассказывал об этом.

— Случая не было. Воевал здесь против бандитов.

— Это когда? В двадцать первом?

— Да. Банду Пятакова ликвидировали.

— Слышал о такой. Пятаковцы одного моего родственника, молодого парня, в Волге утопили. Я в то время в Красной Армии служил на Украине. Тоже пришлось с разными бандами повозиться. Так ты что: сам сюда попросился, или случайно так вышло — в знакомые места попал?

— Попросил, чтобы сюда послали, — Николай улыбнулся, и его обычно серьезное, чем-то озабоченное лицо враз похорошело. — Я, когда в армии отслужился, домой, на родину, сначала поехал, там два года пожил. Ну, родных в тех местах у меня никого не осталось, близких тоже. Правда, появился было близкий человек — девушка, да ничего из нашей дружбы не вышло. Насильно выдали ее замуж за другого. Вот тут и вспомнил я совет одного хорошего человека, запросился на учебу. Не сразу, конечно, но приняли.

— Два года учился или три?

— Два с половиной. Начальник курсов перед концом нашей учебы опрашивал, кто куда хочет поехать. Назвал я Саратовскую губернию. А здесь договорился, чтобы в Ровное направили...

Некоторое время сидели молча, не разговаривали, потом тот, что постарше, спросил:

— На квартирную хозяйку не жалуешься?

— Квартиру ты мне хорошую подобрал. К тому же много ли холостому человеку надо?

— Вот и плохо, что холостой. К семейному больше доверия, а тебе оно очень нужно. Жениться, Николай, надо. — Секретарь волкома глянул на враз потускневшее лицо собеседника, понял, что разговор на эту тему продолжать не нужно. Загасив окурок, придавил его ногой. — Ты куда, по домам? Пойдем, провожу немножко.

Николай Пичугин приехал в Ровное после окончания курсов ГПУ. Поселился у одинокой старушки, жившей на краю села, почти у самой Волги. Первое время все

здесь напоминало ему о прошлом. Вон там, под обрывом, бандиты казнили коммунистов, а здесь он получил первое боевое крещение... Постепенно воспоминания уступили место повседневным делам. Хотя и давно были ликвидированы кулацко-эсеровские банды, ухо приходилось держать востро: и частные торговцы в селах окопались, и кулаки на хуторах кое-где в прежнюю силу взошли, батраков держат. Эсеровские корни не все выкорчеваны. Смотреть надо в оба.

Приезжий человек в сельской местности приживается не сразу, немало времени пройдет, пока начнут относиться к нему как к своему. Ну, а у Пичугина как-то так получилось, что в первые же месяцы вошел он к людям в доверие. Помог ему в этом секретарь волкома партии Ефим Григорьевич Кузнецов.

Хороший человек Ефим Григорьевич! Он и квартиру подыскал, и с односельчанами познакомил, помог со многими сблизиться...

— Почты не было? — спросил Пичугин хозяйку, дойдя до квартиры.

— Была, была... Газету да какой-то пакет принесли.

— Пакет? — Пичугин удивился. — От кого? — Вся служебная корреспонденция доставлялась ему под расписку, а тут, выходит, обыкновенное письмо. Интересно, кто мог про него вспомнить? Наверное, кто-нибудь из тех, с кем учился на курсах!

Почерк на конверте был незнакомым. Почтовый штемпель говорил о том, что письмо послано из Новороссийска. Разорвав конверт, Пичугин посмотрел прежде всего на подпись, стоявшую в конце небольшого листка. Фамилия «Брюзгин» ничего ему не говорила.

«Уважаемый товарищ! — писал неизвестный человек. — Обращаюсь к вам по очень важному делу. Недавно у меня в гостях побывал мой брат, Тимофей Брюзгин. От него мне стало известно о том, что неподалеку от Ровного, на хуторе Орлинском, проживает бывший командир

отряда карателей из банды Пятакова — некий Яков Обухов. О том, что такая банда орудовала в Заволжье в начале двадцатых годов, вам должно быть известно. Так вот, этот Обухов был у Пятакова правой рукой и больше того — палачом. В те годы он зверски истязал и убивал коммунистов и комсомольцев, издевался над честными советскими людьми, не жалел ни старииков, ни женщин. Это могут подтвердить, а также рассказать много фактов о преступлениях Обухова против Советской власти мои братья Тимофеи и Алексей, проживавший ранее в селе Красный Яр Михаил Лисин, жители Ровного и других сел. Как член партии, считаю, что такие палачи советских людей и пятаковские паразиты, как Яков Обухов, не могут оставаться на свободе, быть безнаказанными за свои злодейские преступления. Очень прошу вызвать и допросить моего отца В. А. Брюзгина, братьев Тимофея и Алексея, жителя Красного Яра Михаила Лисина, а также других граждан. Они подтвердят все, что я вам сообщаю, расскажут много нового.

Комиссар части гор. Новороссийска
Александр Васильевич Брюзгин».

Пичугин дочитал письмо до конца и задумался. «Если все обстоит действительно так, как пишет Брюзгин, этого Обухова давно нужно было судить. Сколько лет прошло с тех пор? Банда Пятакова орудовала в здешних местах в двадцать первом, а сейчас двадцать восьмой. Семь лет — срок немалый! Наверное, и Обухова судили в свое время. Но если так, почему он на свободе? Возможно, приговор был мягким? — Пичугин снова взялся за письмо. — Да, сигнал серьезный, надо все проверить. И прежде всего посоветоваться с Кузнецовым. Он человек местный, людей знает хорошо, вероятно, известны ему и Брюзгинцы, и Лисин, и этот Обухов».

Секретарь волкома партии жил почти в самом центре села. Его дом под тесовой крышей стоял на неширокой

уложке в тени высоких, свечками поднявшихся в небо тополей. Николай нашел хозяина в огороде за домом. Воружившись лопатой, секретарь волкома окапывал посаженные несколько лет назад молодые яблоньки.

Поздоровавшись, он спросил:

— Соскучился обо мне? Или дело какое привело?

— Дело есть, Ефим Григорьевич.

Они отошли в сторонку, сели на зеленой лужайке.

— Рассказывай!

Пичугин вынул из кармана письмо Брюзгина.

— На, прочти!

Кончив читать, Кузнецов аккуратно вложил листок в конверт, протянул Пичугину.

— Сам я этого Обухова не знаю, а слыхать о нем приходилось. Только я думал, что его нет в наших местах, считал, что где-нибудь срок отсиживает. А он, оказывается, рядышком. Вот какие дела... Михаила Лисина знаю, приходилось встречаться на партийных конференциях. Он в Цикове живет, неподалеку.

— А Брюзгин?

— Брюзгина припоминаю. В первые годы после революции, еще до пятаковского восстания, он у нас в волости военкомом был. А потом уехал. Боевой парень. Где, говоришь, он теперь?

— В Новороссийске. Комиссар части.

— Ему можно верить. Крепкий партиец, надежный.

— Спасибо, товарищ секретарь. Кое-что проясняется.

На другой день Пичугин выехал в Циково.

День был воскресный. Лисин сидел дома, читал газету. Увидев незнакомого человека, снял очки с перевязанной ниточкой дужкой, поднялся навстречу.

Назвав себя, Пичугин рассказал хозяину, зачем он приехал: о письме, полученном из Новороссийска, беседе с секретарем волостного комитета партии.

— Неужели этот зверюга живой, да еще и на свободе? — удивился Лисин, выслушав Пичугина. — За

такие дела, какие он творил, его давно расстрелять следовало.

— Значит, помните его?

— Как же! Такую память о себе оставил — на всю жизнь не забыть. — Воспоминания о пережитом взволновали Лисина. Рассказывая о временах, когда различные банды орудовали в Заволжье, он то вставал и начинал ходить по тесной горенке, то вновь садился. Когда Лисин кончил говорить, Пичугин спросил его:

— Михаил Федорович, а вы сможете дать письменное объяснение по этому вопросу?

— Пожалуйста! В любом суде свидетелем выступлю. Обухову прощать нельзя.

— Вот вам бумага, садитесь и пишите.

Беседа с Лисиным и написанное им объяснение подтвердили все, о чем сообщал Александр Брюзгин. Обухов действительно был в банде Пятакова командиром карательного отряда, творил расправу над коммунистами. Прощаясь, Лисин сказал:

— То, что Обухов на свободе, это какое-то недоразумение. Не могут такие люди на свободе гулять!

— Хорошо, разберемся с этим, — пообещал Пичугин.

Вернувшись в Ровное, уполномоченный ГПУ зашел к секретарю волкома, рассказал о результатах поездки.

— Что намерен делать дальше, если не секрет? — поинтересовался Кузнецов.

— Необходимо еще от двух-трех очевидцев объяснения взять. А потом, может, и к Обухову съезжу, «познакомлюсь лично», так сказать.

— А это не спугнет его?

— Я ему всего выкладывать не стану. Поинтересуюсь только, что он сам скажет насчет службы у Пятакова.

— Если так, можно съездить. А насчет очевидцев... Хорошо бы тебе найти тех, кто близко с этим Обуховым соприкасался. Лисин ни о ком не говорил?

— Назвал несколько фамилий, только не ручается, помнят ли они Обухова.

Первым, кого пригласил к себе уполномоченный ГПУ, был житель Иловатки Иван Васильевич Корнеев. Он на другой же день явился в Ровное, но ничего существенного сообщить не смог.

— Я в те годы как раз в Красной Армии служил. Далеко отсюда, на Кубани, — пояснил он. — Так что о здешних делах знаю только понаслышке. Был, говорят, такой Пятаков. Возможно, и Обухов у него служил. Точно сказать не могу. Вы Мирона Бредихина или Прокопа Чулкова, наших, иловатовских, поспрошайте, они вроде сведущи.

Но с ними произошла такая же осечка. Ни Бредихин, ни Чулков о пребывании Обухова в отряде Пятакова ничего не сказали.

«Якова Обухова знаем, на Орлинском живет, ничем плохим себя не проявил. Насчет его участия в банде нам неизвестно», — словно говорившись, твердили они.

Что-то одно: или они боятся Обухова, или ничего не знают. Пичугин вызвал Брюзгиных. Приехал только один Тимофей: отец его был болен, а младший брат Алексей находился в отъезде.

— Зачем вы их приглашали? — удивился он, когда Пичугин рассказал ему о результатах бесед с иловатовскими крестьянами. — Они в банде не участвовали, это я могу подтвердить. Потому и об Обухове им ничего не известно.

Уполномоченный долго сидел с ним, выясняя все новые и новые подробности зверств пятаковской банды.

— Яшка Обухов с моим старшим братом Александ-

ром, — говорил Тимофей, — в восемнадцатом году в Красной Армии в одной части служил, только Яшку выгнали тогда из красноармейцев за мародерство. Потом снова было взяли, но он дезертировал. Когда началось восстание, сразу ушел к Пятакову. Начал притираться к нашей семье, грозить, что убьет всех за то, что Александр стал коммунистом. Мы с батей в степь подались, там укрылись, а мать с меньшим Алешкой дома осталась. Так Яшка и им житя не давал, приезжал несколько раз, был нагайкой, все допытывался, куда мы подевались.

Записав его объяснение, Пичугин спросил, не знает ли он, кто еще может рассказать о зверствах Обухова. Подумав, Тимофей сказал:

— Митрия Гуляева разыскать надо. Он родом из Чебреева, а восстание как раз там и началось. Должен знать.

Пичугин нашел Гуляева в Кривояре.

— Давно уже сюда переселился. Жена у меня здешняя, — сказал тот. — А Обухова помню. Нас тогда — меня да еще четверых черебеевских — заставили с обозом у банды ехать, когда Пятаков в уральские степи уходил. Я-то быстро назад вернулся: лошадь у меня захромала, нарочно ее сбедил. Но и за малый срок навидался достаточно. Под Дергачами, помню, захватила банда красноармейцев. От своих они отбились. Уж как над ними Обухов издевался — слов нет! А под конец изрубил всех шашкой. Нас, мужиков, глядеть на эту казнь заставили. Для устрашения, стало быть. Я опосля этого год не мог спокойно спать: все те красноармейцы зарубленные снились.

— Дмитрий Евсеевич, а вы не знаете таких, кто может подтвердить рассказанное вами, сообщить другие подробности?

— Как не знать, знаю! Лустин Михаил, Керенцев Яков, Дроздов Степан. И еще найдутся.

Настала пора встретиться с самим Обуховым.

Приезд уполномоченного ГПУ не смутил бывшего пятаковского приспешника. Выслушав обращенный к нему вопрос, он спокойно ответил:

— Было дело, служил у Пятакова. А потом у Серова... По дурости все произошло, по темноте.

— Говорят, отрядом командовал?

— Кто это такую глупость набрехал? За такие дела по головке не гладят, а меня суд от наказания освободил по причине малой виновности.

— Какой суд?

— Губернский. — Обухов поднялся с лавки, подошел к висевшему на стене небольшому шкафчику. — У меня копия приговора имеется. Вот поглядите.

Это действительно была копия приговора губернского суда, рассматривавшего в декабре 1923 года дело по обвинению Скворцова Ивана, Овчинникова Кузьмы и Обухова Якова в участии в банде Серова — Долматова и совершении ими террористических актов против коммунистов. Суд приговорил обвиняемых к лишению свободы сроком на пять лет каждого, но, принимая во внимание то, что они были слепым орудием в руках главарей банды Серова и Долматова, решил применить наказание условно.

— Ознакомились? Давайте, я эту бумагу обратно спрячу. — Голос Обухова звучал вызывающе-насмешливо. — А то приедет еще какой уполномоченный, чем я ему доказывать стану?

«Не спугну ли я его своим приездом? — подумалось Пичугину. — Да нет, никуда он не денется, думает приговором суда прикрыться».

Отдав бумагу Обухову, Пичугин вернулся домой.

«Почему такой мягкий приговор вынес губернский суд? — размышлял он по дороге домой. — Может, не все было известно? Постой, постой, ведь судили этих троих только за участие в банде Серова — Долматова? О Пятакове в приговоре нет ни слова, а именно в его банде осо-

бенно зверствовал Обухов. Надо запросить дело из губерната, ознакомиться с ним».

Судебное дело, запрошенное уполномоченным, пришло недели через две. Пичугин неторопливо листал его, вчитывался в показания обвиняемых, в строчки обвинительного заключения и судебного приговора, сравнивал показания тех свидетелей с объяснениями допрошенных им очевидцев и удивлялся, как легко удалось Обухову и другим бандитам скрыть от следствия и суда свои тягчайшие преступления. Сомнений быть не могло: мера наказания, определенная судом Обухову, не соответствует тяжести совершенного им преступления.

Пичугин сел писать ходатайство прокурору о возобновлении уголовного дела на Обухова в связи со вновь открывшимися обстоятельствами. К своему письму он приложил сообщение Александра Брюзгина и объяснения очевидцев.

Месяц спустя все материалы пришли в Ровное. По представлению прокуратуры Верховный суд республики отменил приговор губсуда, вынесенный в двадцать третьем году. Пичугину предлагалось провести дополнительное расследование всех обстоятельств дела.

— Ну, вот теперь тебе и карты в руки! — сказал уполномоченному секретарь волкома Кузнецовых, выслушав его рассказ. — Смотри умненько веди это дело, чтобы никакой промашки не получилось. Оно имеет очень большое значение. Ты, может, только с точки законности к нему подходишь, на букву уголовного кодекса опираешься, это тоже правильно, но я так думаю, что для массы наших крестьян отношение к Обухову — мерило справедливости. Люди — они знают, что к чему. Не всегда высказывают, а понимать — понимают. Вот представь себе: судили палача коммунистов, озворелого бандита. Судили и ничего не присудили. Как масса отнеслась к этому? Наверное, кое-кто нехорошо подумал о тех, кто судил.

А почему? Потому, что не знают, как было дело. Одним словом, минус в нашей работе самый настоящий. Ну, а тебе предстоит восстановить справедливость, восстановить доверие к нашим советским законам у тех, кто, может быть, его потерял.

— Восстановить справедливость — это опять-таки дело суда, выражаясь научным языком, его прерогатива.

— Не знай уж каким там языком, только от тебя многое зависит. Какие представишь доказательства.

Вынеся постановление о принятии возобновленного уголовного дела к своему производству, Пичугин первым вызывал для дачи свидетельских показаний Михаила Лисина. Начался последний и самый главный этап расследования этого дела.

4

— Допрашивайте, — сказал, приехав, Михаил Лисин. — За каждое слово головой готов отвечать.

Пичугин тщательно, не торопясь, записывал все, что говорил свидетель. Порой он останавливал его рассказ, уточнял заинтересовавшие его подробности.

Вспоминая пережитое, волнуясь и горюя о погибших товарищах, Лисин приводил все новые подробности зверств бандитской шайки Пятакова, рассказывал, как издевался над коммунистами Яков Обухов, как тиранил он жен советских активистов.

— Когда я сидел в ровенском арестном доме, — говорил Михаил Лисин, — каждую ночь уводили на смертную казнь человек десять-пятнадцать. Рубили их шашками, топили в реке. Больше всех усердствовал Яшка Обухов. Не человек, а зверь был. Мне бы тоже купаться в Волге, гибель в речной купели принять, да спасибо, наши подоспели, спасли.

Николай чуть-чуть не сказал, что он был среди тех,

кто освобождал заключенных в ровенской тюрьме, но удержался. Получилось бы, что он выразит свое личное отношение ко всему, что тогда здесь происходило, а этого делать ему нельзя, он во всем должен руководствоваться не личными чувствами, а только законом.

Закончив допрос Лисина, уполномоченный вызвал новых свидетелей: братьев Брюзгиных, Михаила Лустина, Степана Дроздова, Якова Керенцева. Долго сидел с ними Пичугин, выясняя подробности зверств пятачковской банды.

Особенно важными были показания учителя из Красного Яра Якова Ивановича Керенцева.

— Пятачков и его подручные действовали очень хитро и расчетливо, — говорил старый учитель. — Известно, что в те годы были недовольны хлебной проразверсткой не только кулаки, но и многие из среднего крестьянства. Эсеры умело воспользовались этим, всячески разжигали недовольство Советами, втягивали несознательных тружеников в различные банды. Была среди бандитов часть и таких людей, которым затуманила голову видимость неограниченной власти и безнаказанности. Отнял у крестьянина, чаще у бедняка, корову или овцу — никто не мог и слова сказать. Больше того, убил человека, пришедшего не по нраву, — никто под суд за это не отдаст. Вот к таким людям относится и Обухов. Он был у пятачковцев главным палачом. Я — один из очевидцев, один из свидетелей того, как в Красном Яре он уничтожил группу советских работников. Зверствовал Обухов и в Ровном. Мне доподлинно известно, что ежедневно он водил к волжской проруби партии арестованных, главным образом коммунистов и комсомольцев, и там зверски уничтожал их. Им зарублены, например, хорошо знакомые мне молодые парни Халетов и Кузнецов только за то, что были комсомольцами.

Свидетельские показания ясно подтверждали, что Обухов — социально опасный для общества преступник. Все,

что он совершил, находясь в банде Пятакова, есть не что иное, как акты политического террора. Не случайно уничтожал он в первую голову коммунистов и комсомольцев, всех тех, кто был привержен Советской власти. Оставлять дальше его на свободе было нельзя.

А Обухов, меж тем, словно почуяв опасность, закружили, заметался по окрестным селам. Сначала он уехал из Орлинского на хутор Кочкарный, потом, пожив неделю, перебрался в Черебеево, но и там задержался ненадолго: вскоре его видели уже в Белокаменке. Оттуда метнулся он в Циково, затем в Красный Яр, но быстро возвратился домой, в Орлинский, и там затих, затаился. Пичугин встревожился. С какой целью совершал Обухов свои поездки? Проверял, не осталось ли свидетелей прошлого? Или искал сообщников для побега? Надо было торопиться, не упустить злобного зверя.

Вызвав бывшего пятаковского карателя, уполномоченный ГПУ ознакомил его с показаниями свидетелей, предъявил обвинение в совершенных им преступлениях, спросил:

— Признаете себя виновным?

— Напраслину возводите на меня, гражданин уполномоченный. У Пятакова я служил, это верно. Потом сколько-то у Серова с Долматовым. Так они ведь силой заставляли! Не подчинись им — смерти предадут! Да и служил-то я где? Тряпьем заведовал, вроде каптенармуса был. Советской власти сдался добровольно. Какая же моя вина? Был бы я виноватый, суд не оправдал бы.

Спокойной рукой он вынул из-за пазухи знакомый уже Пичугину приговор губернского суда.

— Видел я эти бумаги, можете оставить их у себя, — остановил его Пичугин. — Значит, по-вашему, свидетели — а их, как видите, — не один — говорят неправду?

— Какая же может быть правда, если они меня в глаза не видели? И я впервые о них слышу.

— Гуляев ваш земляк, родом из Черебеева.

— Он из Черебеева, а я из Белокаменки. Все молодые годы там проживал. Откуда ему меня знать? Да и я такого Гуляева что-то не припомню. Вроде в Черебееве никаких Гуляевых не имелось. Если пришлый какой?

— Хорошо. А Михаила Лисина знаете?

— Лисина? Слыхом не слыхивал.

— Тимофей Брюзгин?

— Этот знаком. Так Брюзгины всю жизнь на меня враждуют. Будто бы когда-то овцу у них украл. А у с-мих и не было ее, овцы-то!

— Выходит, решили запираться? — Пичугин помолчал, потом прочитал Обухову постановление об его аресте.

Выслушав, Обухов покернел лицом, но ничем больше не выдал своего волнения.

— Напрасно берете под арест, гражданин уполномоченный. Никакой особой вины за мной нет. — Он помолчал, потом неожиданно спросил: — Может, с другим кем меня путаете? У Пятакова кроме меня и иные Обуховы служили, не один я был такой.

— Вы что-то об этом раньше не говорили.

— Не думал, что так дело повернется.

— Хорошо, проверим.

Тщательная проверка дала такой результат, какого и ожидал Пичугин. Ни единого человека по фамилии Обухов, кроме того, что был им арестован, в банде Пятакова не служило. Уполномоченный объехал все те села, в которых были участники эсера-кулацкого восстания. Никто из Обуховых ни сейчас, ни раньше в них не проживал. Только в Белокаменке имелась семья, носившая такую фамилию, но изо всех ее членов в живых оставался один Яков.

Закончив проверку, уполномоченный пригласил к себе Михаила Лисина. Введя его в комнату, где сидели Обухов и двое ровенских жителей, он спросил:

— Один из находящихся перед вами, а именно Яков

Никанорович Обухов, в тысяча девятьсот двадцать первом году служил в банде Пятакова, командовал у него отрядом карателей. Знали вы такого человека, можете опознать его?

— Я лично был посажен пятаковцами в ровенскую тюрьму и едва избежал смерти, — ответил Лисин. — В те дни в тюрьму не раз приходил пятаковский палач Яков Обухов, которого я знал и раньше, до кулацкого восстания. Он сам хвастался тем, что зарубил несколько десятков коммунистов, грозился уничтожить всех, кто попадет в его руки.

— Который же из сидящих здесь Яков Обухов?

— Вот он, зверюга!

Пичугин внимательно следил за тем, какое впечатление произведет на Обухова опознание, и подивился его выдержанке. Ни один мускул не дрогнул на его лице, даже какая-то ухмылочка появилась.

«Крепкий орешек! — подумал уполномоченный. — Голыми руками не возьмешь!»

Отпустив Лисина и приглашенных для опознания ровенцев, Пичугин остался наедине с Обуховым.

— Ну, будете давать показания?

— Не знаю я этого человека, гражданин уполномоченный, незнакомый он мне вовсе.

— Зато он вас, как видите, хорошо знает.

— А может, по злобе наговаривает, злобу свою на ком-то хочет выместить. Или по наущению действует.

— По чьему же это наущению?

— Найдутся такие желающие.

Пичугин с любопытством посмотрел на сидящего перед ним Обухова. Оказывается, этот простой с виду и не очень культурный человек умел не только обороняться, но и наступать.

— Ничего, — сказал Кузнецов уполномоченному, когда тот пришел к секретарю волкома поделиться ходом следствия. — Придет время, сломится этот тип, не все бу-

дет упорствовать. — Начав говорить, секретарь волкома вдруг остановился. — А что, если тебе к своему начальству в губернию съездить? С ними посоветоваться? Люди там работают опытные, с разными делами сталкивались, подскажут, как быть!

Пичугин отправился в губернский город.

В небольшом двухэтажном здании губчека царила прохладная тишина. Подойдя к дежурному, Пичугин назвал себя, коротко изложил цель своего приезда.

— Вам к товарищу Грачеву-Ланскому обратиться надо, — посоветовал дежурный. — Он сейчас следственным отделом ведает. Недавно к нам из Москвы прислан.

— Грачев-Ланский?

— Вы что, знакомы с ним?

— Может быть.

С волнением постучал Пичугин в неширокую, односторончатую дверь на втором этаже. Услышав «Войдите!», шагнул в комнату. За простым канцелярским столом, покрытым красной матерью, сидел человек с коротко остриженной седой головой. Да, это был тот самый Грачев-Ланский, с которым встречался молодой красноармеец Николай Пичугин в двадцать первом году. «Интересно, помнит он меня?» — подумал Николай. Присев на стул, стоящий около стола, он начал рассказывать о том, что привело его сюда. Грачев-Ланский внимательно слушал, делал на листке бумаги какие-то пометки, изредка взглядывал на говорившего. Когда тот закончил, он весело улыбнулся.

— Значит, дорогой Пичугин, все же последовал моему совету, вступил в наши ряды?

— Как видите, Петр Васильевич!

— От меня запрашивали характеристику, когда ты поступал на курсы, но я не думал, что нынешний ровенский уполномоченный и есть тот самый Пичугин.

— А вы тоже недавно здесь?

— Недавно.

Они разговорились, вспоминая прошлое.

— Что касается Обухова, — сказал Грачев-Ланский, — надо найти таких свидетелей, против показаний которых этому бандиту нечего было бы возразить. Лучше бы из тех же пятаковцев. Давай условимся так: ты вернешься домой и некоторое время не станешь тревожить Обухова. Пусть он на досуге поразмышляет, что к чему, подумает. А мы поднимем дела тех лет, посмотрим, кого тогда судили, кто остался в живых, поищем, где они проживают сейчас, а потом сообщим тебе. Хорошо? Вот на этом и порешим. — Прощаясь, он добавил: — Ты правильно надумал приехать сюда. Ум, как говорится, хорошо, а два лучше. И в будущем не стесняйся обращаться за советом. Опыт, он, знаешь, с годами накапливается.

Вернувшись в Ровное, Пичугин недели полторы не вызывал Обухова, оставил его, как советовал Грачев-Ланский, в покое. И тот не выдержал, попросил, чтобы его вызвали на допрос.

— Показания хочу дать, — заявил он.

— Давно бы, — сказал Пичугин, кладя перед собой чистый листок бланка допроса.

— Я, Обухов Яков Никанорович, происхожу из села Белокаменка, женат, детей не имею. В тысяча девятьсот двадцать первом году вступил в банду Пятакова и служил в ней. Сначала заведовал складами, потом, по приказу Пятакова, был переведен в отдельную команду по охране штаба. Раза два-три этой команде поручалось приводить в исполнение приговоры, но я лично в этом не участвовал, был простым свидетелем. Правда, потом приходилось зарывать убитых, вот и все. Вот что я могу показать.

— Не густо, — усмехнулся Пичугин. — Выходит все же, что состояли в отдельной команде при штабе. А может, это был отряд карателей и вы им командовали?

— Нет, карателем я не был и в командах не ходил. Вы разыщите тех, кто со мной в этой команде служил. Они подтвердят, что я говорю сущую правду.

— Назовите их.

— Назвать? — Обухов на минуту как бы задумался. — Бредихин Афанасий из Иловатки, Прокоп Чернов из Белокаменки, Пахомов Кузьма из Красного Яра. — Он подумал еще. — Егор Васюхин из Черебеева. Ну и еще могу припомнить, если желательно.

— Пока достаточно этих.

Уполномоченный поехал по селам разыскивать названных Обуховым людей. Но оказалось, что одни из них умерли, другие вообще являются вымышленными. Когда он объявил Обухову об этом, тот сказал:

— Ошибся, давно дело было. — И назвал новых свидетелей его невиновности. Однако и вторая поездка Пичугина по селам дала тот же результат, что и первая.

Пичугин вспомнил, как Обухов перед арестом метался по окрестным селам. «Вот зачем он тогда ездил! Проверял, не остался ли кто в живых из свидетелей его прошлого. Убедился, что нет таких, потому так нагло и ведет себя. Надеется еще раз выйти сухим из воды».

Прошла еще неделя. Пичугин стал думать, что навряд ли удастся разыскать кого-либо из тех, кто вместе с Обуховым творил свои грязные дела. Времени прошло порядочно, кто умер, кто уехал в другие места, попробуй найди! И тут пришло письмо от Грачева-Ланского.

«Как нами выяснено, — писал начальник следственного отдела губчека, — в селе Красный Яр, что неподалеку от Ровного, проживают Василий Савельевич Чернышев и Семен Фокеевич Пензин. Первый был у Пятакова начальником штаба, а второй — тоже одним из приближенных. После ликвидации банды их судили. Приговором суда обоим вначале была определена высшая мера — расстрел, но потом наказание смягчили».

Первым Пичугин допрашивал Пензина.

— Скажите, свидетель, — задал вопрос уполномоченный, — вы хорошо знали Якова Обухова?

— Яшку Обуха? Как не знать! Вместе были у Пятакова.

— Какую... ну, должность, что ли, занимал он? Был капитенармусом, заведующим складами или еще кем?

— Кем был? Командиром особого карательного отряда. Приговоры приводил в исполнение.

— Известно ли вам что-либо о личном участии Обухова в убийствах коммунистов, комсомольцев, других советских граждан?

— В те поры Яшка ужасть сколько погубил народу. И по приказу, и так просто, сам по себе. У нас, в Красном Яре, человек двадцать, в Ровном поболе того, в других селах...

— Он что, лично сам казнил?

— Почитай что так. Больше все сам. Шашкой рубил, а потом топил в Волге. В Ровном, припоминаю, сильно издевался он над одной бабой.

— Женщиной?

— Ну да, женщиной. Дунькой звали. Молодая была, красавая. Через это и сгибла. Уж больно нравилось Яшке людей мучить. Ты его хлебом не корми, только дай по-зверствовать. Нажрется самогона и начнет... Ни старииков, ни молодых парней, ни женщин — никого не жалел, всех казнил, кто к нему в лапы попадался. Кровопивец, одним словом.

Лицо Обухова, бывшего унтер-офицера царской армии, мародера, палача и садиста, матерого врага Советской власти, вырисовывалось все полнее. Последнюю точку в его «портрете» поставил Василий Чернышев.

— В своей вражде к Советской власти, — говорил он, — Обухов превзошел всех нас. Зарубить коммуниста, красноармейца было для него первое удовольствие. Он тут как волк кровожадный делался, зверем на них кидался.

— Почему же вас, например, в свое время к расстрelu приговорили, а его осудили условно?

— Похитрой всех нас Яшка оказался. Мы, как есть, во всем повинились перед судом, все свои грехи признали, а он невинной овечкой прикинулся. Нас никого на тот суд, который над ним был, не вызывали, а других свидетелей, настоящих, не нашлось. Вот он и выпутался.

Слушая его, Пичугин думал, как мог вот этот сидящий перед ним человек стать анархистом. Что заставило его, крестьянина-середняка, бывшего балтийского матроса, пойти против Советской власти? И как оказались втянутыми в банду другие крестьяне из середняцкой прослойки? Закончив допрос и дав свидетелю подписать свои показания, он спросил его об этом.

— Что заставило? — переспросил Чернышев и задумался. — Сам хорошенько не пойму, как все тогда получилось. Со флота все началось. Был у нас на судне, на «Петре Великом», баталер один из интеллигентов. Начитался он там разных книжек, стал анархистом, потом начал нашего брата в свою веру втягивать. Несколько человек и поддалось. Знаете как: натерпелись от боцмана да офицерья! А тут — власти никакой не признаю, сам себе голова, одним словом, анархия — мать порядка! Очень даже завлекательно, особенно если в голове полный сумбур. Когда в учредиловку голоса собирали, я по списку анархистов проходил... Потом, конечно, разогнали нас. Сюда уехал.

— Ну, а банда?

— Я же и говорю: в голове пустота, ветерком весь чердак насквозь продувает. А тут свой флотский — Мишка Пятаков — командиром заделался в отряде, к себе помощником пригласил. Лестно, конечно, стало, я и согласился. Ну, и эсеры еще помогли. Они ведь в то время пропаганду вели среди нашего брата.

— Пятаков?

— И он, и другие окромя него были.

На следующий день Пичугин ознакомил Обухова с показаниями Пензина и Чернышева. Тот сидел, внешне спокойный, только желваки, катавшиеся по скулам, выдавали его волнение.

— Зря запугиваете, гражданин уполномоченный, — сказал он, когда Пичугин закончил чтение свидетельских показаний. — Откуда Чернышеву с Пензиним меня было знать? Они — главари, а я рядовой, ничем не примечательный. Таких, как я, в банде сотни состояли, рази всех они могли упомянуть?

— Выходит, помнят.

— С кем-либо другим путают.

— Та-ак... Тогда скажите, кто же был командиром этой вашей, как вы утверждаете, отдельной команды?

— Кто? — Обухов задвигался, заерзал на табурете. Вопрос застал его врасплох. — Этот, как его... Пухов! — чуть не вскрикнул он. — Пухов его фамилия, гражданин уполномоченный. Он, значит, Пухов, а я Обухов.

«Ишь, бандюга! — подумал Пичугин. — Других убивал хоть бы что, а за свою поганую жизнь вон как цепляется!»

— Хорошо, придется устроить вам очную ставку с Пензиним и Чернышевым.

— Как вам желательно. Только я невиноватый.

К встрече с Чернышевым Яков Обухов подготовился основательно. Он упорно придерживался той версии, которую выдвинул накануне: в банде был рядовым, никого не убивал.

— Чернышева с Пятаковым я только раза три видел и то издала, — твердил он. — Близко к ним бывать не приходилось.

— Брось, Яшка, прикидываться! — сказал ему Чернышев. — Никакой не Пухов командовал у нас карательми, а ты.

— Зазря меня топишь, с кем-то другим путаешь, — стоял на своем Обухов.

— Это я путаю? — вышел из себя Чернышев.— Уж кого-кого, а тебя хорошо запомнил!

Казалось, Обухову нечего больше упорствовать, все доказательства его вины были налицо. Однако он продолжал стоять на своем. На очной ставке с Пензинным заявил, что впервые видит его.

Но, видимо, он начал уже понимать, что запирательство ни к чему не приведет: не было прежнего спокойно-нахального тона, подобие испуга появилось в его глазах. И все же преступник не хотел признать, что его карта бита, надеялся и на этот раз уйти от ответственности.

Закончив допросы свидетелей, проведя опознания и очные ставки, Пичугин решил еще раз перечитать, проанализировать все материалы следствия, прежде чем сесть за обвинительное заключение.

Долго не ложился спать он в тот вечер. Одна за другой проходили перед ним картины недавнего прошлого. Борьба с бандитами. Зверства кулаков. Собственная судьба... С благодарностью вспомнил он своего первого политического наставника Грачева-Ланского, который помог ему найти дорогу в партию, посоветовал пойти на учебу. Вспомнилось, как старый чекист говорил ему: «Враг разбит, но еще целы кое-где его последыши. Нам, коммунистам, надо быть начеку».

Утром уполномоченный в последний раз вызвал Обухова к себе. Лист за листом, не торопясь, повторяя отдельные места, он прочитал ему все объяснения очевидцев его преступлений, свидетельские показания, протоколы опознаний и очных ставок. Обухов слушал его и все ниже клонил крупную, с оттопыренными ушами и низким лбом голову. Когда чтение закончилось, он хрипло выдавил из себя:

— Ваша взяла, судите!

Пичугин сел писать обвинительное заключение по делу Якова Обухова. Оно было строго обоснованным. Конкретные, веские доказательства не оставляли обвиняемому никакой лазейки, его виновность и социальная опасность подтверждались полностью.

Прошло полгода. В один из дней Николай Пичугин послал письмо в Новороссийск Александру Брюзгину.

«Уважаемый Александр Васильевич! — писал он. — Сообщаю вам результаты расследования, проведенного по делу известного Вам Якова Обухова. Свидетельскими показаниями и очными ставками он полностью изобличен в массовых убийствах ни в чем не повинных советских людей, коммунистов и комсомольцев, в преступлениях против нашего Советского государства. Его действия квалифицированы как политический бандитизм.

Три месяца назад Обухов был арестован, а затем предан суду. Этому матерому врагу Советской власти вынесен справедливый приговор: высшая мера наказания — расстрел! Приговор приведен в исполнение.

Спасибо за то, что вы помогли изобличить злобного врага Якова Обухова и наказать его по всей строгости закона».

Михаил Кравченко

РАССКАЗЫ О ЧЕКИСТЕ

Иван Зотович Котелков, главный герой этих очерков, в составе Управления контрразведки 3-го Украинского фронта принимал участие в освобождении от гитлеровских захватчиков Украины, Румынии, Болгарии, Венгрии, Югославии и Австрии. Там он и встретил День Победы.

В годы Великой Отечественной войны И. З. Котелков награжден двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны I степени и многими медалями.

А в конце мая 1945 года из Москвы в Венгрию, где остановилась в то время его войсковая часть, пришла посылка с самой дорогой для Ивана Зотовича Котелкова наградой: именным оружием.

Ныне И. З. Котелков полковник в отставке, проживает в городе Николаеве.

Предлагаемые читателю очерки о чекисте включают эпизоды, связанные с Саратовщиной — краем, где родился и вырос герой, где начинал свою работу в ОГПУ.

Тайна плакучей ивы

В штабе фронта знали, что готовится к заброске в тыл советских войск большая группа украинских националистов для ведения диверсионной работы против советских войск. Точно был известен и намеченный агентами района высадки десанта. Как раз начиналось время жатвы. Вокруг предполагаемого района высадки на колхозных и совхозных полях под видом косарей были расставлены специально назначенные команды сержантов и солдат, одетых с целью маскировки в белые платочки и женскую одежду поверх военного обмундирования.

Дополнительное количество автоматов, гранат и даже ручных пулеметов с запасом патронов получили местные отряды самообороны.

Такие отряды создавались во вновь освобожденных крупных селах и райцентрах, где не были расквартированы войска, из комсомольцев и допризывной молодежи. Их называли истребительными, а бойцов этих отрядов — попросту «ястребками».

В каждом из этих отрядов и в специальных военных командах побывали офицеры управления контрразведки фронта и провели подробный инструктаж. Были установлены общие сигналы тревоги и оповещения, предусмотрены средства связи.

Высадка десанта ожидалась в темное время суток. Однако все произошло не совсем так, как предполагали. Группа немецких бомбардировщиков среди бела дня налетела на район, освобожденный советскими войсками, и стала перестраиваться для бомбёжки. Работающие на полях сельские жители, в основном женщины и дети, и переодетые в гражданское солдаты с тревогой наблюдали, как бомбардировщики один за другим делали «горку» и сбрасывали бомбы на близлежащее село, мост через речушку, проселочную дорогу. Гул от моторов и мощных взрывов стоял окрест. И сначала никто не обратил внимания на то, что бомбы сбрасывает не каждый самолет, а только второй или третий из пикирующих: остальные летают вхолостую. И только на третьем заходе, когда из люков бомбардировщиков посыпались люди и над полями стали раскрываться белые парашюты, все стало ясно.

— Десант!..

Со всех сторон к месту высадки десанта ринулись солдаты, истребители, даже женщины и дети. Бежали с оружием, с вилами, косами, граблями, а то и просто с голыми кулаками.

Кольцо людей уже приближалось к месту, где опустились первые парашютисты. Многих из десантников относило ветром на лес, неподалеку от центра высадки. Затрещали пулеметы истребителей и красноармейские ППШ.

В итоге — полтора десятка десантников лежали убитыми, с еще пристегнутыми лямками парашютов, некоторые повисли на деревьях и ждали, пока их снимут и возьмут в плен. Около сотни десантников в гражданской

и красноармейской одежде вперемешку стояли плотной толпой на поляне, обезоруженные, в окружении солдат и распаленных колхозниц, вооруженных уже не только вилами да косами, но и немецкими «шмайсерами», видимо отобранными у незваных гостей.

Одним из тех, кто руководил организацией ликвидации вражеского десанта, был чекист Иван Зотович Котелков. В тот день он был направлен на место высадки десанта для того, чтобы возглавить начавшуюся операцию. И вот тут-то и произошла эта встреча. Встреча более чем через десятилетие, негаданная и уже нежданная.

Самым большим сюрпризом для Котелкова и всех участников операции было появление среди этих ярых «поднимателей восстания» генерала в советской форме. Женщины так и ахнули, увидев торчащую из шитого золотом воротника наглую рожу.

— Вот так генерал! — заулыбался и Котелков. Он подошел вплотную к диверсанту, предполагая, что это и есть главный руководитель всей опустившейся из поднебесья разношерстной бандитской стаи.

Но что это?! Улыбка на лице Котелкова сменилась удивлением, потом яростью:

— Так вот ты где, Семен Ежеловатов!

«Генерал», моргая белесыми ресницами, повернул лицо и смотрел так, будто к кому-то другому, а не к нему была обращена ярость Котелкова.

— Ах, подлец! — И Котелков рванул за генеральский мундир. Из него веером посыпались листовки и пачки советских денег.

— Обыскать!

К «генералу» бросились солдаты и, сорвав с его плеч мундир, стали выкладывать на кем-то в спешке расстеленный платок содержимое. Мундир оказался словно нафарширован всевозможными шпионскими принадлежностями. Кроме «валтера» с тремя запасными обоймами к нему из тайных кармашков в рукавах солдаты из-

влекли четыре плоские алюминиевые ампулы с ядом, за подкладкой мундира в матерчатых мешочках были листовки, в карманах — печати, различные бланки, документы и деньги, много советских денег.

А Котелков стоял возле раздетого до белья «генерала» и, глядя на него, не мог сдержать негодования:

— Вот где ты, бандит, нашел пристанище! Знал бы я тогда...

В канун уборки хлебов урожая 1931 года, первого колхозного урожая страны, во многих селах проходили бурные собрания крестьян.

В селе Ключи Базарнокарабулакского района собрание было назначено в жаркий июньский полдень. Об этом заблаговременно оповестили все село. И пришли на собрание все.

— Приближается жатва, граждане-товарищи колхозники, — торжественно начал вступительную речь председатель. — Для нас это особая жатва. Теперь мы с вами будто одним кушаком повязаны: друг за друга, за все хозяйство в ответе. Потому и посоветоваться в аккурат. Как будем собирать хлебушко? Как будем молотить?..

В последние слова председателя ворвался тревожный перезвон колоколов: били в набат.

Язык набата... Издревле на Руси призывный глас колоколов заставлял людей бросать все дела, даже самые важные, и спешить на помочь терпящим бедствие.

Звуки набата в Ключах взметнули всех со своих мест. Люди, выбежав из сельсовета на улицу, увидели в страхе: в знойном безветрии полыхал хозяйственный двор трех колхозов села. И все знали, что на том дворе в тесных, только что наспех отстроенных конюшнях под соломенными крышами двести лошадей — главное их богатство. От сельсовета, где проходило собрание, до конюшен — два километра. Люди бежали, не пере-

водя дыхания. Бежали туда, где творилось страшное несчастье.

— Ох, родненькие мои, там же Лыска моя! Кормилица наша!.. Ох, Лыска!.. Сколько лет верно служила... Ироды окаянные!.. Тьма бы вас забрала вместе с колхозом!.. — задыхаясь в беге, причитала одна из пожилых женщин, тяжко шлепая черными босыми ногами по пыли. А на руках у нее, обезумев от страха, голосил маленький ребенок, и еще второй, пятигодок, бежал со слезами на глазах, ухватившись за материнский подол.

Несмотря на отчаянную схватку с бушевавшим огнем, во время которой многие из колхозников получили серьезные ожоги, было спасено всего тридцать две лошади. Часть погибла в огне, еще больше остались живыми с лопнувшими от огня глазами и потрескавшейся кожей. Этих бьющихся в муках лошадей колхозники со слезами на глазах пристреливали, зарядив жаканами дробовики.

К вечеру в Ключи прибыли оперативный уполномоченный ОГПУ Котелков и следователь районной прокуратуры Чурсин. Не останавливаясь у сельсовета, прибывшие свернули к месту только что отбушевавшего пожара.

Здесь еще дымились головешки, стоял густой смрад горелого мяса, а вымазанные сажей и в обгоревшей одежде люди доставали забившегося под уцелевшие ясли угоревшего жеребенка. Возле остатков плетня, который еще в полдень надежно ограждал двор, плакали женщины.

Следователь Чурсин, сойдя с телеги, было уж начал опрос свидетелей, но его остановил Котелков:

— Погоди! Потом! Пока светло, давай осмотрим сначала место происшествия.

Осмотрели все, что осталось от пожара, и местность вокруг, но ничего наводящего на след не нашли.

— Думаю все-таки, что это поджог, — сказал Иван Зотович.

— Разве тут найдешь что-либо, все сокрыл проклятый пожар! — сокрушался Чурсин.

— Не может быть, — задумчиво возразил Котелков. Он вспоминал в эту минуту слова одного из своих учительей: «В истории не было случая, когда бы преступник не оставил хотя бы маленького следа. Найти его — это, конечно, задача. Верь, что след врага есть, — убеждал Котелкова опытный чекист, его первый наставник, — и ты обязательно обнаружишь его».

— Тогда что ж, утро вечера мудренее? — предложил Чурсин.

— Установить караул на ночь! — дал распоряжение Иван Зотович прибывшим помощникам из милиции. — И никого к пожарищу не подпускать!

Далеко за полночь состоявшийся со многими жителями села разговор тоже ничего не дал — ни единой запечатки, за которую бы можно было ухватиться следствию. Даже предположений каких-либо никто из свидетелей не мог высказать: так это подействовало ошеломляющее на жителей села.

Уже на рассвете, укладываясь на сельсоветских столовах, дабы чуточку отдохнуть, Котелков подумал вслух:

— А что? Я людям верю. Они действительно ничего не знают... Выходит — чужак?.. А? Ты спиши, Чурсин?

— Но ведь пришельца никто не видел, ни до пожара, ни после, — зевая возразил чекисту следователь.

— Это был очень хитрый пришелец. И знаяший местные дела, если среди бела дня сумел совершить такое рисковое дело. Не так ли?

— Не знаю, я больше склоняюсь к тому, что это хорошо замаскировавшийся враг из местных.

— Все может быть... Отложим до утра.

Но и утро не принесло успеха поиску.

Повторный тщательный осмотр пожарища и террито-

рии вокруг него снова не дал результата. Котелков, раздосадованный полной неудачей, отпустил всех своих помощников обедать и остался один.

— Сам подежурю, — угрюмо сказал он им. А хотелось в который раз, но уже наедине проанализировать все события, связанные со случившимся. Сейчас был как раз тот момент дня, когда началось собрание. Как бы ставя себя на место преступника, хотя его и коробило от этой мысли, Котелков решил продумать детально, проиграть в уме, как мог действовать поджигатель в сложившейся ситуации, с какой стороны подходил, каким образом поджигал, куда бежал после. Точно в полдень Котелков вновь обошел пожарище, вникая в каждую казавшуюся подозрительной мелочь. Но все было тщетно.

Усталый и раздосадованный, он остановился возле остатков плетня. Да, есть отчего задуматься — несколько тысяч десятин колхозных хлебов надо было убрать за несколько недель. И теперь в селе вместо тридцати жаток выйдет на поля только пять... А перевозка? И помощи ждать неоткуда: всюду колхозы еще не окрепли, и каждая лошадь была на вес золота. Но главная беда была все-таки в другом. Ведь еще такой неокрепшей была вера крестьян в эти хозяйства, а тут — на тебе! И черные слухи уже побежали от деревни к деревне, от района к району. «Вота они, колхозы, к чему ведут!.. Так бы пожар обездолил одного крестьянина, а теперь все село потеряло кормильцев, осиротили людей!» И находились такие, кто верил в эту «логику».

Расчет врага был прост: когда у человека большое несчастье, легче склонить его на свою сторону.

— Вот почему я обязан найти этих мерзавцев, — словно убеждал самого себя Иван Котелков. — Разыскать и тех, кто поджигает, и тех, кто злонамеренно клевещет на Советскую власть, стремясь ковырнуть ее ножом в самое сердце.

— Понимаешь, Чурсин, ведь это не просто уголовное преступление, — продолжая свои размышления, сказал Котелков подошедшему следователю. — Это подрыв политики партии. Идет жестокая борьба за новую жизнь на селе. А кто победит, будет зависеть и от нашего с тобой поиска.

— Понимать-то я это понимаю, меня агитировать нечего, да только следов-то никаких нет.

— Стало быть, пойдем к людям. Социальным исследованием займемся, если на ссык нас не хватило. Только давай сначала обсудим планы. Присядем вот здесь.

Нагибаясь, чтобы присесть, Иван Зотович обратил внимание на свежесрубленную палку, которая была засунута между прутьями плетня, словно специально. Ее нелегко было заметить потому, что только в одном месте белел свежий срез. Котелков наклонился, потянул.

— Смотри, поддается! — удивился он и вытянул из плетня свою находку.

— Откуда она взялась? — спросил Чурсин.

— А бес ее знает, сам удивляюсь. На всякий случай давай прихватим с собой, может быть, и пригодится. А теперь пойдем к людям, начнем опрос.

— Давай-ка потрясем конюхов, — сказал Чурсин. — Не их ли это работа? Нашелся один такой, поджег и попал на собрание.

— Конюхов мы опросим. Только мне думается... — Котелков сделал паузу, — зря обижать людей не надо. По тем данным, что мы имеем, все они люди наши, надежные, из батраков и бедняков, есть бывшие красногвардейцы, дети у некоторых — комсомольцы.

— Что же ты предлагаешь?

— Давай соберем их всех вместе. На беседу... Сначала не допрос, а беседа. А там видно будет...

Встревоженные, еще под впечатлением огромной утраты, угрюмо входили в сельсовет люди. Беседа проте-

кала уныло. И уже под конец, будто вспомнив, Котелков внес из сеней ивовую палку и спросил:

— Чья это?

Конюхи встали, сгрудились возле, начали озабоченно осматривать палку, а Котелков и Чурсин следили за выражением их лиц.

— Ива... — прошептал кто-то.

— Плакучая ива, — подтвердил Котелков.

— Ваша? — Чурсин уставился взглядом в прошептавшего слово «ива».

— Что ты, мил человек, когда мне было за ивой-то ходить?! — и пояснил: — Ива у нас растет только на Волге.

Это подтвердили все. Когда конюхов отпустили, обратились за разъяснением к председателю сельсовета.

— Ивы у нас днем с огнем не сыщешь, — был уверенный ответ председателя. — Это только на Волге. На Волге только, — подтвердил он еще раз.

Иван Зотович задумчиво рассматривал свою находку. Так, как будто на ней уже были нанесены невидимой тайнописью имена преступников и их кровавые пути-дороги. Хотя, в общем, часть маршрута и в самом деле уже была начертана на этой палочке: берег Волги — вот он куда вел.

— Выходит, товарищ Чурсин, «гость-то» приехал с Волги?

— Видать, так... Да только бы не ложный след!

— А если ложный, что ты предлагаешь?

— А ничего! Все равно собираясь надо да топать, день-то уж к концу, а мы время теряем.

— Хорошо. Через полчаса выступаем. Проинструктирую только людей.

К Волге двинулись напрямки, к ближайшей Воскресенской пристани — в сорока километрах от Ключей. Шли молча, каждый обдумывал возникшую версию. Чтобы не привлекать особого внимания, вышли пешком,

даже удочки для виду прихватили, спрятав между ними находку.

— Ишь, разгуливают, — горестно попрекали сельчане Котелкова и Чурсина, уходивших из села с удильщиками на плечах. — У людей горе страшное, а им рыбки захотелось!

— Знамо дело — чужое горе...

Только один человек в Ключах, зоркие глаза которого неусыпно следили за каждым шагом следователей, догадывался, что это не просто прогулка.

Часам к шести уже были на пристани. Как раз успели к подошедшему пароходу. Для видимости поговорили с капитаном, потолкались меж людей, приглядывались. Тоже для видимости сдали письмо на почту, а когда пароход ушел и на пристани воцарилась сонная тишина, пошли искать место для рыбалки, а на самом деле — на поиски ивы.

К счастью, ходили недолго.

— Вот она, — возбужденно прошептал Чурсин. Именно прошептал, словно враг был рядом и мог подслушать их. — И свежий след, гляди!

Нетерпеливо в четыре руки приставили недавно срезанный конец к высокому пенечку.

— Точно... — выдохнули оба одновременно, будто с их плеч свалилась огромная тяжесть.

— Не будем загадывать наперед, — первым заговорил Котелков.

— Ясно, что тот, кто срезал иву, шел от Волги. Но как шел? Этого мы пока не знаем: у него могло быть сто дорог, а у нас одна. Но ясно также, что и одна наша и сто дорог врага должны начинаться вот здесь, возле среза плакучей ивы, и заканчиваться в Ключах, около сгоревших конюшен.

— И мы должны пройти все сто дорог, — полушутя, полусерьезно испугался Чурсин.

— Может быть, но прежде по самой людной. Она

же — самая надежная. Надо учитывать тактику врага. Бредущий по тропе незнакомец всегда заметнее, нежели спокойно идущий по оживленному тракту. И тем не менее всегда найдется человек, заметивший чужака. Да еще с таким посошком, — он взглянул на палку.

— А вам в логике не откажешь, Иван Зотович, — одобрительно посмотрел на Котелкова Чурсин.

— Я эту логику, дорогой Коля, не в институтах изучал, я ее от жизни взял, от комиссара Васенкина еще в восемнадцатом. Он учил меня верить людям, идти к ним с открытым сердцем во всех затруднительных случаях.

На самом коротком пути, ведущем к Ключам, было еще одно село и хутор. Но ни в селе, ни в хуторе о человеке с ивойкой палкой никто ничего не мог сказать.

— Были люди, проходили... всякие... Может быть, и этот, кого ищете... Место-то людное, и с пристани народ и к пристани, вот так же, как и вы...

— Однако, Иван Зотович, — невесело улыбнулся Чурсин, — как бы нам с этой палочкой и правда не пришлось все сто дорог отмахать... хорошо, если что... А если даром?

Затемно вернулись в Ключи. Заночевали. Чуть свет Котелкова разбудил доносившийся в открытое окошко перезвон от клепки кос: колхозники готовились к уборке хлеба вручную, косами и серпами.

Котелков и Чурсин снова отправились к Волге — на сей раз уже по другой дороге. Но и второй и третий день не принесли желаемых результатов. В течение этих дней погибло еще несколько лошадей из числа спасенных во время пожара.

На пятый день похода они вошли в маленький хутор, затерявшийся в лесистой местности. Дорога к этому хутору забирала от Ключей вправо.

Молодая еще женщина в холщовой юбке развешивала по плетню возле накренившейся избы выстиранное

белье. За ней, мешаясь под ногами, уцепившись за подол, неуверенно топал ножонками мальчонка в длинной до пят рубахе. Рядом на мураве пасся теленок.

Подошли и к ней и, не ожидая услышать, что-либо ценное, в сотый раз задали один и тот же вопрос.

— С этой палкой? — переспросила молодуха. — Кабы видела... — Женщина вздохнула. — А ежели и видела... — она задумчиво посмотрела на Котелкова и Чурсина, как бы проверяя, кому она собирается, в случае чего, доверить свою тайну.

— Нам он очень нужен, очень, — просительно улыбнулся ей Чурсин.

— Хм. Им он нужен... А может, он и мне нужен! Ви- дела, заходил, с этой самой палкой... Думала навсегда, а его через час уж и след простила.

— Кого?

— Да подлеца моего, от кого вот он! — женщина сердито кивнула на мальчонку. И вдруг, всхлипнув, закрыла лицо руками. — Подлец был, подлецом и остался! — Полные губы ее задрожали, голос сорвался на крик: — Пошто вы ко мне привязались! Все вы одним миром мазаны, копейки разменные! — И молодка, заливаясь слезами, ушла в избу, таша за собой малыша.

Котелков и Чурсин, добрый час прождав понапрасну у закрытой двери, вернулись в село.

А вечером в Ключах состоялось совещание активистов:

— Преступник, по-видимому, из Ключей, — сказал Котелков. — Вы должны помочь следствию. Задача состоит в том, чтобы негласным опросом выяснить, кто из мужиков имел в близких и дальних селах и хуторах ухажорок, кто оставил их, оставив невенчанными с детьми на руках?

Задав таким образом работу своим помощникам, Котелков и Чурсин снова двинулись к Волге, на сей раз в хутор, к уже известной читателью женщине. Но, к удив-

лению следователей, изба оказалась заколоченной снаружи. Куда девалась хозяйка с дитем и теленком, никто не знал. Не оказалось ее дома и в последующие дни.

А тем временем в портфель следствия поступали посельски юмористические описания «подвигов» местных «донжуанов».

После получения этих сведений, казавшихся исполнителям ненужным делом, Котелков о каждом из попавших в «черный список» наводил новые справки, продолжая дальнейшие расспросы местных жителей.

Чурсин тем временем вел розыск исчезнувшей из приволжского хутора бабенки с малышом.

— Пока мы располагаем только одной версией: преступник из местных «донжуанов» находится в бегах, должно быть, кулак, — хмуро сказал Котелков. — Как мы упустили эту бабенку — простить себе не могу. Хоть допросили бы ее толком.

— Сказывают, один из местных богатеев, Ежеловатов Семен, нажил одно дите в Карабулаке, еще одно где-то на хуторе, — робко доложил председатель.

Котелков переглянулся с Чурсиным.

— Но за последние полгода его в наших краях никто и не видел, — еще неуверенное добавил председатель.

— Но где-то он должен быть, — заметил Котелков.

Председатель был тихим, с мягким характером, совестливым человеком из крестьян. О людях он судил очень осторожно, хотя знал их хорошо. На вопрос Котелкова, где может быть сейчас Ежеловатов, председатель ответил:

— В Саратове, где же еще... Сродичи у него там... Скрывается... Сюда глаз не кажет: кабы на Соловки не угодить.

Рядом с фамилией Семена Ежеловатова стояло еще три, хозяева которых находились неизвестно где.

— Знаешь, Иван Зотович, когда я учился в институте, — Чурсин в пику Котелкову подчеркнул это, — наш

профессор тоже не уставал повторять, что умный преступник прячется там, где больше людей. Быть может, и остальные в Саратове.

— Пожалуй, ты прав, — улыбнулся следователю Котелков. — Отправимся в Саратов. А вас, товарищ председатель, просим: об этом никому. И еще: наблюдение с Ключей не снято, и вы, пожалуйста, помогайте нашим людям. Комсомольцев на ночное дежурство надо бы еще добавить.

— Будет сделано!

От пристани Воскресенская до Саратова шли на колесном теплоходике.

Волга, задумчивая и величавая, плыла навстречу радостью и грустью, зноем и прохладой, птицами и рыбой — жизнью. В те дни еще не был снят фильм «Волга-Волга», в котором Орлова поет полюбившуюся всей России песню об этой могучей красавице реке. И Чурсин, у которого голос был удивительно чистым и звонким, разнообразил поездку песнями. На верхней палубе, быстро расположив к себе попутчиков, он пел с ними о Стеньке Разине и его челнах, о царевне, которая где-то, по легенде, до сих пор водит на волжском дне хороводы русалок, о нелегкой бурлацкой доле.

О деле почти не говорили. И не только потому, что кругом были люди и трудно было оставаться наедине, а скорее потому, что каждый из них уже значительно устал в этом пока бесплодном поиске, и нужен был отдых голове. А рядом была Волга, любимая с детства.

После нескольких дней поиска, который велся с помощью работников областного управления ОГПУ, разыскиваемый «донжуан» наконец был обнаружен на глухой окраине Саратова. Вместе с ним задержали и бабенку с далекого хутора.

Когда Семену Ежеловатову предъявили обвинение в поджоге, он был ошеломлен.

— Навет! Навет! — бушевал он. — Я не женился на

ней, вот в чем все дело, — и он жестом указал на сожительницу. — А кто виноват, — напористо продолжал Ежеловатов свой монолог. — Мне ли жениться, когда я теперь голь перекатная, зачем плодить нищих!..

— Да, Сенечка, да, — угодливо поддакивала испуганная женщина. — Это я, я на него наговорила! — возбужденно выкрикивала она следователям. — Не шел он той дорогой, не шел!

— Придется тогда до окончания следствия арестовать вас обоих, — тихо произнес Котелков.

— Не имеете права! Я — гражданин! — возмущенно повысил голос Ежеловатов.

— Какой ты гражданин, — не удержался Чурсин, — ты беглый кулак!

— Ложь, я сейчас батрак. Я и у отца батраком был...

Но затаенная злоба, которая временами проскальзывала во взгляде Ежеловатова, его нахально-напористое отстаивание прав гражданства и в то же время бравадой подавляемый страх, а также поведение его спутницы подсказывали следователям, что Ежеловатов причастен к преступлению.

Через неделю следственная комиссия вместе с Ежеловатовым и той женщиной снова шагала одной из «старых» от волжских берегов, от той самой ивы до Ключей. Когда на этой дороге Семена с ивой палкой наконец опознали свидетели, Ежеловатову не оставалось другого выхода, как признаться:

— Поджог совершил я. Мстил!

— Кому мстил?

— Всем! Всему селу! Советам!

— Разве может один человек мстить всему коллективу, обществу?

Семен молчал. Котелков задумчиво перекатывал по столу карандаш:

— Поджог-то вы совершили сами, но не может быть, чтобы у вас не было единомышленников. Кто-то вас под-

был на это дело, кто-то руководил вашими действиями.

Ежеловатов, надеясь, что его «чистосердчное» признание явится смягчающим вину обстоятельством, назвал имя материого врага Советской власти, скрывающегося в Саратове.

В ходе следствия возникла необходимость доставить Ежеловатова и его сообщника в Ключи. Нужно было привести опознание их сельчанами.

В Ключи прибыли к ночи. Преступников вместе с конвоем расположили в здании сельсовета. Котелков с Чурсиным расположились на ночлег в доме председателя.

...Разбудил Котелкова перезвон колоколов на деревенской колокольне. Снова били в набат. Как это часто бывает, спросонку бросился к окну и, не увидев нигде зловещего зарева пожара, быстро оделся и выбежал на улицу.

В темноте отовсюду бежали люди. Котелков побежал вместе с ними к сельсовету. Тревожно забилось сердце, когда увидел толпу, ломившуюся в сельсоветскую дверь. Люди, прознав о поджигателях, решили отомстить им за страшную обиду.

К своему удивлению, у самой двери Котелков увидел следователя Чурсина и председателя сельсовета. Охрипшими голосами они пытались успокоить разъяренных людей:

— Граждане, это же против закона!

— Убить их, гадов!

Военная форма и властный окрик Котелкова подействовали на многих отрезвляюще. Оперативного уполномоченного ОГПУ люди уважали. Воцарилась минутная тишина. Котелкова удивило то, что и в самом сельсовете было тихо. Где конвой? Предчувствуя недоброе, он застучал рукояткой нагана в дверь:

— Сериков, открой!

Ответом было молчание.

— Сериков! Спишь, дьявол, что ли?! Открой! — повелительно закричал Котелков. — Это я!

Сельсовет молчал, а толпа совсем поприутихла в тревожном недоумении.

— Ну-ка, товарищи, кто потяжелее, подойдите вдвое, — распорядился Иван Зотович. — Вышибить дверь надо.

Когда взломали дверь и засветили фонарь, Котелков не поверил своим глазам: оба милиционера лежали посреди комнаты убитые. А за перегородкой из столов и стульев, тоже мертвый, — один из преступников. Не было только Семена Ежеловатова. Он бежал с помощью сообщника, который был у него в Ключах. Бежал через окно, прихватив с собой два милицейских револьвера. Бежал, совершив еще три убийства. Это случилось июльской ночью 1931 года.

Теперь же, летом 1943 года, этот преступник вдруг вынырнул в составе фашистского десанта на освобожденной от гитлеровцев земле Украины.

Так по прошествии двенадцати лет снова сошлись пути кулацкого поджигателя и убийцы Семена Ежеловатова и бедняцкого сына — чекиста Ивана Котелкова.

— Теперь мы с тобой поговорим... по-свойски, — нахмая на последнем слове, вполголоса сказал Котелков. И от этого тихого «по-свойски» «генерал»-бандит Ежеловатов весь съежился, понял: пришел неминуемый конец.

Поединок

Самым трудным после гражданской войны годом в Лопатинском районе, как и во всей Саратовщине, оказался тысяча девятьсот тридцать второй. Колхозы были еще неокрепшие, а тут нагрянула засуха и неурожай. Люди, как и во многих местах, голодали, умирали.

Но жизнь есть жизнь. Она не могла остановиться даже в это, очень трудное время: бригадир колхоза имени Энгельса из села Верхозим Александр Купцов собирался уезжать в Саратов на курсы председателей колхозов.

Наступили теплые весенние дни.

— Ну, доченьки, уже апрель, весна, скоро травка пойдет, теперь-то вы у меня уж не умрете, — говорил он двум крохотным девочкам на прощание.

Александр уехал, а поздним вечером к Купцовым тихо постучали:

— Слыши, Михеич, отвори! Отвори!..

— Кого это нелегкая так поздно носит, — засуетился за дверью старик, отец Александра Купцова. — Мы уже спим!

— Алексашка тут... сын... велел записочку передать... Встретились в дороге... Он в город поехал...

— Да кто же это? — недоумевали за дверью.

— Ужо и не узнаешь? Арбузова забыл, да? Как из села твой Алексашка выгнал, дак и ты не узнаешь? А ведь сколько лет я для тебя уважаемым человеком был... А? Михеич? И для Алексашки. Вот он тебе и записочку велел передать... Встретились по дороге: он в город поехал.

Скрипнул засов, и трое, что стояли за темной дверью Купцовых, ударом растворили дверь с такой силой, что старик Купцов грохнулся на пол.

А через двое суток после отъезда из села Александра Купцова к председателю сельсовета прибежала взволнованная соседка Купцовых:

— Слыши, председатель... Купцовых-то уже как второй день не выходят с избы... Второй день... Даже жутко...

— Может, угорели? — заволновался тоже и председатель.

— Не знаю, не знаю... Несчастье, верно.

Когда председатель с колхозниками пришли на место, изба Купцовых оказалась залита кровью. Трупы жены Купцова, матери, отца и двух маленьких девочек лежали изуродованные по углам...

— Топором изрубали, бандиты, — и председатель горько выругался.

Районный уполномоченный ОГПУ Иван Котелков и начальник милиции Лопатинского района Михаил Макашин прискакали в Верхозим незамедлительно.

Вскоре туда же прибыли прокурор и врач. Когда был составлен акт о месте преступления, Котелков, следуя своему правилу, начал опрашивать население.

Разные были суждения по поводу убийства, но председатель сельсовета все эти мнения обобщил одной фразой:

— Кулаки это: больно насолил им Купцов...

Кулацкие отруба были за селом на лучших землях. Некоторые из них в погоне «за земелькой» даже изб настоящих не срубили: ютились в землянках, сгребая деньги в кучу в ожидании лучших времен. Теперь их раскулачили, а комендантом для соблюдения порядка и охраны отобранного добра был назначен один из раскулаченных — Дмитрий Дроздов.

Никто не знал, что Дмитрий, сменивший в период нэпа рукоять револьвера на соху, приехал сюда по заданию.

В Лопатинском районе лишь один Котелков знал, кто такой «мироед-Митька». Виделись они только во время официальных встреч: при раскулачивании, скажем, при обысках и изъятии налогов, которые «прижимистый» Митька платил неаккуратно.

Котелков допрашивал хуторских по одному. Наедине «допрашивал» и Митьку. Он-то и сообщил:

— Наверняка Анисим Арбузов... Что-то они с друж-

ками той почью все башю топили... Мылись... Пьянствовали... Черт их разберет.

— Черт-то разберет или нет, а нам с тобой приказано разобраться, и немедля.

— Ясное дело.

— В числе других и тебя возьму в понятые.

В бане Арбузова нашли лапти с крапинками крови. Еле заметные крапинки, неопытный человек и не заметил бы, но Котелков обратил внимание. Обнаружили застиранную кровь и на портках холщовых, брошенных тут же среди хлама в бане. Нашли и два топора со следами крови.

Когда все эти улики были предъявлены Арбузову и его дружкам, те, увидев, наверное, безнадежность отрицательств, сознались в совершенном злодеянии.

Апрель на Саратовщине всегда по-весеннему бурный, но той весной он был особенным.

После многоснежной зимы, когда пригрело солнце и потекли весенние ручьи, целые реки талой воды заполнили долины и буераки. По тем временам тот, кого захватит бурное половодье в степи, мог и погибнуть, настигнутый мутным ледяным потоком или отрезанный водой на образовавшемся островке.

В такую самую тревожную пору по саратовской степи из Верхозима и двинулся конвой.

Троих кулаков, погубивших семью колхозного активиста Купцова, сопровождали начальник милиции Михаил Макашин с тремя милиционерами. Вместе с конвоем в Лопатино возвращалась и вся следственная группа во главе с районным оперуполномоченным ОГПУ Иваном Котелковым. Двигались с большим трудом, преодолевая не только холодную степную хлябь, но и целые талые речки...

А половодье все усиливалось. Шли мокрые, усталые.

Даже кони, до седел обмерзшие льдом, дрожали от усталости и холода.

Уже прошли более половины расстояния, когда на пути их встала разлившаяся речка. Она грозно шумела перед огорченными путниками. Все остановились в перешительности. Куски льда неслись вместе с быстрой бурлящей водой, хотя у кромки берегов еще стоял припай. Никто не решался идти первым, тем более преступники, которым хотя и нечего было терять, но и спешить было ни к чему.

Тогда к Котелкову подъехал Макашин и прошептал:

— Тебе, начальник, решать, как быть нам далее, но я, откровенно говоря, боюсь лезть в эту преисподнюю. А потом, учти и то, если мы сгибнем, то и преступники разбегутся. А?

Котелков ничего не ответил: его мысли были о другом. Он думал о том, с каким нетерпением в партийных комитетах — районном, окружном и областном, в управлении ОГПУ и редакции газеты ожидают материалов следствия, которые он везет с собой.

Это было тревожное время. Страна наша испытывала упорное сопротивление внутренних классовых врагов, а тут еще голод, нагрянувший как внезапное и неотвратимое бедствие.

Подлое убийство целой семьи колхозного активиста Купцова, когда не пощадили ни стариков, ни малых детей, даже по тем трудным временам было верхом жестокости классового врага.

Это убийство всколыхнуло весь край, и материалы следствия, которые вез Котелков, спрятав их в нагрудном кармане с партбилетом рядом, должны были как можно оперативнее разоблачить врага, показать политическую подоплеку убийства, мобилизовать на борьбу с классовым врагом новые силы. Поэтому каждый час был очень дорог для Котелкова. И он молча тронул шенкелями своего Зайсана. Но конь, подойдя к воде, остановился,

— Зайсан, вперед! — Котелков снова пришпорил коня. Но Зайсан не тронулся с места.

Котелков крикнул: «Вперед!» — и ударил лошадь плетью. Но конь не шел. Снова посыпались удары плети, но все было безрезультатно.

Зайсан был не из трусливых коней. Это Котелков знал, и поведение лошади было для Котелкова предостережением.

Стоит ли рисковать? Может быть, действительно прав Макашин, и не нужно сейчас торопиться? Переждать несколько дней, пока не схлынет вода?..

«Но нет! — Котелков даже тряхнул головой. — Пакет ждут, и его обязательно нужно доставить как можно быстрее».

Он соскочил с седла и, ступив на залитый водой ледяной припай, потянул Зайсана за повод, решив войти в воду впереди коня. Но тут же мелькнула мысль: «А как же пакет?» Еще в Верхозиме Котелков, предвидя дожди, оклеил пакет тройным слоем плотной бумаги, но где гарантия, что она не размокнет в воде?

Иван Зотович сошел с припая, снова сел на коня и выбрал на берегу новое место, уже очистившееся ото льда.

Зайсан, на этот раз подчинившись хозяину, ступил в бурлящий поток.

На стремнине их понесло вниз. В нескольких местах конь, чувствуя грунт, пытался остановиться, но ему мешало течение, толкали глыбы льда, и он дважды чуть не свалился на бок вместе со всадником.

А навстречу однокому всаднику, решившемуся на поединок со стихией, уже бежали местные крестьяне из села. Но Котелков этого не видел: высокий берег скрывал бегущих к нему на помощь.

Зайсан выбился из сил, и Котелков, не ожидая последней минуты, которая могла стать трагической для обоих, не выпуская из рук поводьев, вновь сполз с лошади в кипящую круговерть и пошел рядом с Зайсаном.

Вот когда он поблагодарил родную реку Волгу, выработавшую у него силу мускулов и умение противостоять коварству стихии.

Увлеченный примером человека, воспрянул и Зайсан и более активно стал продвигаться вперед.

Но у берега, где было очень глубоко, снова оказался ледяной припай, и Зайсан никак не мог одолеть это невероятно скользкое препятствие.

Тогда на припай первым взобрался Котелков. Зайсан, следя за хозяином, стал на задние ноги, но передним копытом зацепился за шинель Котелкова. И тот, не выпуская поводий, нырнул под лед с головой...

Не успел Котелков выбраться на твердь, как Зайсан снова зацепил его копытами за шинель, и Котелков вторично нырнул в ледяную жижу. Мелькнула мысль: «Все... Утопит Зайсан». Но тут же услышал отчаянное с берега, рядом:

— Держи и-и! — и мимо просвистел конец веревки. Подбежавшие крестьяне пришли на помощь.

Наконец конь и всадник были в безопасности. В первую минуту Котелков, нахлебавшийся ледяной воды, никак не мог отдохнуться, но потом, прия в себя, закричал:

— Пакет! Скорее! Пакет! Здесь! — и важные бумаги из мокрой шинели Котелкова перекочевали в сухую одежду подбежавших людей.

Поддерживая за руки, Котелкова заставили во всем своем мокром обмундировании бежать к деревне...

За хозяином дрожащей рысцой трусил и Зайсан.

— Коня ты, Григор, погоняй хорошенько, чтобы согрелся, и поставь в свою конюшню, — распорядился председатель сельсовета. — Да накройте потеплее. И ноги! Ноги разотрите!.. — Зайсана увели.

— А вас, товарищ, прошу в баню.

Минуло добрых два часа, пока Иван Зотович смог снова отправиться в путь.

А преступников Макашин вернул до лучших времен в Верхозим, на отсидку. Благо, что и караула как раз хватало на три смены.

Чей выстрел!

Выстрел прозвучал, как глухой удар в оконную раму. И лишь когда с жалобным стоном упала на пол и умолкла балалайка, внезапно угас и веселый хоровод пляски.

Комсомольский секретарь Петр Курбанов упал на руки друзей покорный и безмолвный: смерть была мгновенной.

А за полночь к секретарю Базарнокарабулакского райкома партии Матвееву был вызван исполняющий обязанности райуполномоченного ОГПУ Иван Котелков.

— Час назад в Шняеве убили секретаря комсомольской организации Петра Курбанова. Через окно. Наповал. Так что езжай, брат... И пайди этих подлецов обязательно!.. Ведь в Шняеве у нас парторганизации нет, ты это знаешь...

— Знаю, — подтвердил Котелков.

— А вот комсомольцы у нас там боевые. Убийство их вожака мы рассматриваем как политический террор. Ясно?

— Ясно. Сделаем все возможное!

Через час Иван Котелков вместе со следователем Николаем Морозовым были в пути.

Октябрь холодный и мглистый, грязища — лошадям по брюхо. Но долг есть долг. И вот тридцать пять километров холодной, надоедливой и труднопроходимой хляби остались позади. Начало светать, когда наконец Котелков и Морозов, мокрые, грязные и озябшие, появились в Шняеве.

— Целую ночь глаз не смыкали, — встретил их председатель сельсовета.

Котелков и Морозов промолчали.

Но председатель, обрадованный скорым приездом следователей, спешил выговориться:

— Такой парень... Такой помощник. Мастак на все руки был: что слово людям молвить, что в деле себя показать. В минувшем году, как на первую колхозную молтобу идти, стал он, значит, к скирде. Дак, вы знаете, старики скирдоправы нахвались не могли. Научился в наймитах... — вздохнул председатель.

— Комсомольская организация-то большая у вас?

— А то как же! За Петрушей молодые — в огонь и в воду. Да что молодые! — махнул горько рукой председатель. — Со стариками мог целые вечера говорить. Бывало, не отступится от человека, пока не добьется от него понятия... душевного то есть. А что уж эти самые вечеринки, дак попы Петруше за них уже не раз анафему пели. Он и па этих самых танцульках умел говорить с народом. И пример показать что в танцах, что в музыке. Молодые, знаете, они умелые в энтих делах... Да...

Петр Курбанов лежал на лавке в доме, где его настигла предательская пуля. Одинокая лампадка, что поблескивала у ветхого образа Николая-угодника, бросала грустные тени на красивое и мужественное лицо Петра.

Расспросив у двух комсомольцев, дежуривших возле убитого, о подробностях убийства, Котелков осмотрел тело и понял, что пуля осталась внутри.

— Давай, Николай, звони Матвееву — пусть присыпает доктора: без медицинского заключения нам не обойтись... Предупреди: предстоит вскрытие.

Котелкову нужно было знать, из какого оружия убит комсомольский активист. С этим вещественным доказательством легче будет искать убийцу. Но главную надежду на успех поисков Котелков возлагал, конечно, не на пулю.

Пока Морозов ходил в сельсовет и разговаривал по телефону с секретарем райкома партии, Котелков начал опрос свидетелей.

Хозяйка дома, где была комсомольская вечеринка, ничего определенного сказать не могла.

— Была на полатях... Услышала глухой удар в окно... В испуге закричала...

Младший брат Петра Гриша Курбанов бегал по избам, приглашая к следователю участников вчерашней вечеринки, а Котелков занялся осмотром места преступления.

Следы на улице и у дома под окном оказались смытыми дождем, и только в стекле зияло круглое отверстие от пули. Котелков еще несколько раз обошел дом и в задумчивости остановился у окна.

«Немного, совсем немного улик оставил преступник... Все предусмотрел негодяй: выбрал такую непогоду. Что же остается теперь следствию? Только пуля? Но чья она? Откуда пришел и где прячется убийца? — размышлял Котелков. — Надо идти к людям. Люди — вот кто поможет тебе! Твои единомышленники, активисты Советской власти. Только они помогут в этом сложном деле...»

В сопровождении председателя сельсовета Иван Зотович вышел на улицу, огляделся. Невдалеке возвышалась будка пожарного депо, а на вышке маячила фигура. «Видимо, для порядка поставили по случаю приезда начальства», — подумал Котелков, но все же проверил свою мысль:

— А что у вас, пожарные постоянно дежурят?..

— Да, дежурят! — гордо ответил председатель. — Мы до морозов дежурим, а там, как вода замерзнет, все равно нечем тушить, хоть вся деревня гори... Едва на щи воды хватает.

— Это хорошо, — сказал Иван Зотович, размышляя о своем.

— Хорошо, да не дюже, — обиделся председатель. —

Всю зиму топка из соломы да хвороста — что порохом топим, того и гляди по миру все пойдем. — Только тут до Котелкова дошел смысл председательской обиды.

— Нет-нет, что вы! Это я говорю «хорошо», что дежурят.

— А-а...

— И почью у вас пожарный дежурит?

— Обязательно!

— Это хорошо! Вот что, товарищ председатель, вас там, видимо, люди в сельсовете ждут?..

— Знамо дело...

— Тогда идите, а я похожу по селу, пока врач приедет.

После ухода председателя Иван Зотович разговорился со стариком пожарным. Начал разговор о том о сем, об урожае, пожарах. Но старику вскоре надоела эта игра в кошки-мышки. Он, солидно кашлянув в рукав видавшего виды зипуна, сказал:

— Ты тут мне, мил человек, зубы не заговаривай... Оба мы служивые, так неча тут по пустякам...

— А ведь твоя правда, — согласился Котелков. — Разговор у меня к тебе служебный.

— То-то! По делу убиенного хочешь спросить? Изволь... Видел... Бежал после выстрела... Точно кто, не приметил... Смахивал, подлец, тут на однаво... На Адамку. Может, знаешь?.. Эттово. — Старик почесал затылок, припоминая какие-нибудь приметы. — На Адамку, словом!

— Ну, спасибо!

— Зачем спасибо?.. Служба!

— Опять ты прав, отец.

— То-то...

Когда в сельский Совет вызвали Адамку, он, словно удивленный до крайности, заплетающимся от ночной по-пойки языком, заикаясь, несвязно забормотал:

— Чаво?.. Дак в миня т-тоже шандарахнули!.. Я как

раз по-проходил по улице... Слышу: м-музыка. Вдруг как шандарахнет! Возле дома... Я б-бежать, а он энтой и по мне как шандарахнет!.. Мине аж д-душа в пятки... Энтой, чтоб без свидетелей... Верно? Я б-бежать. Он еще — как шандарахнет!

— Так сколько же раз стреляли?

— Два... три... три!

«Но ведь старик пожарный не был пьян и держал ухō остро — он подтверждает, что был только один выстрел,— подумал Котелков. — Как же теперь?»

Улучив минутку, Иван Зотович шепнул председателю:

— Ты его пока посади в кутузку, за пьянку.

Адамке же он мирно объявил:

— Ну, брат, пропрэзвись, тогда, как вспомнишь, сколько выстрелов было, поговорим,

И Котелков, оставив оторопевшего Адамку в сельсовете, поспешил снова к пожарному:

— Адамка говорит: точно, он бежал, но ведь он от выстрела бегал... В него самого тоже стреляли...

Пожарник-дед в свою очередь был разобижен недоверием начальника из района. Он сердито отвернулся:

— Выстрел был один!.. Я тебе сказал, а там, как хошь, верь не верь...

Уловив настроение старика, Котелков отшутился:

— Ты извини, отец, по молодости все приходится переспрашивать.

— Один! Мое тебе слово!

Пока в Шняеве тянулись все эти спросы-переспросы, приехал врач-эксперт. Но вскрытие трупа убитого ничего не дало: пулю не нашли.

— С похоронами воздержаться! — распорядился Котелков. — И снова пошел к людям наводить справки об Адамке.

Выяснил, что Адамка — раскулаченный, пьяница и паразит: живет за счет дружков и любовниц.

Однако улик его причастности к убийству пока не было найдено.

Что касается количества выстрелов, то среди жителей Шиляева нашлись и другие свидетели, которые усомнились, «было их два или три...» «Дальше в лес — больше дров» — мрачно повторял Котелков.

— Выпустим к черту этого Адамку, пока вытрезвиловку не разнес, — нервничал помощник Котелкова.

— Нельзя, Морозов!

— Но ведь уже четверо свидетельствуют, что был не один выстрел!

— Быть может... Быть может... — спокойно возразил Иван Зотович. — Но нас интересует только один выстрел... В окно этого дома, где убили Петра Курбанова... А потом... Откуда у тебя такое доверие к этим четверым, а вдруг они собутыльники или даже единомышленники Адамки?.. И хотят толкнуть следствие на ложный путь?.. Продолжай лучше допрос. — А проторезвившийся Адамка, чуя, что следствие пока не сдвинулось с места, повел себя совсем нагло.

— Невинного человека хватают на улице, арестовывают... — кричал он на допросе. — По какому праву? Разве так Советская власть поступает? Это бандитизм!

Котелков молча глотал эти Адамкины пилюли: ведь содержал-то он его под стражей за что? За «пьяный дебош»...

Адамка это раскусил раньше времени и теперь поносил и Котелкова и Советскую власть на чем свет стоит.

— Отпустим его к дьяволу, — снова предложил Морозов, когда к обеду закончил очередной допрос Адамки.

— Опять ничего нового?

— Как две капли воды, все показания на одну мерку.

— Вот разбойник!

— А вы что, все еще верите в версию того дедуси-пожарного?..

— Слышишь, Морозов, я уже не знаю, во что верить, ес-

ли мы третий раз режем этого погибшего парня и не можем найти пулю... Ведь ясно же, что они не унесли ее... Или врач скрыл?..

— Ну, так, знаешь, мы и друг друга подозревать начнем.

— Ну вот, значит, наберись терпения, Морозов, и допрашивай его еще. Подбери новые вопросы, новые ситуации.

— Сколько же можно, Иван Зотович?..

— Пойми, Николай, я чувствую: он замешан в убийстве... Но главное — люди подтверждают... Не один старик пожарный. Комсомольцы тоже. Но многие еще боятся идти в открытую против него. А отвечать за этот арест буду я сам.

Адамка же становился все агрессивнее и наглее.

Николай Морозов ранним утром начинал допрашивать Адамку и заканчивал допрос только к обеду. А Котелков все ходил по хатам, все о Пётре, комсомольском секретаре, высматривал.

— Насолил он кулакам... — неопределенно повторялись ответы.

— Раскулачку, почитай, комсомол делал... Партийных у нас нет.

— Колгоспы эти самые — тоже комсомол...

— Да только у меня этот Петька раз с десять побывал: «Дядя Аким, — бывало, говорит, — зачем вы за патриархат держитесь?.. Несознательный, — говорит, — вы элемент»... И давай мне про Ленина, про мировую революцию, про чудеса жизни, которые будут... Заслушаешься парня и забудешь все на свете. Умел! А окончит, бывало, говорить — и снова землю под собой чувствуешь. Она ведь словно горит под ногами... Своя! Ведь и десяти лет не минуло, как ее долгожданную получили... И снова отдай? А что взамен?.. Даже страшно было слушать... И обидно... До слез обидно... Какой-то молокосос консомол

Петрушка уразумел тот қолхоз, а я, как и при царе, дураком остался. Ох, какая обида!..

«Да, у Петрушки было немало врагов, — подумал Котелков, слушая откровения крестьян.— Несомненно, Адамка один из злейших... Но...»

А врач-эксперт в присутствии понятых, местного коно-вала и бабки шептухи готовился начать новое вскрытие, но Котелков не стал ждать его последствий и на пятый день отправил в район арестованного Адамку и уехал сам.

А на другой день приехал врач — он привез пулю. Оказалось, что она, ударившись о кость тазобедренного сустава, изменила направление и прошла в черепную ко-робку. Именно это и было причиной мгновенной смерти комсомольского секретаря Петра Курбанова. Пуля оказа-лась из револьвера «Смит и Вессон».

С этой уликой против убийц Котелков снова вернулся в Шняево. Но револьвера «Смит и Вессон» ни у кого из предполагаемых владельцев оружия не было обнаруже-но. Адамку же Котелков приказал больше не беспокоить, но за ним в районной камере предварительного заключе-ния был установлен строгий надзор: ничто не уходило от внимания охраны.

И вот по истечении недели Котелков в виде слухов до-вел до Адамки, что пуля, убившая комсомольского акти-виста, найдена и что она выпущена из револьвера «Смит и Вессон».

Этот слух заметно вззволновал Адамку, а вскоре в ру-ки Котелкова попало письмо, написанное по-мордовски: «Гошка, — писал Адамка, — достань игрушку и вы-кинь в колодец...»

Котелков, когда был сделан русский перевод письма, подчеркнул это место красной чертой и двинулся в Шня-ево.

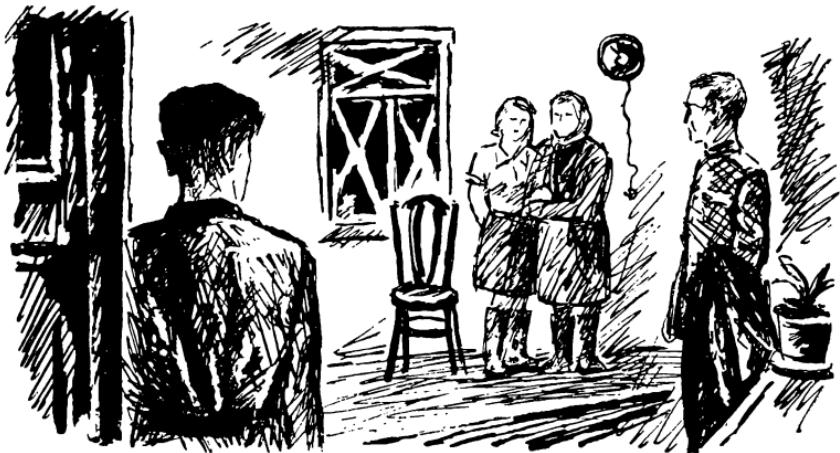
Когда напуганному племяннику Адамки, Гошке, предъявили обвинение в соучастии в убийстве и показали

к тому же письмо дяди и... пулю, Гошка вынужден был отдать «игрушку», что была спрятана под застежкой их избы, — револьвер «Смит и Вессон», в обойме которого не хватало пятой пули.

После того как было успешно закончено расследование убийства комсомольского секретаря Петра Курбанова, состоялись специальные собрания партийных и комсомольских ячеек в селах района и совещание партийно-комсомольского актива в райкоме партии, были проведены собрания колхозников и учащейся молодежи. На них шла речь о мужестве комсомольского вожака Петра Курбанова, о его партийной принципиальности и самопожертвовании в продолжавшейся классовой борьбе.

Погибший Петр Курбанов продолжал сражаться. Знамя его борьбы поднял и передал другим молодой чекист Иван Котелков.

Виктор Андреев
КРАХ ЛЕГЕНДЫ

1

Когда дежурный доложил, что пришел генерал Плетнев, подполковник Васильев, удивившись, переспросил:

— Начальник училища?

— Так точно! — подтвердил дежурный.

Что-то случилось. Генерал мог позвонить по телефону или попросить прийти к нему, или, наконец, вызвать оперуполномоченного — то есть поступить так, как поступал всегда, когда у него возникали вопросы, требующие согласования или консультации. Но генерал пришел сам. Что-то случилось...

— Просите.

Васильев встал навстречу Плетневу, хотел произнести обычное «здравия желаю», но генерал, молча подав

руку и прихрамывая на раненую ногу, прошел к креслу, стоявшему возле приставного столика, сел. Оглядывая кабинет, в котором он оказался впервые, достал портсигар, предложил папиросу Васильеву и закурил сам.

— Вы еще не покидаете нас? — спросил Васильев, устраиваясь не на свое место за большим письменным столом, а напротив Плетнева, за приставным столиком. И, сев так, он увидел близко от себя усталое и нервное лицо генерала. — Вы, кажется, снова проситесь на фронт?..

— Да, рапорт послал. Два! А вот ответа нет...

— Наверное, не дошли до него руки, — высказал предположение Васильев. — Таких просьб много. А кому кадры готовить?

Плетнев внимательно посмотрел на подполковника и сказал тихо, но с болью:

— А может, потому не отвечают, что доверия нет ко мне?

— Что вы? Какие причины? — удивился Васильев.

Плетнев ответил не сразу.

— Есть они, эти причины, подполковник. И вы, как мне думается, знаете о них...

— Что случилось? — теперь уже прямо спросил Васильев.

— Случилось не сегодня. Давно хотел к вам прийти сказать... Мой сын Дмитрий вернулся с фронта после тяжелого ранения и контузии. Он горел в танке... Вы знаете, что это такое, и, наверное, видели сына. Лицо в шрамах... И с памятью плохо у него. Инвалид.

— Сочувствую, Григорий Иванович. — Васильев впервые назвал генерала по имени и отчеству, словно разделяя с ним его боль: он, действительно, видел Дмитрия... — Но что же делать, война! Главное, что живым вернулся...

— Да, но я не уверен... Я теряю уверенность, что это наш сын...

— Вы хотите сказать, что к вам пришел... — начал было подполковник, но Плетнев перебил его:

— Не знаю... Это — он и не он.

— Не похож? — спросил Васильев и тут же почувствовал, что спросил неудачно. — Он не помнит прошлого?.. Не знает родственников, знакомых?..

— Помнит, правда, не все. И родственников знает, вел с ними переписку из госпиталя... Но нет в нем нашей души!.. Будто чужой человек.

— Григорий Иванович, нужны факты, вызывающие у вас сомнения... Я, например, знаю, что ваш сын очень живо рассказывал рабочим о первых боях на границе. Значит, память есть!

— Жена говорит, что у таких больных, — а Дмитрия она считает больным, — одни события выпадают из памяти, другие, наоборот, закрепляются. Она врач, понимает...

— Вот видите! — воскликнул Васильев. — А как она сама относится к сыну?

— Он вернулся, и это для нее главное! Принимает его таким как есть. И оправдывает...

— А Ольга, невеста его?..

Плетнев взглянул на Васильева и отвел взгляд.

— У нее не возникает сомнений?

— Кажется, что она прячет их, не выдает...

— Не люблю я этого слова «кажется», — сказал Васильев и встал. — Григорий Иванович, придется написать о том, что вы рассказали. Только как можно подробнее, с фактами. Не возражаете?..

— Если это необходимо...

— Да, необходимо.

Генерал встал, протянул руку и вдруг спросил:

— Если мои сомнения подтвердятся, то что же тогда произошло с сыном?..

— Будем разбираться, товарищ генерал, — ответил Васильев.

К числу дел, которыми занимался подполковник, добавилось еще одно, он дал ему название «Сын». Редкая неделя не проходила без того, чтобы Васильев не открывал папку, добавляя добытые сведения, справки, объяснения, копии запросов и ответы на них. Понадобилось много времени, чтобы прояснить судьбы людей, вовлеченных в эти драматические события.

А начиналось все так...

2

Путь, который пришлось проделать генералу Плетневу от полевого госпиталя до Москвы на автомашинах, самолетах, поездом, показался ему самым тяжелым из всех выпавших на его долю, хотя он, этот путь, уже не нес никаких опасностей, не требовал ответственности ни за судьбы солдат и офицеров, ни за себя лично. Этот путь вел его, генерал-майора танковых войск, с войны в то время, когда по этому же пути, только в обратную сторону, двигались к передовым позициям люди и машины, двигались на войну.

Нашивки на кителе о ранениях — двух легких и одном тяжелом, планки боевых наград, заключение врачей могли оправдать этот путь в тыл, могли, но не оправдывали. Он, командир танковой дивизии, слишком рано сошел с поля боя, сошел в то время, когда многое понял, многому научился и обрел тот опыт, который позволял воевать уже по-другому.

Он со своей дивизией защищал Львов и Киев. В Киеве оставалась его семья: жена и мать. Он не знал ничего об их судьбе, о судьбе сына, накануне войны откомандированного в Брест после окончания танкового училища. Уже находясь в госпитале, стал получать письма от жены. Клавдия Павловна писала из Саратова, куда была эвакуирована с ранеными. О себе, о работе в госпитале, о матери в письмах всегда было несколько строчек:

«Здоровы, не беспокойся». А вот о Дмитрии. «Дима не пишет, куда ранен, — сообщала Клавдия Павловна. — Но должен скоро приехать. Мы ждем его с нетерпением и страхом. По тому, как он пишет и что пишет, можно догадываться, что у него плохо с памятью, что он плохо видит. Наверное, у него контузия и ранения в голову. Он не писал нам долго, потому что не знал, где мы, а потом, узнав наш адрес через управление кадров, ждал, как его «заштопают» (это его словцо) и что из этого выйдет. Я хотела поехать к нему, но он запротестовал и написал, что скоро приедет сам. Что бы там ни было, он жив, и это — главное».

По несколько раз Плетнев перечитывал письмо жены, наполняясь радостью и болью одновременно.

— Живой Димка! — шептал он про себя. — Живой! Но как мы, два инвалида, явимся домой?..

В Москве, сойдя с поезда на Белорусском вокзале, с чемоданчиком в руке и вещмешком за плечами, он пошел по улице Горького на Тверской бульвар, где жили его знакомые — Глинские. Москва, так празднично выглядевшая прежде, теперь была суровой и сдержанной. По улицам неслись грузовики с покрытыми зеленым брезентом кузовами, шли бойцы с винтовками на ремне, гулко ступая по асфальту. У магазинов стояли очереди. Падал мокрый снег и сразу таял под ногами. Идти было трудно, боль в колене усилилась, но Плетнев не сбавлял шага и, опираясь на палку, старался меньше хромать.

Из письма жены Плетнев знал, что его встретит Ангелина Виссарионовна, оставшаяся в доме одна, но когда ему открыла закутанная в платок пожилая женщина с выбившимися седыми прядями волос, он едва узнал в ней свою давнишнюю знакомую, всегда обаятельную и элегантную. И она, в свою очередь, изумилась переменам в Плетневе.

— Григорий Иванович, неужели ты?.. — Обняла, поцеловала в щеку и, взяв за руку, потащила в гостиную. —

Идем, идем, посмотри, кто у меня!.. — Глаза у нее сияли.

В гостиной сидел в кресле перед столом военный без знаков различия. Он повернул голову, и Плетнев увидел его лицо в шрамах, со следами ожогов.

«Горел в танке», — подумал Плетнев и перевел взгляд на Ангелину Виссарионовну, словно спрашивая, кто это.

— Да что же вы! Григорий Иванович, это же Дима!.. Дмитрий, не узнаешь отца?

Фронтовик шагнул навстречу, протянул руки.

— Отец!

— Дмитрий?! — Плетнев не поверил своим глазам.— Постой, я не узнаю тебя! Кажется, был темнее...

— Да, немудрено. Опалили... И штопали меня, не очень-то заботясь о косметике.

Ангелина Виссарионовна всплеснула руками.

— Вы оба с ума сошли! С радости, что ли? Обнимитесь же наконец!..

Дмитрий подошел первый.

Уже за столом Ангелина Виссарионовна рассказывала:

— Я тоже поначалу не узнала Дмитрия. Даже испугалась. А он: «Вы Ангелина Виссарионовна?» — «Я», — отвечаю. «Здравствуйте! Я Дмитрий, сын генерала Плетнева!» Так официально. Глазам своим не поверила, я ведь знала его мальчишкой. А тут мужчина, и следы ранения, конечно... Я так рада, что вы встретились у меня. Ведь мы вас похоронили, обоих...

Плетнев смотрел на Дмитрия, стараясь не выдать вдруг закипевшей на сердце боли.

3

Агафья Андреевна будто растеряла по очередям все свои болезни. Узнав о приезде сына и孙ка, она целые дни ходила по магазинам, разузнавала, где что дают и

чем будут отоваривать карточки. На рынке меняла мыло на муку, продала платье невестки, на вырученные деньги купила десяток яблок, кочан капусты, морскую рыбину, названия которой не могли выговорить ни продавец, ни она. И в тот день, когда ожидался приезд гостей, испекла пирог, такой, как некогда пекла в Киеве.

В этот день раньше обычного пришла Клавдия Павловна с Оленькой.

— Не приехали? — спросили обе враз, будто сговорились.

— Как видите... А вы чего двое суток глаз не кажете? — набросилась на них Андреевна, вглядываясь в осунувшееся лицо невестки и не поддающееся тяготам молодое лицо Ольги.

— Эшелон раненых пришел... Разгружали, сортировали... Были срочные операции, — проговорила Клавдия Павловна, снимая китель и устало садясь на диван.

— А у нас, на батарее, боевую готовность не снимали в эти дни. Фрицев ждали! — бойко проговорила, будто отрапортовала, Оленька, по-мужски одергивая гимнастерку, тесноватую на груди. — А сегодня за меня дежурят. Чудачки! Говорят: «Не встретишь Димку, не появляйся...» — И ужетише, поглядывая на суровую Клавдию Павловну, свою будущую свекровь, и бабушку, продолжала: — У нас, на батарее, твой друг от друга нет. И я про Диму рассказала. Девчата тоже загорелись — ждут! — И вдруг, в упор глядя на Клавдию Павловну, спросила: — А вы узнали голос Димы, когда по телефону говорили?

— Узнала... А вот отец, увидев его, не узнал...

— Неужели? — Оленька будто испугалась.

— Ожоги у него. На лице...

— А глаза?

— Будет вам! Глаза, ожоги... — возмутилась Агафья Андреевна.

В передней раздался звонок. Еще раз!.. Так всегда

звонил Григорий. Андреевна бросилась открывать, за ней — Оленька, а Клавдия Павловна осталась сидеть на диване, чувствуя, что не может подняться. Слышно было, как открылась дверь, прозвучали шаги. Вскрикнула Оленька:

— Григорий Иванович!..

Потом — мать:

— Гришенька!..

Клавдия Павловна ожидала услышать родной голос Дмитрия, но голоса смешались со звуками шагов, в комнату первым вошел Плетнев, в полевой форме, с палкой в руке, за ним — Оленька, потом Агафья Андреевна и, наконец, кто-то незнакомый, чужой.

— Здравствуй, мать! — произнес Плетnev, глядя на Клавдию Павловну. — Встречай фронтовиков, мужа и сына!..

«Кто-то чужой» был их сыном — никого другого больше не было.

Дмитрий продолжал оставаться позади всех, не бросился к матери, как ждала она, и сама она не находила в себе сил встать и подойти к нему.

— Дима, что с тобой сделали! — наконец воскликнула она, ужаснувшись шрамам на его лице, и заплакала. Она знала, что ей не следовало говорить это, как не следовало плакать, но сдержаться не могла.

— Крепись, Клавдюша! — услышала она голос мужа и почувствовала ободряющее прикосновение его руки.

— Ну, ну, мама!.. Не надо... Видишь, пришел живой.. — Это были уже его слова, Дмитрия. Они словно придали ей сил. Клавдия Павловна отняла руки от лица, обняла Дмитрия, почувствовав колючесть его бороды и запах давно нестиранной гимнастерки.

Ей дали выплакаться. Успокоившись и взяв себя в руки, она уже могла смотреть на покрытое шрамами лицо сына, попросила мужа пройтись по комнате, чтобы

увидеть, велика ли его хромота, потом, подойдя к сыну, уже как хирург осмотрела, где и как накладывали швы, как они срослись, и осталась недовольна.

— Да, штопали не очень-то аккуратно, — согласился Дмитрий. — Да и времени для такой заботы, наверно, не было.

— Дима, что же ты Оленьке ничего не скажешь? — вдруг вспомнила Агафья Андреевна. — Гляди, стоит ни жива ни мертва...

Дмитрий подошел к Оленьке, протянул руку.

— Вот ты какая стала! — сказал он. — Не узнать в форме. А меня узнала?.. — И не ожидая ответа, Дмитрий отошел, сказал всем:

— Поздравьте отца: назначен начальником училища.

— Да, тыловая крыса. Надеюсь, что временно, — сказал Плетнев.

— А я отвоевался. По чистой... — Дмитрий подошел к вещмешкам, которые он внес в комнату, стал вынимать продукты.

Андреевна заставила всех вымыть руки, усадила за стол. Торжественно принесла пирог.

— Мой любимый! — воскликнул Дмитрий. — С капустой и рыбой! Такой в Киеве пекли!

— Для тебя постаралась, — призналась Андреевна. — Правда, до киевского далеко...

Клавдия Павловна не спускала глаз с сына, отмечая про себя то, что появилось в нем непривычного для нее, чужого.

— Как же ты мог не писать столько времени? — удивилась она. — Знал же, что мы переживаем... Отец ранен, в госпитале, от тебя нет вестей. Что мы только не передумали!

— Бабушка даже гадала, — добавила Оленька. — Выходило на картах: казенный дом, на сердце бубновая дама...

— Все правильно! — подхватил Дмитрий. — Лежал в госпитале, думал о тебе, Оленька...

— Надо было сразу написать, и я бы приехала, увезла в свой госпиталь, — сказала Клавдия Павловна.

— Этого я и не хотел...

Вошла, постучав в дверь, хозяйка дома, где они жили на квартире, Мария Ступина. Окинула взглядом всех, воскликнула:

— С приездом!.. А где же Дима?

— Я и есть Дима, — торопливо ответил Дмитрий. — А вы Мария Петровна? Здравствуйте!

— А я ждала молоденького! Ну, здравствуйте!

— Война всем прибавила годков, молодым и старым, — сказала Андреевна и пригласила Машу к столу.

Но спокойно посидеть не удалось. Захрипел репрдуктор: объявили воздушную тревогу.

Оленька вскочила, торопливо простились.

— Мне на батарею нужно! Я завтра приеду... — И убежала, на ходу надевая пилотку.

— А мы что сидим? — воскликнула Мария. — Скорее в подвал! Неровен час... и завалит!

Ушла и Мария. А Плетневы остались за столом, прислушиваясь к нарастающему гулу самолетов.

— Немцы... — произнес Плетнев с гримасой боли.

Начала палить зенитная батарея, задрожали стекла в окнах...

4

В часы налетов на город, особенно в ночное время, когда немецкие самолеты вначале сбрасывали на парашютах осветительные ракеты, заливающие мертвенным светом реку, набережную, крекинг- завод, подполковник Васильев вглядывался в черноту осеннего неба, по которой шарили, скрещиваясь, прожектора, по тревоге выезжал с курсантами на тушение пожаров на нефтяной

базе, проверял надежность маскировки дымами железнодорожного моста через Волгу. Но для Васильева существовал и другой, невидимый враг — немецкая разведка. Он знал, что на территории области уже были выловлены двенадцать агентов-парашютистов, доставленных с Харьковского, Смоленского и других аэродромов. Все они имели задания проводить шпионскую, диверсионную, террористическую деятельность. Один из них, Бадков, вступивший в фашистскую организацию «Боевой союз русских националистов», обучался в немецкой разведшколе в местечке Яблонь (близ Люблина), принимал участие в карательных операциях против партизан, стал агентом разведоргана с кодовым называнием «предприятие Цеппелин». Все это не могло не беспокоить Васильева.

В особый отдел приходили ориентировки о заброшенных агентах немецкой разведки: пропагандистах, диверсантах, шпионах, прошедших специальную обработку и подготовку. Немецкая разведка вербовала поспешно, наивно веря в силу подписок, которые отбирались от запущенных или скомпрометированных людей, морально неустойчивых, трусов, уголовников, националистов.

Среди агентов были и особо опасные элементы, заброшенные на длительное оседание. Розыск и разоблачение их требовали профессиональной последовательности, квалифицированных мероприятий, методической настойчивости.

Позже будет подсчитано, что около двухсот органов немецкой разведки вели подрывную работу против нашей страны, занималось подготовкой и заброской агентуры в тыл, в войска.

Многие агенты, обучившиеся в разведшколах, не знали о том, что их имена уже известны советским чекистам, что они уже значатся и в делах особого отдела. Васильев, читая ориентировки, знал, что это результаты труда его товарищей по оружию, которые, рискуя своей

жизнью, спасают жизни тысяч людей, обеспечивают безопасность Родины.

Закончится война, о них будут написаны десятки книг, поставлены кинофильмы, спектакли, их именами будет гордиться народ. Но пока шла война, тайный фронт бережно сохранял имена героев-чекистов.

Подполковник Васильев не причислял себя к ним, даже не ставил рядом. Он знал, что ему хотя и трудно, но он не ходил «по лезвию бритвы», как ходили его товарищи в тылу врага. Он просто честно делал свое дело, веря в победу и ненавидя врагов, заботясь о чистоте войск, которые он обслуживал, оберегая солдат и офицеров от происков немецкой разведки.

5

Работа в училище захватила генерала Плетнева. Три батальона курсантов, две офицерские роты на переподготовке, танковый батальон обеспечения, учебный отдел, хозяйствственный взвод требовали повседневного внимания. Среди преподавателей почти не было фронтовиков, а изучение боевого опыта становилось главным в подготовке танкистов. Плетнев посещал занятия по тактике, выезжал на стрельбы и убеждался все более и более, что училищу необходимы преподаватели с боевым опытом. Он писал об этом в управление кадров, в округ, но, видимо, не так просто было снимать командиров с боевых подразделений и посыпать в училище, в тыл.

Одно время зародилась мысль предложить сыну работу лаборантом в огневом цикле, но он быстро отказался от нее: ранения были типичными и могли отпугивать молодых курсантов от танка. А танк, который изучало училище, оставался тем же — Т-26, со слабой броней. На фронте уже хорошо зарекомендовали себя «тридцатьчетверки» и новый танк ИС — тяжелый, с мощной броней. Плетнев добивался поставки этих танков в учили-

ще. И скоро они пришли — три «тридцатьчетверки» с ремонтной базы, два ИС — новые, из завода. И новый заместитель — полковник Белкин приехал из округа сразу после госпиталя. Взглянув ему в лицо, Плетнев облегченно вздохнул: оно было чистым.

— Куда ранило? — спросил Плетнев.

— В грудь. Двух ребер нет...

— Ну, там не видно, — проговорил Плетнев, а Белкин не понял, к чему это сказано, и вопросительно посмотрел на генерала.

— У меня сына разрисовали. Лицо... — буркнул Плетнев. — Ну, я рад, что вы приехали...

Дмитрий пока не работал, но интересовался жизнью в училище, со слов Плетнева знал и о поступлении танков, и о приезде полковника Белкина.

Ольга, когда ее отпускали в увольнение, приходила и рассказывала о своих зенитчиках, о налетах. Плетневу казалось, что отношения между Ольгой и Дмитрием могли быть теплее, но он не хотел их сближения, хотя в Киеве он уже считал Ольгу невесткой.

Со своей стороны, и Ольга удивлялась тому, как изменился Дмитрий. Он стал грубым, забывчивым, раздражительным. Он не мог смотреть ей в глаза, как прежде, да и она не искала его взглядов.

— Тебя коробит от моих шрамов, — сказал Дмитрий однажды, как бы оправдываясь сам и обвиняя Ольгу.

— Меня не коробит, и я привыкаю, — твердо сказала она, показывая ему фотокарточку из альбома. — Вот это ты. Узнаешь?

— Два года и четыре месяца...

Ольга обрадовалась.

— Помнишь!

— Не всегда и не все, — признался он. — Бывают такие провалы в памяти, что... — Он не договорил, махнул рукой. — А как удалось сохранить альбом?

— Когда нам сказали, что мы можем взять только по

чемодану, я выбросила из него платья и положила на дно этот альбомище. Агафья Андреевна увидела его уже в поезде...

— Когда я получил карточки, догадался, что они из альбома. Вся палата разглядывала их. Мне завидовали, что ты — красавая.

— И письма мои читали?

— Да. У меня глаза были забинтованы... А потом не мог отказать: их уже ждали. Не у всех были невесты, и не все невесты писали.

— Я столько глупостей насочиняла... — Ольга даже покраснела.

— Их и не хватало нам.

— А как ты узнал, что мы в Саратове? — спросила Ольга. Она старалась меньше задавать вопросов Дмитрию, потому что он раздражался, когда что-нибудь забывал или не знал, что ответить.

— Написал в управление кадров, тетке в Москву...

— Почему не сразу, как оказался в госпитале?

— Я уже говорил... Не хотел, чтобы узнали о таком... Потом решился...

Дмитрий перевернул лист альбома, указал Ольге на фотографию во весь лист. — А это мы с тобой. Помнишь, когда?

— Еще бы! В день выпуска из училища! Ты — в новой форме, сияешь. Я — в белом платьице, рот до ушей. Будто и меня произвели в лейтенанты!

— А вот мчимся по Днепру на катере...

— Потом мы сидели на берегу и поклялись быть вместе, — подхватила Олеся. — В тот день ты назвал меня...

— Невестой.

— Не-ет. — Олеся рассмеялась. — Вспомни!

Дмитрий нахмурился, отошел.

— Видишь, опять вон из головы...

— Мотыльком!..

— Да, да! — Дмитрий нахмурился. — А я забыл. Но ты изменилась, Ольга! Ничего от прежнего Мотылька.

— А ты?.. У тебя даже волосы были темнее и вились. И глаза...

— Продолжай! Было два!..

— Дмитрий! Не надо. Я тоже не похожа на наивную девчонку с косичками, ты прав. Белое платье, наверное, какой-нибудь фриц отоспал невесте, если оно не сгорело. Теперь я ношу форму. Девчонки говорят, в форме мы похожи на зеленых гусениц. Пусть! Но гусеницы ведут огонь по немецким самолетам. Знаешь, у меня не проходит боль в плече...

— Да, мы другими стали. Скажи, ты не узнала меня, когда увидела?

— Не узнала, — призналась Ольга. — Я подумала, что ты — товарищ Димы. А Дима еще за дверью... Я ждала тебя каким-то другим... Правда, иной раз меня охватывал страх: а вдруг без рук?.. Я приходила в отчаяние, ревела, но возвращалась к одному: лишь бы живой! Я знала: ты способен на подвиг. Помнишь, как-то раз мы читали Толстого, ту главу, где описана гибель Пети Ростова?.. Ты представлялся мне таким же самоотверженным, как Петя Ростов. Я и боялась за тебя и гордилась тобой. А когда пришло первое письмо от тебя из госпиталя, и я увидела неровный, незнакомый почерк, и прочла много слов, чужих и странных, — я ревела, ревела... Но все же ты был жив, и это было для меня все!..

— За меня писали... — оправдался Дмитрий.

Он прошелся по комнате, сцепив руки, потом бросился в кресло, закрыв ладонями лицо.

— Да, я не тот Димка. Не тот... И это надо понять, иметь мужество смотреть правде в глаза. Правде такой, какая она сегодня! И отец, как и ты, не понимает этого. Он тоже хочет видеть меня другим, прежним...

— Он страдает...

— От его страданий рубцы с моего лица не сойдут и голова не просветлеет.

— Почему ты все время говоришь о своем лице? Будто оно — все!.. А сердце, чувства?.. Образ мыслей?.. Наше прошлое?.. — Ольга вскочила, отошла к окну, плачущую вздрагивали. — Мы же... любили друг друга! Это же было! Было!..

Вошли Плетнев, Клавдия Павловна, дед Ольги — Максим Петрович Семенов.

— Дима, читай! — воскликнула Клавдия Павловна, протягивая ему газету. — Вот здесь! — И она указала на статью под заголовком, отпечатанным крупным шрифтом, с фотографией.

Дмитрий взял газету, прежде всего посмотрел на фотографию, потом на Олю:

— Ты?

— Она, она! Да читай же! — торопила Клавдия Павловна, радостная, оживленная.

— Подвиг зенитчицы, — прочел Дмитрий, но читать ему не дали.

— Оленька немецкий самолет сбила!

— Над мостом!

— Понимаешь, Дмитрий, — самолет!

Говорили все разом, вбежала Андреевна, обняла Оленьку.

— Защитница ты наша! Верные твои рученьки, зоркие глазиньки...

— Как всегда, никому ни слова! — Семенов крутил головой. — Из газеты узнали. Ну внучка!..

Семья Плетневых и Семеновых связывала давняя дружба. Когда-то Максим Петрович был командиром эскадрона 1-й Конной армии, в котором Плетнев служил рядовым конником. Когда закончилась гражданская война, Семенов пошел на завод, а Плетнев — на военные курсы. Жизнь складывалась по-разному, но дружба не прекращалась. Почти в одно и то же время

Семенов и семья Плетнева эвакуировались в Саратов: Семенов с заводом, Клавдия Павловна — с госпиталем.

Когда Григорий Иванович тоже приехал в Саратов, друзья стали встречаться чаще. Семенов же и помог Дмитрию устроиться начальником охраны на заводе, где он работал. Однажды генерал обратился к Максиму Петровичу с просьбой помочь в трудоустройстве еще одному бывшему фронтовику — Ступину, мужу женщины, у которой семья Плетневых, приехав в Саратов, остановилась на квартире. Его только что демобилизовали после освобождения из плена.

Семенов согласился поговорить со Ступиным. Встреча произошла на квартире Плетневых. Были все в сбое: генерал, его жена, Дмитрий и Ольга, когда в комнату вошла Мария Ступина с незнакомым мужчиной. Он поклонился всем и по-солдатски приветствовал Плетнева:

— Здравия желаю, товарищ генерал!

Марию с мужем усадили за стол. Максим Петрович, помня просьбу Плетнева устроить мужа Марии на завод, подсел к Ступину, спросил, где он воевал, как угодил в плен и как вырвался из лагеря, но Ступин, отвечая однозначно и как бы нехотя, все время смотрел на Дмитрия.

— Это — сын генерала? — тихо спросил он у Максима Петровича.

— Да, сын.

— Дмитрий Плетnev?

— У него один сын...

Ступин встал, отодвинув от себя стул и подошел к Дмитрию. Мария испуганно вскрикнула:

— Петя, ты что?

— Постой, постой... Что-то не разберу, — как бы про себя проговорил Ступин, не спуская взгляда с Дмитрия. — Ты или не ты?.. А?..

— Я вас не знаю, — ответил Дмитрий, отворачиваясь от Ступина.

— Ступин я! Петр!

— Впервые слышу...

— Что за оказия! — Ступин обратился к генералу: — Вы генерал Плетнев?

— Да!

— Из Киева?

— Из Киева.

— И это ваш сын?

— Мой! Но что за вопросы, товарищ Ступин? — спросил Плетнев и встал из-за стола. И другие тоже встали, глядя на Ступина и Дмитрия.

— Дмитрий, неужели не узнаешь?.. Ступин я! Петр! 3025!.. Ну, вспомнил? — наступал Ступин.

— Вы знаете моего сына? — удивился Плетнев.

— Как же! Я с ним в одном шталаге был!

— В каком таком шталаге?! — возмутился Семенов.

— Вы ошибаетесь! Я не был с вами... Понимаете, не был! — сказал Дмитрий, бледнея. — Не был! И вас не знаю!

Мария схватила мужа за руку.

— Петя, ты обознался!

— Вы сказали: в шталаге? — спросил Плетnev, обращаясь к Ступину.

— В плену у немцев! В шталаге № 236! Разве вы не знаете? — Ступин оглядел всех. — Разве Дмитрий не говорил вам?

— Мой сын в плену не был! — возразил генерал. — Вы принимаете его за кого-то другого!

— Дмитрий лежал в госпитале! — задыхаясь, проговорила Клавдия Павловна.

— У него же — ранения! — вставила Олеся.

— Я не знаю вас, не знаю, — повторял Дмитрий, едва владея собой. — И ни в каком шталаге не был.

Ступин отошел от Дмитрия, приблизился к Плетнё-

ву, будто только от него одного ожидая понимания.

— Товарищ генерал, я не знаю, почему ваш сын не признает меня. А я с ним в плену находился! В штаб-аге 236. Сначала он бежал, а потом мне удалось вырваться. Ваш сын — герой, товарищ генерал! Таким гордиться надо! Мария мне твердит: Плетнев, Плетнев, а мне невдомек. А то бы я сразу прибежал... Наша совесть с Дмитрием чиста! Скрывать нам нечего... Били его, истязали его в лагере... На расстрел уводили, а он унтершарфюрера убил и бежал!.. Я знаю, кто вашего сына предал, знаю! И все расскажу! Дмитрий в подпольном комитете состоял, листовки писал! Его комиссаром звали!.. Комиссаром!..

Пока говорил Ступин, никто не двинулся с места, не проронил ни слова. Все глядели на Дмитрия, Андреевна смахивала слезы, Ольга кусала губы.

— Дмитрий, что же ты?! Скажи им! — будто приказал Ступин.

Дмитрий молча подошел к Ступину, обнял.

— Слава богу, признал! Разве Петя скажет зря?! — обрадовалась Мария.

— Дмитрий, что это значит? — строго спросил Плетнев. — Ты был в плену?..

— Да... Я не сказал вам... Не мог, — проговорил Дмитрий, опустив голову.

— Не сказал? — удивился Ступин. — Почему?.. У нас же совесть чиста! Скрывать нечего!

— Не мог я... Виноват... Да и кто поверил бы мне, одному? Для тех, кто не был там, плен — позор, измена. Это так, если бежать с поля боя...

— Но мы не бежали! Не сдались! Тебя из танка вытащили без сознания.

— Не хотел добавлять страданий, — продолжал Дмитрий. — И без того всем горько. Знаю, не легко видеть меня таким! И мне не легко было умалчивать!.. Да я жить не хочу!.. Подумать только, сын генера-

ла Плетнева был в плену! Я знаю, что это значит для отца, для матери, для всех вас!

— Но я теперь расскажу, объясню! Двоим нам поверьт! Должны поверить! Есть же у людей сердце!.. Держись, Дмитрий. — Ступин подошел к Дмитрию, положил руку на его плечо. — Держись!..

— Прекратите этот разговор, — попросила Клавдия Павловна, глотая слезы. — Довольно!..

— Все же Дмитрий должен был сказать правду. — Плетnev суроно посмотрел на Дмитрия. — Ты не мог, не имел права умолчать.

Ступин, а за ним и Мария встали.

— Простите, что так вышло, — виновато сказал Ступин перед уходом.

После тяжелой паузы Плетнев спросил, ни на кого не глядя, будто у самого себя:

— Ну, как теперь жить будем?.. Или у нас ничего не случилось?..

Максим Петрович, молчавший до этого, строго посмотрел на Дмитрия.

— Как же все-таки это произошло? Расскажи.

— Как у всех!.. — грубо сказал Дмитрий. — Танк подбили в бою. Горел, истек кровью и потерял сознание. Из танка вытащили не свои, а немцы. Своих уже не было близко. Из плена бежал, при переходе линии фронта свои добавили. Отправили в госпиталь. Остальное знаете, я же писал вам!

— И все? — удивился Плетнев.

— Как бежать-то удалось? — Максим Петрович приспурился, недоверчиво глядя на Дмитрия.

— Так же, как и Ступину! Спросите у него. Мне, наверно, не поверите?..

— Нам нужна правда, — тихо, ни на кого не глядя, сказал Плетнев. — Правда.

— Вы хотите сказать, что я лгу?.. — Дмитрий даже

вскочил, посмотрел на всех злобно и отчужденно. Тогда начните следствие!

— Дмитрий, ты забылся!.. — Максим Петрович тоже встал со стула, нервно заходил по комнате.

— Вы с ним, как с чужим, — промолвила сквозь слезы Ольга. — Нельзя так! Нужно восстановить правду, и все встанет на место.

— Правду?.. Убедить?.. — почти закричал Дмитрий. — Тогда у всех надо спрашивать правду! И я спрошу, где ваша дивизия, товарищ генерал? Где ваши танки? Где люди?.. Разве за них вы не несете ответственности?

— Дмитрий, так нельзя! Замолчи! — запротестовала Клавдия Павловна. — Так говорить с отцом...

— Продолжай, Дмитрий, — будто приказал Плетнев.

— Вы оставляли города, села, — уже кричал Дмитрий. — Взрывали за собой мосты, поджигали поля!.. А я стоял! В огне! В крови!.. И меня бросили! Оставили одного!.. Но успокойтесь, я не помешаю вам продвигаться по службе, получать награды. Я ухожу!.. Такой, как я, вам не нужен...

Дмитрий выбежал из комнаты, хлопнула одна дверь, другая. Ольга бросилась за ним.

— Дима!

— Хороши мы! Все хороши! — Клавдия Павловна сердито посмотрела на мужа, будто ее слова относились только к нему одному.

6

Начальник особого отдела подполковник Васильев хранил папку с материалами проверки на Дмитрия Плетнева в своем сейфе. В деле много было неясного и необычного, и он хотел разобраться сам. Если в беседе с Васильевым Плетnev откровенно говорил о своих сомнениях, то в письменном объяснении был более осторожен. Он писал, что его сын не мог вести себя недостойно

в любых испытаниях. Между тем Дмитрий ушел из дома, поселился на частной квартире. Были сигналы о том, что он интересовался, сколько танков выходит из ремонта в день, в неделю. Его видели на станции, когда проходил воинский эшелон, он разговаривал с солдатами, узнавал, откуда и куда следует эшелон. В то же время с отцом и Семеновым разговоров об училище и ремонтном заводе не вел. А теперь, уволившись с завода, стал работать на товарной станции...

Узнав о прибытии Ступина в город и о том, что они вместе с Дмитрием Плетневым находились в лагере военнопленных, Васильев вызвал Ступина для беседы. Ступин произвел на подполковника хорошее впечатление.

— Мне бы вначале к вам прийти, — говорил он, — спросить совета, как быть, а я сразу Плетневу: «С вашим сыном в плена был!» Ну, тут и пошло!.. Я ведь от радости, что увидел Дмитрия, что он живой и добрался к своим...

— Вы сразу узнали Дмитрия Плетнева? — спросил Васильев.

Ступин развел руками:

— А как не узнать, если такие пометины на лице? Его в лагере многие уважали, потому что фашистов не навидел — страсть! Но доверчив был! Появился у нас в лагере еще один пленный, с виду — точь-в-точь Дмитрий, тоже в ожогах весь. Они с Дмитрием сначала не разлучны были, земляки оказались. А потом этот же Панков и предал Дмитрия.

— Панков? — переспросил Васильев. — Его по фамилии называли?..

— Называли всех по номерам. А фамилию Панкова мне Дмитрий сказал после того, как они адресами обменялись. Перед самым побегом. А то, что Дмитрий бежал, я узнал из приказа. Его по всем баракам передавали.

— Какой приказ?

— О побеге. Бежал из-под расстрела военнопленный

номер 3059, сын советского генерала, Дмитрий Плетнев...

— Фамилия называлась?

— Как же!.. И было сказано, что он убилunterшарфюрера Аппеля и военнопленного 3049. Комендант предлагал всем, кто знает что-либо о побеге, явиться в комендатуру лагеря и дать показания.

— Как же это ему удалось бежать?

Уловив ноту недоверия в вопросе Васильева, Ступин смущился.

— Я сам видел Дмитрия у траншеи, в которой расстреливали людей.

— Уточните, пожалуйста, при каких обстоятельствах это произошло?

— Обстоятельства такие, — начал Ступин. — Однаждыunterшарфюрер Аппель послал меня на вещевой склад сортировать одежду расстрелянных. Выполню это горькое дело, по номерам на куртках вспоминаю людей и про Дмитрия Плетнева думаю. Видел я, как утром Аппель опять взял его на допрос в комендатуру. Немцы допытывались, кто листовки пишет да вывешивает. А у нас, по слухам, организация в лагере была. Говорили, что в ней состоял и Дмитрий Плетнев, его меж собой комиссаром называли...

— Дмитрия Плетнева знали по фамилии? — снова недоверчиво спросил Васильев.

— Называли его, как и всех, — по номерам. А кто он, знал я да этот предатель Панков. Поэтому я называю вам по фамилии... Так вот, раскладывая одежду, а у самого в мыслях — Дмитрий! Думаю, опять изобьют и бросят на нары. И никто не подаст воды обмыть губы. Улучил минутку и — в барак. Гляжу, Дмитрий уже на нарах. Подошел к нему, тронул за плечо. «Живой?» — спрашиваю. «Живой, — отвечает, — да ненадолго. Расстреляют меня. Дознались, кто я, предлагали мундир, чин офицера... Скажи всем, что я не пошел на это...

И еще скажи: 3049 — предатель... Он меня выдал немцам... Сказал, кто я...» Ну, долго быть с ним я не мог, намочил ему тряпицу, подал, а сам ссызнова в склад. В конце дня кладовщик-немец взял меня с собой в машину, и мы поехали к месту расстрела, чтоб одежонку да волосы казненных увезти. Остановились поодаль от траншеи, чтоб не мешать конвою. Тех, кто был ближе к траншее, немцы уже раздели. Смотрю я на шеренгу несчастных, глазами знакомых отыскиваю. Вижу, Дмитрий Плетнев стоит, только еще одетый и почти что в хвосте шеренги. Поднял я руку, будто со лба пот вытираю, а он заметил, кивнул головой: вижу, мол, прощай!.. И вот — команда, овчарки бросились на людей. Эсесовцы автоматами стали сталкивать в ров обреченных, а потом... из пулеметов по их телам...

— Но что же с Дмитрием? — спросил Васильев. О зверствах немцев он знал больше, чем Ступин.

— Нагрузил я машину, и кладовщик-немец велел шоферу ехать, — продолжал Ступин. — Мы тронулись. Я еще раз посмотрел на Дмитрия, — очередь его не дошла, и он был еще далеко от траншеи. А вечером, перед отбоем, немцы передали приказ коменданта о побеге Плетнева. Как ему удалось бежать — не знаю, а сам говорил родным, что ему помогли. Будто антифашист-немец дал ему нож... А после того как объявили приказ, в лагере ни Дмитрий Плетнев, ни Панков, ни Аппель не появлялись...

— А как вы узнали фамилию 3049-го? — осведомился Васильев. — Ведь фамилии в лагере не назывались.

— Когда я приметил, что 3049 что-то выпытывает у Плетнева, я предупредил его, чтобы он с ним был поосторожнее. Не нравился мне 3049-й. Его часто уводил Аппель на допросы...

— Мы с ним земляки, — сказал мне Дмитрий. — Из Киева оба. Он знает, кто я, и себя он назвал. Панков его фамилия, тоже Дмитрий, запомни, если что слу-

чится с нами. Адрес его: Киев, Кладбищенская, семь.

— Как выглядел Панков? — спросил Васильев.

— Говорил я уже. Похожи были они очень, Дмитрий и Панков. Так похожи, что иногда мы путали их, словно близнецов. Панков тоже горел в танке. Оба они танкисты...

7

Простудившись на товарной станции, Дмитрий заболел воспалением легких. Клавдия Павловна взяла его в свой госпиталь и долго не могла успокоиться.

— С его здоровьем разгружать вагоны! — Клавдия Павловна возмущалась и сердито поглядывала на мужа, будто он был виновен в болезни Дмитрия.

Пока Дмитрий лежал в госпитале, подполковник Васильев ориентировал Главное управление о тех данных, которые он получил на Панкова, и просил проверить, проживал ли такой в Киеве... Не так легко было это сделать: в Киеве еще сидели немцы. Но Киев не мог остаться без подпольщиков-патриотов, без чекистов.

Когда фашизм будет разгромлен, Васильев не только узнает имена, но и увидит многих из тех, кто оберегал советскую душу Киева. Приедет в Саратов генерал-майор Дроздов и вместе с чекистами Саратовского управления КГБ разоблачит осевшего в одном из районов области агента СД, члена нацистской партии Наннету, выдавшую гестапо советского разведчика в Киеве Ивана Кудрю и его товарищей: приму оперного театра Раю Окипную, Женю Бремер. Но это еще будет не скоро, после войны.

Васильев просил по возможности проверить, имеются ли какие-нибудь данные о судьбе Дмитрия Плетнева, содержавшегося в лагере 236. А в этом лагере еще зверствовали фашисты.

Дмитрий пролежал в госпитале около месяца. Клав-

дия Павловна выхлопотала ему путевку в окружной санаторий, проводила туда торопливо, не скрывая своего стремления как можно меньше сталкивать его с отцом.

Дмитрий видел это и сказал, что, вернувшись из санатория, жить дома не будет.

Генерал Плетнев, щадя жену, отмалчивался. Только с Максимом Петровичем Семеновым был откровенен. Семенов заходил к нему обычно после смены. Ремонтный завод, на котором он работал, находился в полу-часе ходьбы от военного городка.

Семенов пришел в тот вечер, когда на душе Плетнева было особенно тяжело.

Увидев на столе конверты с написанными адресами, Семенов спросил:

— Опять в Москву?

— Да. И в округ. Представь себе, не отвечают. Что бы это значило?

— Не до тебя, поди... Не твои слезные послания на первой очереди.

— Нет, Максим Петрович, не то.

— Что же?

— Теряю доверие... Вот что! — Плетнев ходил по комнате, не зная, куда деть руки, мешавшие ему в эту минуту.

— Чушь!

— Да?.. Дивизию потерял — раз!

— В тяжелых оборонительных боях. Твои люди стояли насмерть.

— Сын пришел из плена — два!

— Бежал!

— Скрыл, что находился в плена, — три!

— Его неправда — святая. Из-за тебя же...

— Я помог получить документы, ввел людей в заблуждение... — продолжал Плетnev, не обращая внимания на доводы Максима Петровича.

— Он — твой сын. Ты и должен был ему помочь.

— Мой сын... Мой сын воспитан правдивым и честным...

— Сам же говорил: вывернула его война...

— Его вывернул плен!

— Плен, плен, вот заладил!.. Да откуда там, в Москве, знают?..

Плетнев не дал договорить Семенову:

— Я написал! Сам! Неужели ждать, когда мне, генералу Плетневу, коммунисту, предложат написать объяснение?

— Ты еще и отец,— заметил Максим Петрович.

— Отец сына, который не мог лгать, не должен скрывать правду, какой бы она не была. Теперь я не верю ему. Не могу освободиться от своих подозрений, забыться. Мне трудно смотреть в глаза своим командирам и курсантам. Призываю их быть храбрыми, беззаботно преданными Родине, а сам думаю о Дмитрии и будто читаю на лицах недоумение: «А ваш сын, товарищ генерал?.. Как же вы воспитали его?..» Максим Петрович, я не могу оставаться в училище. Я должен гнать и бить гитлеровцев за себя, за сына, за всех, кто остался из моей дивизии на поле боя... Теперь у нас есть чем бить!.. Вон какие танки пошли!..

Максим Петрович слушал, дымя папиросой, поглядывая на Плетнева прищуренным глазом.

— Да, танки хороши... Но ты свое отвоевал!.. И Дмитрий!.. С Дмитрием, чувствуя, сложно... Присматривайся к нему... На заводе вот о нем говорят разное... Вначале уважали его, а потом кое-кто отвернулся...

Вошла Ольга, поздоровалась.

— Вот радость моя! — Плетнев всегда был рад приходу Ольги, он любил ее, как свою дочь. — Не ревнешь? — С улыбкой спросил он Семенова, целуя Ольгу в голову.

— Знаю, тянется к тебе, — примирительно ответил Семенов. — Чем порадуешь, внучка?

— На этот раз... не порадую. — Ольга вздохнула, будто собираясь с силами. — Батарею снимают. Мы не нужны здесь. Налеты на город прекратились... И вот завтра погрузка...

— Что ж ты раньше не сказала! — Плетнев подошел к Ольге, посмотрел ей в глаза. — Хочешь, я позвоню военкому?..

— Нет, нет! — запротестовала Ольга. — Девочки едут, и я с ними...

Клавдия Павловна и Андреевна уже знали, что Олину батарею снимают и отправляют на фронт. Клавдия Павловна молча обняла Ольгу, прижала к груди. Андреевна, как всегда, запричитала:

— Отец воевал, раны еще не зажили, — рвется на фронт. Дмитрий инвалидом вернулся, мать не вылезает из госпиталя, у тебя, Оля, медаль, — хватит с нас!

Семенов сердито посмотрел на Андреевну.

— Помолчи, разве она послушается?

— И с Димой не простишься... — не унималась Андреевна.

Олењку словно взорвало.

— А зачем прощаться?.. Не любит он. И все забыл! Все! — У Олењки дрогнули губы, она разрыдалась. Клавдия Павловна увела ее к себе, старалась успокоить.

— Забыл он, забыл!..

— Что забыл, скажи?

— Забыл, что я... жена его, — прошептала сквозь слезы Олењка. — В тот день на Днепре... Мы дали клятву... Это было в тот день... только тогда... А он будто забыл!

Клавдия Павловна прижала Олењку к груди, стала целовать в голову, в лицо, в грудь, куда только могла дотянуться дрожащими губами. Целовала и не могла произнести ни одного слова.

Они вернулись в гостиную, и Олењка стала прощаться. Дед пошел за ней, осунувшийся, жалкий.

— Деда, я напишу, и ты ответишь мне сразу. Ладно?..

Семенов хотел что-то сказать, но, закашлявшись, махнул рукой.

На другой день батареи, оберегавшие город, снялись со своих позиций.

8

Ответ из Главного управления о проверке Панкова и Плетнева по Киеву пришел раньше, чем думал Васильев. Он пробежал глазами скучные строки, за которыми стоял самоотверженный труд чекистов киевского подполья и их помощников — патриотов Советской Украины.

«По оперативным данным, которые нам удалось получить, в доме № 7 по улице Кладбищенской г. Киева Дмитрий Панков не проживал, человека с такой фамилией близкое окружение не знает. По этому адресу проживает кладбищенский сторож Григорий Сидорович Флока, подозреваемый в связях с гестапо. Его сын — Тарас Флока призван на службу в Советскую Армию в начале войны, сведений о нем Григорий Флока не имеет.

По указанному вами второму адресу действительно проживала семья генерал-майора танковых войск Плетнева Г. И., которая эвакуирована в г. Саратов. Плетнев Г. И. и его сын — Дмитрий Плетнев, лейтенант, находятся на фронте.

По непроверенным данным, квартиру Плетневых посетил неизвестный человек в сопровождении офицера гестапо. На время его визита поселившиеся немецкие офицеры из комендатуры были переведены в другое место. Перепроверить эти данные не удалось.

При получении новых сведений сообщим дополнительно.

О ходе проверки по делу «Сын» просим информировать...»

Эти строки подполковник Васильев прочел несколько раз.

Панков не проживал... Панкова не знают... Но Панков назвал этот адрес... Очевидно, не наугад... Он знает адрес... Откуда?.. Или от кого?.. Кто был на квартире Плетневых?.. И почему удалили из квартиры офицеров комендатуры?.. Почему его сопровождал офицер гестапо?.. Данные были непроверенными!..

Бумага из Главного управления, отвечая на запрос Васильева, еще больше поставила перед ним новых вопросов.

Примерно за год до описанных событий в Житомирском лагере военнопленных сотрудник архива полковник Зоневальд встретил вербовщика «Украинской рабочей команды» Михаила Сизого.

«Будет мешать мне», — подумал Зоневальд и решил подождать, пока Сизый уедет.

— Полковник, а я могу передать вам ценного агента! — Сизый сам начал разговор. — Мне он уже не нужен. В этом лагере он справился с заданием. Выявил командиров, коммунистов и тех, на кого мы можем положиться. Хотите? Бутылка коньяка и — по рукам!

Зоневальду нужен был агент для изучения контингента военнопленных в лагере 236. Правда, это было далековато от Житомирского лагеря, но если агент действительно ценный, то...

— Покажите, — попросил Зоневальд.

Через полчаса перед ним сидел военнопленный — молодой человек, прикрывавший рукой шрамы на своем лице.

— Горел в танке, — пояснил он сразу.

— Вижу. Был пленен?

— Сдался.

— Не хотел воевать?

— Я — украинец...

Зоневальд полистал бумаги, которые ему передал Сизый, и нашел там подпиську: «Я, Флока Тарас Гаврилович, посвящая себя борьбе за создание Самостийной Украины, во имя этой борьбы готов отдать все свои силы...»

«Самостийная Украина»... Это было не совсем по вкусу Зоневальду, но он умел ценить пропагандистские лозунги, на удочку которых попадались куда более крупные караси, чем этот Флока.

Зоневальд перевернул листок и прочел еще одну подпиську: «Я, Флока Тарас Гаврилович, украинец, обязуюсь совместно с немцами вести борьбу против большевиков и коммунистов. В случае непослушания немецкому командованию, а также разглашения тайны, буду наказан по всей строгости немецких законов вплоть до расстрела».

«Подписка абверу»... — Зоневальд подумал о том, что и ему придется отобрать еще одну подпиську. Не слишком ли много?.. Пролистав еще несколько листков, Зоневальд поморщился: не было проверки по Киеву, а ее сделать не трудно. Впрочем, по характеру заданий такая проверка не требовалась. Флока выполнял не такие уж ответственные поручения, содержался в лагере наравне с другими военнопленными, лишь тайно пользуясь погачками.

Зоневальд записал киевский адрес Флоки и установочные данные на отца — сторожа кладбища.

— Тебя переведут в лагерь 236, — сказал Зоневальд. — Там встретимся.

— Слушаюсь, — покорно ответил Флока.

Зоневальду понравилось, что Флока держался почтительно, не задавал вопросов. Если бы не обезображенное шрамами лицо, он мог показаться симпатичным.

«Да, ты должен мне помочь!» — про себя сказал Зоневальд.

Шеф разведки поставил перед ним задачу всеми способами проникнуть в Поволжье, изучить, по каким нитям и откуда питается Сталинград, чтобы перерезать эти нити, облегчить победу. Ленинград, Москва, Сталинград... Фюрер знал, куда направить главные удары, и Зоневальд верил фюреру...

Все, о чем рассказал Васильеву Ступин, было сущей правдой. Он передал Васильеву то, что знал, что видел, что чувствовал, о чем догадывался. Правдиво рассказал и о том, как ему самому удалось вырваться из лагеря. Ступин не скрыл, что для этого ему пришлось дать согласие служить в немецкой армии, он дал подписку и был направлен на фронт санитаром, перебежал к своим, тут же явился в особый отдел, прошел проверку и был отпущен в отпуск по причине дистрофии.

Но Ступин не знал, что Панков был агентом немецкой разведки «Абвер», находился на связи у полковника Зоневальда и по его заданию изучал Дмитрия Плетнева. Ступин не мог предполагать, что у Панкова была другая фамилия, настоящая — Флока, что он вовсе не Дмитрий, а Тарас. И подполковник Васильев долгое время не будет знать всего этого, потому что время не открыло еще всей кухни немецкой разведки.

Фамилию Карла Зоневальда подполковник Васильев впервые прочел в списке установленных сотрудников немецкого разведоргана «Абвер», прочел, знакомясь с ориентировкой центра по этому разведоргану. Вот что в ней говорилось:

«Полковник Карл Зоневальд посещал лагеря военнопленных, лично подбирал и вербовал агентуру для сбора сведений о военно-экономическом потенциале Советского Союза. Уроженец г. Кельна, по образованию юрист. Женат, имеет двух дочерей...»

Но подполковник Васильев не знал, что в это же самое время полковник абвера Карл Зоневальд шел по Саратову, в колонне военнопленных, тяжело передвигая

ноги, обутые в соломенные галоши. Шел он не впереди колонны, как ему подобало по чину, а с солдатами. И никто не знал его звания и настоящей фамилии. Офицерская книжка была зашита в подкладке шинели, и Зоневальд думал о том, как сохранить ее, не выдавая себя. А в кармане лежала замызганная солдатская книжка некоего Генриха Шульмана, вынутая им из ранца первого попавшегося трупа, когда он выходил переодетым из подвала сдаваться русским.

Колонна шла от станции, где разгрузился эшелон, за военный городок, к баракам. На всем пути идущих провожали суровые взгляды прохожих.

Колонна миновала военный городок, свернула вправо, к баракам. Зоневальд увидел наспех сделанное ограждение из колючей проволоки, совсем не такое, как в лагерях для русских военнопленных, в несколько рядов колючей проволоки, переплетенной часто, как сеть. Он увидел и траншеи, вырытые вокруг бараков. И со страхом вообразил, что в них будут расстреливать военнопленных. Но траншеи — об этом он узнает позже — были просто щелями, в которых прятались при бомбежках рабочие соседнего завода и курсанты военного училища.

Посещение лагеря военнопленных Васильев запланировал себе, как только прибыли пленные. Помощник начальника лагеря по оперативной части майор Иванченко провел Васильева по баракам, по пути рассказывая о структуре и управлении лагерем.

— Пленные сведены в зоны, роты и взводы. Командирами назначены офицеры из пленных. Комендант зоны — тоже немец. Офицеры отделены от рядовых, живут в отдельном бараке и на работы пока не выводятся...

В кабинете майора Иванченко, небольшой комнатушке с одним окном, Васильев спросил о том, ради чего, собственно, и пришел в лагерь:

— Нет ли среди пленных лиц, имевших отношение к лагерю № 236?

Майор Иванченко, подумав, ответил:

— Нужно посмотреть списки. Но вряд ли будут об этом сведения. У нас пленные со Сталинградского фронта. Большая часть — без документов. Многие не называли своих фамилий, чинов и откуда они. Сейчас, огляделвшись, сами приходят и просят исправлять первоначальные записи. Особенно офицеры...

— Да?

— Увидели, что офицеры пользуются льготами, не выводятся на работы...

— Среди старших офицеров есть командиры крупных подразделений?

— У нас нет старших офицеров, для них созданы свои лагеря. Правда, недавно объявился один полковник. Выдавал себя за рядового, а потом пришел и говорит, что он оберст. Подал офицерскую книжку. Хранил за подкладкой шинели. Выпорол при нас, а в ней среди листов — вши... Пришлось свозить этого оберста на санобработку.

— Теперь он где?

— Отправили в офицерский лагерь согласно предписанию. Такой нахал, потребовал полковничью форму. Командир взвода, в котором он состоял, обер-лейтенант Брюннер сострил: «Возьмите, оберст Зоневальд, там, где вы ее оставили».

— Не понравилось?

— Еще бы. Пригрозил сквитаться, когда встретятся на родине. Я, говорит, вас запомню...

Под впечатлением этого разговора подполковник Васильев находился всю дорогу от лагеря до своего штаба. В его воображении возникал образ надменного немца то в форме солдата, то в форме полковника, протягивающего свою книжку со вшами между листов. Зоневальд, Зоневальд. Сын леса, что ли?.. Хорош, нечего сказать. Мысли об этом оберсте выскоцили из головы, как только Васильев вошел в свой кабинет. Секретарь подала ему

почту. Он открыл папку и сразу увидел бумагу с московским штампом. Важные документы секретарь всегда клала сверху. Васильев быстро прочитал:

«В связи с поступающими от генерал-майора танковых войск Плетнева Г. И. рапортами с просьбой направить его в действующую армию, сообщите о наличии компрометирующих материалов на его сына Дмитрия Плетнева, находившегося в плену и, по словам генерала Плетнева Г. И., скрывавшего это». Все, больше ничего не было написано в этом запросе, если не считать поставленных отметок: «Совершенно секретно», «Срочно» — да подписи начальника отдела.

Этот запросставил Васильева в затруднительное положение. Он знал, что от того, что он ответит, будет зависеть решение по рапортам генерала Плетнева.

Из центрального архива пришел ответ на его запрос о проверке Флоки. На обороте его сообщалось, что Флока Григорий Сидорович, уроженец села Белые Криницы Харьковской области, подвергался раскулачиванию в 1930 году, на Флоку Тараса Григорьевича данных не имеется.

Рассмотрев почту и часть бумаг оставил себе, а остальные расписав по сотрудникам, Васильев вдруг опять вспомнил разговор в лагере с майором Иванченко, опять оберст Зоневальд, этот сын леса, возник перед ним, как знакомый. Зоневальд, Зоневальд... Будто Васильев знал его или слыхал эту фамилию... Где-то она ему попадалась... Где?.. В каком деле?.. Васильев открыл сейф, взглянул на сложенные стопкой дела, на ориентировки о розыске агентуры противника и вспомнил! Теперь уже уверенно взял ориентировки на установленных сотрудников и агентов абвера, медленно полистал их: Вот она, эта ориентировка с фамилией Зоневальда, и красная черта, сделанная Васильевым под словами: «Женат, имеет двух дочерей!» «Так вот кто ты такой, Карл Зоневальд!.. Вот почему ты выдавал себя за рядового!.. Но спесь взя-

ла верх, ты назвал себя... Впрочем, все равно я бы нашел тебя, сын леса. Пусть не так скоро... Но почему именно я?.. Ах, да! Не был ли ты в лагере 236, если посещал такие лагеря и выискивал людей на вербовку?.. Вот что нужно проверить!..»

Через полчаса оперуполномоченный отдела с письмом подполковника Васильева мчался в лагерь. Васильев просил майора Иванченко сообщить адрес лагеря, в который был переведен оберст Зоневальд.

Еще не решив, что он предпримет, когда получит адрес лагеря, то ли напишет запрос в оперативную часть лагеря, то ли командирует туда оперуполномоченного, то ли сам поедет, Васильев вдруг оказался перед еще одним событием этого примечательно начавшегося дня: пришел Петр Ступин. И едва увидел его, Васильев принял решение.

— Вы хорошо помните администрацию лагеря? — спросил Васильев, усадив Ступина перед собой.

— Фамилии разве упомнишь, да и не все назывались... — ответил Ступин. — Те, что запомнились, я написал вам...

Васильев помнил, что в списке Ступина фамилии оберста Зоневальда не было.

— В ваш лагерь должны были приезжать сотрудники немецкой разведки для вербовки и получения различных сведений. Кого-либо из них вы знали по фамилии? — снова задал вопрос Васильев, досадуя на себя за то, что не может спросить проще и не может доверяться Ступину во всем, в чем нужно бы.

— Приезжали, конечно, — подтвердил Ступин. — Бывали и в гражданской одежде, хотя им козырял комендант лагеря, как старшим. Фамилий их никто не называл нам...

— А полковники среди них были?

— Лично в форме полковника не видел, не скажу...

— Лагерь 236 мог посетить полковник Зоневальд. Не слыхали такой фамилии — Зоневальд?..

— Зоневальд, Зоневальд, — повторил Ступин. — Не слыхал...

— А если этого человека показать вам? — спросил Васильев.

Ступин от неожиданного вопроса даже оглядел комнату, не сидит ли где-либо в углу этот Зоневальд.

— Ну что ж, может, и вспомню, если на глаза попадался... Зоневальд...

Васильев попросил Ступина прийти завтра, к вечеру.

На следующий день у Васильева уже был готов план мероприятий, связанных с поездкой Ступина в офицерский лагерь немецких военнопленных.

Наконец пришел вызов Плетневу из управления кадров. Ему предлагалось сдать училище полковнику Белкину и прибыть для получения назначения.

— На фронт! В действующую! — Генерал словно переродился, прочитав вызов. Он тут же позвонил подполковнику Васильеву, не предполагая, что Васильев не только уже знал о принятом в управлении кадров решении по рапортам Плетнева, но и способствовал принятию этого решения, сообщив, что на сына генерала Плетнева компрометирующих материалов нет. Это был смелый ответ. Васильев мог пространно изложить материалы, содержащиеся в деле «Сын», а там разбирайтесь как хотите. В этом случае профессиональная совесть Васильева была бы чиста, он законно подстраховал бы себя, и только. Но Васильев не знал, кому попадет его ответ, может, работнику, который тоже захочет подстраховать себя, и тогда... Звонок Плетнева заставил вспомнить все это.

— Поздравляю! — ответил Васильев. — Когда отбываете?

— Дня через три, если успею сдать училище Белкину...

— Ну что же, все хорошо... Думаю, что перед отъездом увидимся?

— Конечно! Неужели я так уеду!..

9

Ступин глядел из окна сторожки в парк, по расчищенным дорожкам которого прохаживались ненавистные ему люди. Сколько же их здесь — молодых, старых, толстых и тонких, в разных чинах и званиях! Руки за спину, руки на животе, руки по швам, они неторопливо двигались, что-то говорили, озираясь, и чужая, картачная речь доносилась даже сюда, в сторожку.

У главного входа здания, в котором жили немцы, стояли трое в одинаковых мундирах, в фуражках. Один из них, тот, что был постарше, опирался на палку. У второго немца было длинное лошадиное лицо, а третий стоял спиной, лица его не было видно. Среди этих трех немцев, сказал оперуполномоченный, был полковник, бывший полковник Зоневальд. Ступин должен был его опознать. Для этого нужно было пройти мимо с ведром и метлой, поравнявшись, попросить прикурить, поставить ведро на землю, поблагодарить, затянуться дымком, взять ведро и пройти дальше, в глубину парка... Не хитро, а у Ступина колотилось сердце.

— Ну, идите! — словно благословил оперуполномоченный.

Немцы, когда перед ними остановился Ступин и жестом показал на потухшую папиросу, взглянули друг на друга, будто бросили жребий, кому вынуть зажигалку. Ступин снова показал на потухшую папиросу и посмотрел на каждого из них. Тот, что опирался на палку, что-то быстро сказал «лошадиному лицу», который тут же выхватил из кармана зажигалку, зажег и поднес к па-

пироске Ступина. Ступин затянулся, выдохнул дымок, сказал «спасибо», взял ведро и двинулся дальше в парк, как ему было сказано. Он успел посмотреть лица всех троих немцев, и теперь шел, не видя перед собой дороги, представляя эти лица и боясь растерять их черты. Все трое были ему незнакомы. Ступин их видел впервые.

Оперуполномоченный был явно огорчен тем, что Ступин не опознал оберста Зоневальда, и теперь показал ему фотокарточку, взятую у начальника лагеря. На Ступина глядел самодовольный немец, курносый, с такими же усиками, как у фюрера.

— Нет, не видел такого. Не попадался! — вздохнул Ступин. — Выходит, зря мы проездили...

— Не зря, товарищ Ступин. А вот скажите, — оперуполномоченного осенила неожиданная мысль. — Зоневальд мог видеть вас в лагере?..

— Кто знает!.. Мы все друг на друга были похожи там. В полосатых пижамах, небритые...

— Увидя вас, Зоневальд оставался спокоен? Ничем не выдал, что видел вас прежде?

— Если б вы раньше показали мне, кто Зоневальд, я присмотрелся бы к нему, а так...

— Нельзя было, — вздохнул оперуполномоченный. — А вот он посмотрел вам вслед, только один он...

— Вы не разрешили мне оглядываться, когда отойду от них...

Зоневальд действительно посмотрел вслед Ступину, посмотрел только он один, и через несколько минут, славясь на головную боль, оставил своих коллег и вернулся в общежитие. Оперуполномоченный знал, что он лег на койку, закрыл глаза и оставался в таком положении до ужина, недвижимый и безучастный. Видно было, что он не спал, не мог заснуть. Но оперуполномоченный не знал и не мог знать, что Зоневальду лицо Ступина показалось знакомым. Где он видел его?.. Где?.. Зоневальд был педантичным, как все немцы, прошедшие школу

лу муштры. Он начал вспоминать все места, где мог видеть русских. Лагеря... Стalingрадский фронт... Конвой... Саратовский лагерь... Цепочка тянулась трудно, будто он выбирал ее с непосильным грузом... И он вспомнил!.. А вспомнив, не мог уже спокойно сидеть на месте.

Тот день в лагере № 236 оказался для оберста Зоневальда исключительно тяжелым. Ожидая, когда к нему приведут после «обработки» военнопленного 3059, Зоневальд нервничал, потому что уже не верил в то, что ему удастся осуществить свой замысел по варианту № 1. Он вышагивал по грязному полу комендантской комнаты, брезгливо глядел на серые стены с какими-то пятнами, будто следами плевков, ругал коменданта лагеря Нордмана за неряшливость, останавливался у окна и глядел, как военнопленный сортировал возле склада срезанные у женщин волосы.

«Этого следует убрать! — подумал Зоневальд. — Он много лишнего знает... 3025... 3025». — Зоневальд старался запомнить его номер, хорошо видный на груди и спине, как и у всех. Запомнил и лицо самого военнопленного, широкое русское лицо.

В дверях лагеря показался фельдфебель, что-то приказал военнопленному и ушел. 3025 посмотрел ему вслед и сплюнул.

— Убрать! — уже громко произнес Зоневальд, будто отдал приказание. — Какой злой взгляд у этого русского!..

Зоневальд отошел от окна и стал ждать, когда к нему приведут военнопленного 3059. Предстояло провести последнюю встречу с человеком, на которого он возлагал столько надежд. Почему, собственно, возлагал? Как мог так ошибиться? Может быть, сбил с толку этот вербовщик со странной фамилией — Сирый, а потом агент

Флока со своими донесениями?.. Как могла прийти мысль, что человек, сознательно выдающий себя за комиссара и напрашивающийся на расстрел, может пойти на вербовку и работать на немецкую разведку?.. Не ухватился ли Зоневальд за первую соломинку, которую протянул ему Флока? Да, очень нужен был агент для заброски в Поволжье, нужен! Но почему 3059?.. Ах, сын генерала!.. А если еще вербовка окажется удачной, он, Зоневальд, может рассчитывать на благодарность начальства. Да, да, главное — завербовать и забросить...

Раздались шаги, хлопнула дверь, Зоневальд обернулся и увидел унтершарфюрера Аппеля, вталкивающего в комнату военнопленного 3059.

— Вы свободны, Аппель! — проговорил Зоневальд, не ожидая доклада.

3059 сидел в углу на табуретке, прислонившись спиной к стене. Зоневальд прошел к столу, незаметно включил магнитофон.

— Я сожалею, что мы не находим общего языка, — неторопливо заговорил он, наливая в стакан коньяк. — Офицер, сын генерала, мог рассчитывать на большее внимание к себе и на лучшее содержание. Хотите выпить, лейтенант Плетнев? Это придает сил. Подойдите к столу! Вот сигареты...

— Не пью и не курю, вы уже знаете, — откашлявшись, сказал 3059. — И я не лейтенант Плетнев... Я — Иванов, комиссар танкового батальона...

Зоневальд прошел к окну, снова увидел раскрытые настежь двери склада и возле них военнопленного 3025, — он уже тряс пижамы, а не женские волосы, как прежде. «Нужно убрать, знает много», — снова подумал Зоневальд и повернулся к 3059.

— Вы торопитесь на тот свет. А вам, лейтенант, мы намерены сохранить жизнь. Человек живет один раз. А вы так молоды... Вас ждет невеста... Как ее звать?.. —

Зоневальд подошел к столу, раскрыл папку с бумагами, прочел: — Ольга Семенова. Так?..

— У меня нет невесты. И Ольгу Семенову я не знаю.

— Вы упрямый человек!.. Сведения получены из Киева. Может быть, вы забыли, что Киев в руках немецкого командования?..

— Вас прогонят из Киева, и скоро уже!

— Нет, лейтенант Плетнев! Вот посмотрите, где проходит линия фронта! — Зоневальд отодвинул занавеску, закрывающую висящую на стене карту, и 3059 увидел на ней три жирные синие стрелы, остирем упирающиеся в Ленинград, Москву и Сталинград. — Ну?..

— Стрелы повернутся на запад, полковник. На Берлин! — ответил 3059.

— Вы — жертва большевистской пропаганды!

— Я не жертва, я сам пропагандист! А вы — жертва нацистской фашистской демагогии!

— Поставим на этом точку. — Зоневальд в самом деле не намерен был вести споры с 3059, это не входило в его планы и не сулило удачи. — Вот что, лейтенант Плетнев, давайте говорить, как деловые люди. Я вам — жизнь, мундир офицера, вы мне — подписку. Я не знаю, как сложатся дальнейшие обстоятельства. Пройдете небольшую подготовку, затем будете переброшены в тыл советских войск, побудете в госпитале небольшое время и затем — в Саратов. Там можете вести себя как хотите... Вам я плачу по самому высокому тарифу — вы получаете жизнь! Дороже жизни ничего нет, лейтенант Плетнев! Обещаю вам, что не будут расстреляны участники подпольной организации в лагере, которых вы назовете. Они будут направлены на работы... Так подпишитесь и надевайте мундир! По рукам, лейтенант Плетнев?! Ну?.. Будьте благоразумны! Повторяю, в Саратове делайте, что хотите, вы там человек свободный, у себя дома... Итак, в Саратов, домой, к невесте или в траншею...

3059 молчал, не глядя на Зоневальда.

— Ну? — Зоневальд начинал терять терпение. Сколько времени он потерял, работая с агентом Панковым, надеясь на осуществление своей легенды! А 3059 стоял на своем. Он даже не хотел признаться, что он — сын генерала Плетнева. А может быть, и в самом деле, он не Плетнев?

— Сколько раз говорить: я — Иванов, комиссар. И вашего условия принять не могу.

— И генерала Плетнева не знает? Да?

— Знаю! Это отец моего товарища по училищу.

— Сегодня вы пойдете в траншею! Мы дадим информацию русским, что лейтенант Плетнев, сын русского генерала, расстрелян за нарушение режима. Вам не удастся скрыть свою фамилию!

— Я — Иванов, комиссар...

Зоневальд пустил в ход свой последний шанс.

— Почему вы назывались военнопленному № 3049 Дмитрием Плетневым, сыном генерала Плетнева? — спросил он, уже теряя выдержку.

— 3049 — ваш агент Панков, — проговорил 3059. — Я дезинформировал его, а он вас. Вы работали с ним впustую...

Когда вошелunterшарфюрер Аппель, Зоневальд коротко бросил:

— В траншею!

На следующее утро репродукторы разнесли по всем баракам приказ коменданта лагеря:

— «Слушайте все! Слушайте все! Совершив убийствоunterшарфюрера Аппеля и военнопленного номер 3049,бежал из-под расстрела военнопленный № 3059 Дмитрий Плетнев, сын советского генерала. Приметы: рост средний, на лице рубцы от ранений и ожога, поврежден глаз. Приказываю: каждому, кто что-либо знает о побеге или слыхал об обстоятельствах, связанных с побегом, явиться в комендатуру и дать показания...»

Этот последний разговор с военнопленным 3059 четко вспомнился Зоневальду, будто он проводил его только вчера. Так же отчетливо представил сейчас он и лицо военнопленного 3025, которого так напомнил ему встретившийся сегодня человек с метлой...

Дали команду приготовиться к ужину. Зоневальд встал, одернул мундир и выбежал наружу, надеясь хотя бы издали, — впрочем только издали, — взглянуть на дворника, попросившего прикурить. Может, это вовсе не тот военнопленный, что работал на складе?.. Может, только похож?.. Ведь были похожи Панков и этот 3059!.. Зоневальд прошел по всем дорожкам сквера, но дворника не встретил.

10

Тот факт, что Ступин не опознал Зоневальда, был уже не столь важен для дела. «Ну что ж,— думал Васильев, — не попадался на глаза Ступину этот сын леса, да и все тут. Да и Зоневальд, как сотрудник разведки, не очень-то демонстрировал себя в лагере по условиям конспирации, и где уж там военнопленному,смертнику, приметить офицера абвера...»

По словам Ступина, предал Дмитрия Плетнева Панков. Кому?.. Команданту лагеря? Допустим... Но Дмитрий сказал Ступину, что его вербовали, предлагали мундир немецкого офицера. Кто вербовал?.. Командант лагеря?.. Мало вероятно. Вербовать мог только сотрудник разведки. Лагерь 236 посещал с целью подбора агентов сотрудник разведки Карл Зоневальд, как указано в ориентировке Главного управления. Значит, и Плетнева мог вербовать Зоневальд, получавший информацию от Панкова. Значит, Панков знает Зоневальда так же, как и Дмитрий Плетнев. Пришло время допросить Дмитрия Плетнева или как там он на самом деле называется.

Дальше медлить нельзя. И очную ставку провести с Зоневальдом, этапировать сюда полковника.

Оперуполномоченный удивился тому, что ему вновь придется лететь к Зоневальду.

— Опять со Ступиным? — спросил он.

— Один полетите. И возьмете Зоневальда сюда... Утром получите все документы и постановление с санкцией прокурора.

Подполковник Васильев вызвал Дмитрия на другой день после отъезда оперуполномоченного. И решил с ним пока говорить только как с Дмитрием Плетневым.

— Не удивлены, что я пригласил вас, Дмитрий Григорьевич? — спросил Васильев, усадив его против себя за приставным столиком.

— Давно жду этого, — ответил Дмитрий.

— Есть причины?

— Из-за них, нужно полагать, я и приглашен к вам...
Лагерь 236?..

— Да! — подтвердил Васильев, довольный тем, что Дмитрий сам вышел на нужную дорожку.

— Должно быть, Ступин был у вас. Он, знаете, никак не успокоится, за другого меня принимает. В семье такая смута, что впору бежать на край света. Так вы и разыскивать станете. Вот и сижу...

Дмитрий слишком забегал вперед, что могло помешать. У Васильева был свой план.

— Вы какой номер носили в лагере?

— 3059.

— Свою фамилию называли?

— Нет. Ивановым считался.

— Почему Ивановым?

— Свою фамилию не хотел компрометировать. Ивановых-то сколько в каждом городе!

— Вас расстрелять хотели?

— Меня ли одного! В тот день нашего брата полную траншею наложили...

- Ступина на расстрел не брали?
- В тот день он на складе работал. Прибегал ко мне в барак проведать, я избитый лежал на нарах.
- О чём вы просили его?
- Просил воды. Пить хотелось, а сам встать не мог.
- Ступин говорит, вы просили передать в барак, что Панков — предатель?.. Вы знали Панкова?..
- Знал... На одних нарах спали. Адресами обменялись с ним. Истинную фамилию только ему сказал. А на другой день меня в комендатуру вызвали, допрашивали, кто мой отец. Я понял, что Панков сказал немцам...
- Панков, говорите, дал свой адрес?..
- Да... Только не помню сейчас, забыл. У меня ведь с памятью плохо...
- Но город помните?..
- В Киеве жил он. А вот улицу — забыл...
- Хотя бы район...
- Где-то возле кладбища...
- «Нет, ты помнишь, помнишь. Просто не хочешь сказать. А Дмитрий Плетнев сказал бы... Сказал!» — Васильев, оценивая ответы Дмитрия, старался оставаться спокойным.
- Может быть, вспомните все-таки?.. Так за что вас расстрелять хотели?.. — спросил Васильев. — Ступин говорит, что немцы вас завербовать пытались.
- Такое намерение было. Но я отказался. Наотрез!
- Кто вас вербовал?
- Немцы.
- Наверное, кто-нибудь один из них?
- Был такой.
- В каком чине?
- Не знаю. Он в гражданском костюме приходил, в шляпе.
- Сколько раз он беседовал с вами?
- Раза два-три...
- Что он хотел от вас?

- Предлагал подписать обязательство.
- Какое?
- Служить немецкой армии.
- В чем выражалась бы эта служба?
- Звание обещал.
- Какое?
- Лейтенанта.
- Этот немец говорил по-русски?
- Да, хорошо говорил.
- Где проводились эти беседы?
- В кабинете коменданта.
- Как фамилия коменданта?
- Зоневальд...

Что это, оговорка, или?.. Васильева словно током ударило. Он, не глядя на Дмитрия, осторожно переспросил:

- Как вы сказали? Зоневальд?..

— Нет, я спутал... Фамилия коменданта — Нордман. Точно, Нордман! Оберштурмфюрер Нордман! Всегда пьяным ходил. С резиновой палкой... — Дмитрий принялся описывать коменданта с подозрительной поспешностью, и Васильев догадывался, что он пытается отвлечь внимание от фамилии Зоневальда, которую он назвал, допустив оплошность.

— Ну, а кто был другой немец, этот Зоневальд? — спросил Васильев, теперь уже не выпуская нити, попавшей ему в руки.

- Я сказал — Зоневальд?

— Да. Кстати, это не тот немец, который хотел завербовать вас?

- Возможно... — не сразу ответил Дмитрий.

- А вы узнали бы его, увидев?

- Не уверен...

- Опишите его внешность...

— Средний рост, полноватый... Ничего особенного. Да, курносый!. Вот нос запомнился...

Нет, это был уже шаг вперед. Он помнит Зоневальда, он опознает его как вербовщика. А если это — Панков, то, без сомнения, он — агент Зоневальда, агент разведоргана «Абвер», заброшенный для сбора сведений в Саратов... Можно было вынуть из стола дело, взять фотокарточку Зоневальда и показать Дмитрию. «Это — Зоневальд», — возможно, сказал бы Дмитрий, и тогда он понял бы, что разоблачение близко, что нужно скрыться, бежать. И Васильев не стал показывать карточку Зоневальда.

— Вот что, Дмитрий Григорьевич, попрошу вас написать подробно о своем пребывании в плену, как бежали, как перешли линию фронта, как попали в госпиталь. Припомните беседы с Панковым, может быть, вспомните, на какой улице он проживал в Киеве, и, конечно, о Зоневальде...

— Хорошо. Завтра принесу...

— Я попрошу сейчас. В соседнем кабинете никого нет, секретарь даст вам бумагу и карандаш. Не торопитесь, чтобы не писать еще раз...

— Я не успел пообедать, — сказал Дмитрий вставая. Встал и Васильев.

— Вас накормят и здесь. — Васильев вызвал секретаря, вахтера, дал нужные распоряжения.

И когда они удалились, Васильев стал составлять постановление о задержании Дмитрия Плетнева для выяснения его личности. Всего одна фраза в постановлении, а за ней стояли судьбы людей. Справку по делу — для прокурора — всего на один лист Васильев писал долго, поглядывая в окно, под которым во дворе стоял наготове газик.

когда ослабевало напряжение в хирургической, она думала о Дмитрии — то как о сыне, то словно о чужом человеке. И сомнения приносили ей страдания...

От Григория Ивановича пришло первое письмо: получил назначение на ту же должность (Клавдия Павловна догадалась, что дали дивизию), туда же, куда хотелось (значит, на Первый Украинский, Киев освобождать будет), а о Дмитрии — целый лист, и между строк: не сын, не сын... Клавдия Павловна чувствовала, что муж готовит ее к тому, к чему шла и она, только более сложно и мучительно.

Разговор по телефону с Васильевым, его просьба не беспокоиться за Дмитрия, потому что он в отделе задержится до следующего дня, еще ближе подвели ее к рубежу, которого она ждала и боялась. Всю ночь она пролежала с открытыми глазами. Обостренная память воскрешала картины прожитой жизни, и все они были связаны с сыном: как ждала, как рожала, как он рос, учился, мужал, как завязывалась у него любовь к Оленьке... Где она сейчас? Почему нет письма от нее?.. Ведь должно уже быть, должно!..

Утром она пошла в госпиталь больной и разбитой. Из вестибюля позвонила Васильеву, но он не ответил. К концу дня подполковник позвонил сам и попросил прийти в отдел завтра.

— Договоритесь, пожалуйста, с начальством сами... Сумеете?.. — спросил Васильев. — Мне не хочется звонить...

— Думаю, что отпустят. Завтра у меня нет операций, — ответила Клавдия Павловна, едва держась на ногах...

Она нужна, завтра... Зачем?.. Конечно, по делу Дмитрия. И к ней перешел этот казенный термин «по делу», она произносила его в последние дни чаще и чаще. И думала, что за человек этот Васильев, который вел дело. Сумеет ли он понять ее, поможет ли материнскому серд-

цу окончательно почувствовать, что не война изменила сына, а чужой человек пытается использовать самое святое в своих корыстных целях? Потребуются десятки мирных лет, чтобы зарубцевались раны, нанесенные войной миллионам материнских сердец.

Но еще шла война, и действовали жестокие законы военного времени, потому что на родной земле еще лутовали враги, не прекращали свою работу агенты и диверсанты.

Полковник Зоневальд, тоже профессиональный разведчик, знал, что его ждет в случае разоблачения. И не случайно у него по спине пробежал холодок, когда он увидел дворника, похожего на военнопленного из лагеря № 236, подошедшего к нему с потухшой папиросой. Зоневальд почуял неладное, потерял покой.

За два часа полета от Москвы до Саратова он снова мысленно протянул нить всех своих действий от лагеря 236 до Сталинграда. Еще раз вспоминал все подробности, касающиеся заброски своего агента в Саратов. Цепочка продолжала тянуться, извлекая из узелков памяти «вариант № 2»...

На следующий день после того, как Зоневальд произнес приговор военнопленному № 3059: «В траншею!», и спустя ровно час после того, как все репродукторы лагеря разнесли по баракам приказ коменданта Нордмана о побеге военнопленного № 3059 Дмитрия Плетнева, сына советского генерала, к Зоневальду ввели военнопленного № 3049 — его агента Панкова. Как только закрылась дверь за конвоиром, Зоневальд, взглянув на Панкова, приказал ему сесть, налил рюмку коньяка, дал папиросу.

— Господин полковник, а как же в барак пойду? — удивленно произнес Панков. — Запах услышат, и тогда мне крышка...

— Пей, кури! В барак больше не пойдешь! Приказ слыхал?

— Так точно, господин полковник! Слыхал...

— Ну?..

— Меня целую ночь в одиночке держали. В карцере!
А в приказе — будто меня убили...

— Да, Панкова, больше не существует на свете. Его
убил лейтенант Плетнев, сын советского генерала, и бе-
жал!

— Он расстрелян, вчера...

— Найн, — почему-то по-немецки произнес Зоне-
вальд, хотя свободно говорил по-русски. — Скажи, тебя
и Плетнева действительно не различали в бараке? Вы
так похожи?

— Как близнецы, господин Зоневальд!..

— У меня есть звание...

— Виноват, господин полковник.

— И оба из Киева?

— Так точно.

— Зер гут! — Зоневальд прошелся по комнате, обду-
мывая, как ему приступить к самому главному, и решил
не тратить слов. Указывая на мундир, висящий на спин-
ке стула, Зоневальд приказал: — Возьми и надень!
Ну!..

Панков сбросил пижаму, облачился в мундир и по-
смотрел на Зоневальда, как бы спрашивая, что делать
дальше.

— Подошел? Твой размер?

— Как на меня сшит, господин полковник!

— В той комнате — все остальное. Ступай пере-
оденься!

Панков исчез и через несколько минут возвратил-
ся, преглупо улыбаясь, несуразный в немецкой военной
форме.

— Доложи! Ты есть офицер великой немецкой ар-
мии! — сказал Зоневальд. Он решил действовать по-
другому. Ведь это не комиссар Иванов!.. — Ну?..

— Господин полковник, лейтенант Флока по вашему приказанию...

— Найн! — перебил Зоневальд. — Ты есть лейтенант Плетнев! Ну?..

— Панков, господин полковник, — подсказал агент, думая, что Зоневальд оговорился:..

— Лейтенант Плетнев! — настойчиво повторил Зоневальд. — Ну?.. Или тоже хочешь в траншее?!

Панков вытянулся и нетвердо произнес:

— Господин полковник, лейтенант Плетнев... по вашему приказанию...

— Гут! Зетцен зи зих! — опять по-немецки приказал Зоневальд. И когда Панков сел, продолжал: — В этом мундире я увезу тебя из этого лагеря. Но мундир будет твоим в том случае, если ты выполнишь еще одно задание...

— Опять в барак? Меня убьют, господин полковник!

— Ты знаешь такой город — Са-ра-тов?

— На Волге, господин полковник.

— Вот туда и поедешь.

— Он еще не взят...

— Будет взят после Сталинграда!..

— Что я должен там делать?

— В общих чертах — получить некоторые данные о важных заводах, военных частях...

Панков не дослушал.

— Я не справлюсь, у меня семь классов... И в голове...

— В таком случае не выйдешь живым из этого кабинета. Ты уже убит! Слыхал приказ?.. Ты убит бежавшим из лагеря Плетневым!.. Это дает право мне... — Зоневальд вынул из кармана пистолет, положил на стол перед собой и продолжал: — Ты будешь действовать по надежной легенде, пройдешь подготовку, побываешь в Киеве, изучишь квартиру Плетневых...

— Зачем?

— Ты недогадлив!.. Поедешь в Саратов как лейтенант Плетнев, к своей бабушке...

— У меня нет бабушки!

— Есть! Мать генерала Плетнева... — Зоневальд заглянул в бумаги, лежащие на столе. — Агафья Андреевна...

— Она не примет меня!

— Примет! Ты же похож на Дмитрия Плетнева. Кто говорил, что вы как близнецы? Что вас не различали в бараке?.. И я сам вижу: ты и Плетнев — две капли воды!.. К тому же бабушка плоха глазами.

— А если сам генерал придет?..

— Генерал Плетнев убит под Киевом, его жена — хирург в полевом госпитале, Ольга Семенова — в зенитной части... Я получил точные и полные сведения. Биографии всех Плетневых и их родственников и знакомых тоже получены... Кроме того, тебе многое рассказал Дмитрий Плетнев...

— А если это был не он, а... комиссар Иванов?

— Иванов?.. И ты мне это говоришь только сейчас?.. В траншее!.. — Зоневальд вскипал. Перед ним сидел трус. О, если бы не эта легенда, если бы не требование шефа как можно быстрее найти агента для заброски в Саратов! С каким наслаждением он бы всадил пулю ему в лоб! — В траншее!..

— Нет, я готов, но боюсь... меня сдадут в НКВД!

— Я сказал: будет легенда! Тебя будут учить! Если мне разрешат, я сам поеду с тобой.

— В Саратов?

— В Киев!..

Зоневальд взял со стола лист, подсунул Панкову. Это было обязательство на сотрудничество. Не читая, Панков подписал его, третье обязательство — третий приговор себе...

«Так вот ты какой, сын леса!» — думал про себя подполковник Васильев, разглядывая Зоневальда и слушая его ответы, продуманные, неторопливые. Зоневальд отрицал, что посещал лагерь 236. Ему, как начальнику отдела, не вменялось в обязанность посещать лагеря, для этой цели были сотрудники другие, ниже рангом.

— Кто из ваших сотрудников посещал лагеря? — спросил Васильев.

— Я назову фамилии, но они вам ничего не дадут...

— Все-таки назовите, — попросил Васильев.

— Хорошо, я вспомню...

Зазвонил телефон, и Васильев взял трубку. Секретарь просила разрешения войти, чтобы передать важный документ, только что поступивший.

«Он нужен вам сейчас», — шептала в трубку секретарь.

— Принесите!

Секретарь вошла и положила перед Васильевым папку. Он открыл ее и быстро прочел: «Сообщаем, что нами получены дополнительные данные по Вашему делу «Сын». По полученным сведениям, квартиру Плетнева в Киеве посетил сотрудник абвера полковник Зоневальд (см. ориентировку № 103) с лейтенантом, фамилию которого установить не удалось. Приметы лейтенанта: следы ожога на лице, носит повязку на левом (может быть, на правом) глазу. Этот же лейтенант конспиративно встретился с кладбищенским сторожем Флокой Григорием, о котором мы вас ориентировали. Флока вскоре после этого был арестован гестапо и расстрелян будто за то, что в пьяном состоянии говорил могильщикам, что к нему приезжал сын, занимающий большую должность на службе у немцев. Перепроверить последние данные не удалось, но они получены из достоверных источников...»

Васильев захлопнул папку и посмотрел на Зоневальда. Их взгляды встретились, тревожный — Зоневальда, суровый — Васильева.

— Я попрошу вас написать фамилии всех сотрудников разведоргана, которых вы знаете, — сказал Васильев и подал Зоневальду бумагу, ручку. — Постарайтесь вспомнить...

Васильев вернулся к столу, снова открыл папку.

Как вовремя пришло это сообщение! Многое теперь становилось ясным.

Пока Зоневальд решал, кого записать, а о ком умолчать, Васильев обдумывал свои действия. Нужно было брать инициативу в свои руки.

— У вас еще будет время вспомнить своих коллег, — заметил Васильев, глядя на куцый список Зоневальда, и попросил привести арестованного.

Зоневальд продолжал сидеть в той же позе и глядел на красную кожаную папку Васильева, в которую лег его список. Эта папка словно гипнотизировала его, и он не слышал то, что сказал Васильев по телефону.

— Войдет человек, которого вы должны знать, — сказал Васильев уже громко. Зоневальд поправил на носу очки, посмотрел на дверь и увидел переступающего через порог своего агента. Собственно, встреча с ним не была неожиданной: с того момента, как его повезли в Саратов, он догадывался, что этой встречи не избежать, но сейчас, когда она становилась явью, Зоневальда бросило в жар.

Агент, напротив, не ждал этой встречи, в его голове не было мысли о том, что он увидит Зоневальда в кабинете особого отдела. А между тем перед ним сидел Зоневальд, правда, не тот Зоневальд, которого он знал в лагере, а уже другой человек, с чертами того, бывшего Зоневальда, потерявшего властную надменность, которая всегда пугала агента. Такой Зоневальд не мог закричать: «В траншей!»

— Вы знаете этого человека? — спросил Васильев у мнимого Плетнева.

Но Зоневальд опередил ответ:

— О, мы знакомы! Это же лейтенант Плетnev! Командант лагеря 236 докладывал мне, что он бежал!

Это и была та соломинка, которую подготовил себе Зоневальд. За нее ухватился и его агент.

— Это полковник Зоневальд... Он вербовал меня, предлагал сотрудничество с разведкой...

— Значит, вы были в лагере 236? — спросил у Зоневальда Васильев.

— Да, два или три посещения.

— С какой целью?

— Вербовка.

Что ж, отпираться сотруднику агбвера не было смысла, на то и разведка.

— Кто был завербован в этом лагере?

— Никто. Лейтенант Плетnev не дал согласия и совершил побег. Ему это удалось, как видите.

Васильев обратился к агенту:

— Вы подтверждаете?

— Да.

«По легенде идут, на первых порах разумно», — подумал Васильев. Он пригласил Клавдию Павловну, находившуюся в соседнем кабинете.

Войдя к Васильеву и увидев немца, Клавдия Павловна сразу определила, что это немец, и подумала о том, что он, наверное, не случайно здесь и должен знать о судьбе ее сына или был прямо причастен к ней, и посмотрела на немца с надеждой, страхом и ненавистью.

Васильев задал ей вопрос, как будто не относящийся к немцу, но Клавдия Павловна догадалась, что, отвечая на этот вопрос, она должна говорить не столько для Васильева, сколько для этого немца, скрывавшего глаза за очками. Она погасила волнение, охватившее ее, сбрав-

лась с духом и начала говорить о том, к чему пришла через страдания, через муки.

— Этот человек пришел к нам как сын, и мы приняли его за сына. Поначалу у меня не было сомнений, что это он, но потом появились. Мы старались отгонять их: ведь мысль о гибели сына была для нас страшна. Но подозрения росли, и пришло убеждение, что у нас живет чужой человек. Я смирилась с этим, потому что видела несчастного человека, еще юношу, так много испытавшего в жизни. Он нуждался в заботе, в ласке... Я надеялась, что он заменит нам сына. Я готова и сейчас считать его своим, но не знаю, кто он и зачем появился у нас...

Легенда начинала терпеть крах. Зоневальд не успел подумать о том, с какой стороны спасать ее, как новый свидетель, вызванный в кабинет, утверждал:

— Это — Панков, бывший военнопленный № 3049. Он выдал немцам Дмитрия Плетнева!

«Дворник!.. Тот, что просил прикурить!.. Работал тогда на складе! Я видел его из окна комендатуры!..»

Зоневальда словно обожгло. Конечно он! Те же широкие скулы!.. И вдруг перед ним будто вспыхнули цифры: 3025! В иной обстановке Зоневальд мог похвалиться своей наблюдательностью и памятью, но сейчас...

— Поначалу я сам обознался, он похож на Плетнева, и ранения одинаковые, в лицо... — Ступин говорил горячо, размахивая руками.

Васильев попросил его успокоиться и вспомнить, где проживал Панков до войны.

— В Киеве, как и Плетнев.

— Скажите, от кого вы узнали адрес?..

— Мне Плетнев сказал, когда я пришел к нему в барак со склада, в тот день, когда его на расстрел взяли... Сказал мне: запомни и скажи всем: Панков предатель, на Кладбищенской жил...

Зоневальда третий раз обожгло. Этот человек гово-

рил правду. Его агент допустил тогда непоправимую ошибку, назвав свой адрес в Киеве. Да, Кладбищенская... Прослушивая запись разговора агента с Плетневым, он сразу почувствовал этот промах.

Васильев снова раскрыл папку с бумагами, перевернув несколько листов.

— Вот сообщают мне... Панков в Киеве, по Кладбищенской, дом семь, не проживал... А проживал другой человек: Григорий Флока... Григорий Сидорович, кладбищенский сторож. Его сын — Тарас Флока был призван в армию, в танковую часть...

Зоневальд и Дмитрий переглянулись. Легенда рушилась на глазах.

— Вот еще: Григорий Флока проговорился, что к нему тайно приезжал сын, занимающий большую должность у немцев. За это Григорий Флока был расстрелян в киевском гестапо...

Минуту длилось молчание. Васильев закрыл папку с бумагами, положил на нее папиросы.

— Так ты и не Панков? — Ступин сплюнул и отошел в сторону, боясь не сдержаться. Он готов был наброситься на изменника, задушить его... Васильев отпустил его до следующего дня.

— Старика расстреляли... А он работал на вас... По ночам зарывал трупы расстрелянных в гестапо... По ночам...

— Итак, Плетнев — Панков — Флока, назовите выше настоящее имя! — Васильев посмотрел на него уже с чувством облегчения.

— Флока Тарас Григорьевич...

— Зоневальд, вы знали эту фамилию и этого человека под этой фамилией? — спросил Васильев.

— Да! На вашей стороне есть доказательства! Флока! Двойник Дмитрия Плетнева... Он плохо сыграл свою роль. Мы не получили от него никаких данных. Трус!.. Прошу занести мои слова в протокол. Трус!..

Зоневальд даже отвернулся от Флоки и стал противоречить очки.

— Да, я трус, — неожиданно сказал Флока. — Я боялся траншеи, поверил в вашу легенду, Зоневальд. Вы меня возили в Киев, там я изучал квартиру Плетневых и, несмотря на ваш запрет, увиделся с отцом. За это вы расстреляли старика...

— Не я, гестапо...

— Да, я плохо сыграл свою роль... Я оказался чужим в семье Плетнева, чужим в этом городе... Я ждал резидента, как вы приказали. Но где он?.. Где вы были?.. Если бы я знал, что вы в плену!.. Я вспомнил бы вам траншею, в которую вы отправили Дмитрия Плетнева! Он не сломился перед вами, не испугался траншеи! Он называл себя комиссаром Ивановым, шел навстречу смерти... Скажите, Зоневальд, что я говорю неправду!

— Нет, он говорит правду! — подтвердил Зоневальд. — Дмитрий отказался от сотрудничества. Но в его гибели я не виновен. Судьбами военнопленных ведал комендант Нордман...

Васильев постучал карандашом по столу, прекратил препирательство Флоки и Зоневальда, хотя оно многое открывало...

...Выяснена трагическая судьба лейтенанта Дмитрия Плетнева, погибшего от рук фашистов в лагере военнопленных, разоблачен двойник его — агент германской разведки Флока, установлен сотрудник абвера полковник Зоневальд... Но расследование еще продолжалось. Будет освобожден Киев (в боях за столицу Украины отличится танковая дивизия генерала Плетнева), будут освобождены узники лагеря № 236. Новые документы, показания других свидетелей откроют другие преступления Зоневальда, Флоки, дополнят списки агентуры врага и изменников Родины, расскажут о борьбе и стойкости советских патриотов в тылу немцев.

Но завершать дело будет уже другой чекист, прибывший с фронта на смену Васильеву, а полковник Васильев (да, уже полковник) будет направлен в действующую армию, примет особый отдел танкового корпуса и будет сражаться с врагом, как генерал Плетнев, как старший сержант Ольга Семенова, как миллионы других патриотов...

Создавая «Крах легенды» на основе действительных фактов, автор оставил за собой право несколько сдвинуть хронологические рамки событий, изменить фамилии и ввести характерные для того времени приметы.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Слово к читателю</i>	2
Н. И. Шабанов. Революцией призванные	5
Н. П. Ключарев. Последыши	62
М. В. Кравченко. Рассказы о чекисте	107
В. А. Андреев. Крах легенды	140

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

Сборник очерков о чекистах

Составитель *Н. И. Баландинский*. Редактор *В. Н. Серов*. Художник *В. К. Иванов*. Художественный редактор *В. К. Бутенко*. Технический редактор *Л. В. Андронова*. Корректор *Л. А. Семенова*.

ИБ292

Сдано в набор 27.IX 1976 г. Подп. к печ. 9.II 1977 г. НГ71083. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Усл.-печ. л. 8,75(12,5). Уч.-изд. л. 8,84. Тираж 35 000. Цена 39 коп. Заказ 2408.

Приволжское книжное издательство. Саратов, пл. Революции, 15.
Производственное объединение «Полиграфист». Саратов, пр. Кирова, 27.

